НАРОДНАЯ РУССКАЯ

ФИЛОСОФІЯ.

Составилъ ведля

ПОСЛОВИЦЬ И ПРИПОВѢДОКЪ

Евгеній Я. Згарскій,

учитель гимназіи.

КОЛОМЫЯ 1873.
Черенками Михавла Бѣлоуса.

Передрукъ застерегае собѣ издатель.

Вступное слово.

Не одинъ удивуется прочитавъ на заглавію: Народна русска философія. Нічого дивоватись! Русскій народъ имѣє прожденный глубокій смыслъ къ философическимъ розмышленіямъ: пускай послужитъ въ доказательство численныи приповѣдки, пословицы полны самыхъ быстроумныхъ убѣдительныхъ истынъ, якъ животворящая вода выпорающая изъ твердой опоки; выплывающихъ изъ самой жизни. Звертаючи вниманіе любезныхъ земляковъ моихъ на тое сокровище народного русского духа, я только въ той цѣли поднялся за трудъ, составити въ ладу тіи истыны, щобъ заохотити другихъ къ дальшому изслѣдованію. Не есть то въ русской природѣ наблюдати въ свободныхъ розмышленіяхъ строгую систему; потому и я не стремился подражати Нѣмцамъ, а скорѣй быти подлинимъ т. е. не теряти зъ очей русской почвы, русского духа. Надѣюся, що такъ ученый якъ и нашъ братъ селянинъ, съ однакимъ занятіемъ и любопытностію прочитаютъ мою, въ томъ родѣ совершенно новую книжку.

Коломыя въ Сѣчню 1873.

Евгеній Яковличъ Згарскій.

I.

Богъ. Свѣтъ. Вѣра. Молитовъ.

Перша мысль, якою человѣкъ отрожуется между всѣми иншими сотворѣнями, есть мысль о Бозѣ. Богъ, религія, обычайность становлятъ истоту человѣка. Якіи понятья о Бозѣ, о религіи, объ обычайности утворилися въ теченю вѣковъ на поли науки, звѣстно всѣмъ ученымъ людямъ. Любопытна рѣчь отже, що въ тихихъ загородахъ та хуторахъ своихъ о повысчихъ понятьяхъ думае нашъ простый, не письменный народъ.

Позаякъ русскій народъ принялъ святое крещеніе, вѣра христова водворившись въ его души, заявилась самымъ простымъ, яснымъ, несколебимымъ розумомъ. Не бывало ни религійной сварнѣ, ни кровавыхъ гоненій за-для вѣры между русскими на сколько, якъ на западѣ, между Нѣмцями, Французами, Италіанами, Испанами и прочими. Наколи религія потоками истопцали человѣческую кровь у послѣднихъ, тверезый русскій умъ, держался своихъ ясныхъ да твердыхъ, бо легко понятныхъ правилъ, якихъ на каждомъ шагу достерегалъ въ самой дѣйствительной жизни, въ кругѣ родины, въ роботѣ, отъ колиски до самой смерти.

Що старе вино для слабыхъ, то перехована правда зъ рода въ родъ для дорастающихъ поколѣней. Не обманула она дѣдовъ да прадѣдовъ, не измѣнялась, а была всегда ясною, чистою, заразомъ царствующею и въ головѣ и въ сердцю: якжежъ было кому изъ далекихъ правнуковъ усомнѣватись ей, или сприневѣритись, да позабыти? „Незнавъ кто старшій, Богъ ли, или правда?“ спрашаютъ иногдѣ толковыи люди и тѣмъ довольно заявляютъ свою глубокую почесть для правды, въ которой видятъ, даже понимаютъ самого безконечного Бога. Вотъ и путь, якимъ простый розумъ тверезого русского человѣка дотекалъ найвысчой истоты!

„Нема въ свѣтѣ надъ Бога.“ Богъ а свѣтъ не стекаются въ одно: кто Богъ, а кто свѣтъ? Богъ то истота, въ которой одно: воля й сила. „Божа воля, божа и сила; вольно Богу що хотѣти, то чинити: у Бога все готово.“ Такъ воля и сила въ одному, суть крайнін знамена Божой истоты. О такомъ Бозѣ учитъ свята церковь, такій Богъ есть христіанскимъ Богомъ. Всемогущая Божая сила, есть всемогущою Божою волею. Дотскаючи вещей, истотъ по ихъ явленію, розумъ человѣка спознае силы. Сила за временемъ, сила и въ пространи. Сила перемагае и тревае, слабость зъупиняется, прикращается, погибае: ве-

лікая сила перемічится огромною пространею, недуга исчезае на мѣстѣ самою недвижимостью. На силахъ полягае существо всѣхъ вещей, существо и жизнь всѣхъ истотъ. Силы самы въ собѣ не суть крайною причиною всего существа и жизни, бо не суть истотою а власностью истотъ. Воля есть признакою истоты Безъ волѣ нема истоты, а всѣ вещи суть только явленьями выплывающими зъ волѣ истотъ.

Не у всѣхъ истотъ стекаются воля и сила: тому то и доконалость ихъ не однака; силою и волею образуется кожда истота. Богъ, що найдокональша, найвыста истота, бо „що его воля, то и сила.“

„Безъ Божой волѣ и волосъ зъ головы не спаде.“ Тому то и вся премудрость, що человѣкъ у всему зависимый отъ Бога, бо „безъ Бога ани до порога.“ Ничимъ розумъ человѣка проти Божой волѣ: „якъ Богъ не схоче, то хоть бы десять головъ имѣлъ, ничого не зробишъ.“ Не сволитъ Богъ, такъ марный трудъ человѣка: „не родитъ роля, а Божая воля.“ Не слѣпый случай веде человѣкомъ: „якъ Божа воля, то вернешся зъ моря.“

Розумъ человѣка ніякъ не въ силѣ достигчи Божой волѣ, бо „ктожь въ свѣтѣ знае, що Богъ гадае?“ Даже тогды, якъ человѣкови щось не по его захотѣньямъ кажется, свята Божа воля: „а намъ Бога не учити, якъ хлѣбъ родити; Богъ знае, що робитъ.“ Слабый розумъ человѣка, не може достеречи Божихъ цѣлей: „Богъ все дае, якъ самъ знае.“

Кромѣ всемогущой волѣ и силы въ Божой истотѣ, есть она всевѣдущая: „отъ Бога нигде не сховается, бо его око и на водѣ, и на земли и подъ землею.“ Богъ вѣчный. Ни пространью, ни временемъ не смежена Божая истота. У Бога ни минулости, ни теперѣшности, ни будущности. Все живе, все одно передъ его святымъ всевѣдѣньемъ. „Богъ все бачитъ, та не скаже.“

Всемогуща Божа воля и сила, не пригнобляе ни волѣ, ни силъ всѣхъ безчисленныхъ истотъ. Богъ есть самъ въ собѣ найдокональшою свободою: „Его воля, его и законъ.“ Истотѣ человѣкови далъ Богъ розумъ, дабы закономъ достигалъ свободы. Въ сполученью закона съ волею человѣка заключена цѣла его свобода. Богъ, доконалая свобода не есть творецъ неволѣ: далъ каждой истотѣ сукромую волю, дабы стремилась къ свободѣ.

„На Бога складайся, розуму-жъ тримайся.“ Далъ Богъ розумъ, далъ волю, далъ силы человѣкови на дѣло. Не подасть Богъ ничого, якъ самъ не потрудится: „на Бога надѣйся, а самъ не плошай.“ „Бога взывай, а руки прикладай.“ Даже отъ бѣды, отъ напасти далъ Богъ человѣкови розумъ: „Богу молись, а самъ стережись.“

Що Божая воля, то и Божій законъ; такъ нѣтъ въ Бозѣ якого нибудь беззаконія. Его свята, воля святымъ его закономъ. Въ томъ соединенью волѣ й закона, найвысше добро въ Бозѣ. Далъ Богъ человѣкови розумъ, дабы спознавалъ найвысше добро: его волю законъ его святый. „Усе Боже, только грѣхи наши.“ Слаба человѣка природа. Обманюютъ смысли, що въ толпѣ безчисленныхъ явленій не спознае правдивой истоты. Тожъ и запалилъ Господь святый огонь въ человѣцѣ, запалилъ любовь въ его сердцю. „Отъ сердця до Бога, на випростецъ дорога; бо отъ сердця до неба, шляха намъ не треба.“ Не самымъ только розумомъ, а сердцемъ, любовью человѣкъ стоитъ въ связи съ Богомъ. „Богъ батько, мы его дѣти.“

Найбольше добро для человѣка, якъ живе по волѣ и закону Божому. Всякое зло походитъ отъ спринсвѣренья, зачѣмъ попадае человѣкъ въ розличнія нещастья. Тымъ то вся бѣда есть карою для человѣка. Недознавъ человѣкъ злого, не спознае и своего добра: „карою учится розуму.“ „Кого Богъ любитъ, того и карае.“ Всѣляко бывае въ жизни людей. Прискипается иногдѣ лихо, то и минется: по злиднѣхъ, настае погода. „Кого Богъ заемутитъ, того и потѣшитъ.“ Сдаючись на Бога по всемъ, человѣкъ дознае великой помочи на души въ бѣдѣ да клопотахъ. „Богъ дасть нуждочку, Богъ дасть, що и оздоровитъ.“ Нема бѣды вѣчной на свѣтѣ, бо „каравши Богъ та и змилуется.“ Страданія улегчаютъ совѣсть человѣка: „Богъ покоритъ, Богъ и проститъ.“

Бывае, человѣкъ на разъ не спознае въ томъ ніякого добра, що ему доскулило. Часто нарѣкае на тое, що послѣ на добро его звело; ажъ познае: що Богъ дае, то все къ лучшому. „Що Богъ ни робитъ, то все на лучше; що Богъ дасть, то не напасть.“

Всѣляко повижуется всѣмъ людямъ: не одного забагаютъ, чего ніякъ дождати, докараскатися, бо: „не всежъ Богъ дарує, про що людъ мѣркує.“ Не може человѣкъ понимати ясно да точно своего придѣленья, на що промагаютъ силы, що ущастливитъ его. „Та бачитъ Богъ зъ неба, що кому треба.“

Нѣтъ человѣка, щобы ненадѣлилъ его Богъ якою способностью къ жизни. Далъ голову, далъ руки, далъ ноги, далъ пять смысловъ, бесѣду тожъ и выправилъ въ свѣтъ способного. „Кого Богъ сотворитъ, того не уморитъ.“ Подасть Богъ не одному кусокъ хлѣба и въ крайней бѣдѣ. „Далъ Богъ ротокъ, дасть и кусокъ.“

Нѣтъ у Бога богатыхъ нѣтъ убогихъ, нѣтъ пановъ, нѣтъ хлоповъ, а всѣ люди ровныя. „Що вбогій, що багатый, у Бога все рѣвно.“ Такъ заровно доскулитъ бѣда убогому якъ и богатому.

Есть между людьми всѣляка доля, всѣлякое пожитье. Той богачъ зъ роду, а того сповили родичи въ торбѣ. Не однако розвелося у людей имѣнье, не однакими талантами надѣляе Господь поодинокихъ. А вжежъ отъ самыхъ людей залежитъ, щобы свышніи дары не лише въ своѣ питоменный хосенъ впотребляли, а въ пользу ближнихъ. Убогій найде заробокъ у багатого, невѣжій науку и пораду за свѣтлыми, слабый охорону за сильными: цѣла громада проживае въ мирѣ и добру тымъ, що другъ спомагае друга. Заводятъ люди между собою установы, такъ що до личного имѣнья, якъ и загального добра. „Богъ нерѣвно дѣлитъ, жде щобы самы дѣлилися."

Бываютъ безбожныи люди, а тыхъ не минае заслуженная кара „Кто противъ Бога, то и Богъ проти него." Неразъ угурного человѣка скарае Богъ несподѣвано въ самомъ здоровью и полному добру. „Съ Богомъ ничего жартовати, бо человѣкъ стрѣляе, а Богъ кулѣ носитъ, человѣкъ крутитъ, а Богъ розкручуе."

Человѣкъ долженъ всегда памятати о Бозѣ. Часто густо припадаютъ люди тогды къ Богу, якъ имъ надоѣла бѣда. „Кто коли тревога то до Бога, а по тревозѣ забуде о Бозѣ — горе тому: Богъ некарае прутомъ."

Такій Богъ, така звязь человѣка съ Богомъ. Нищо людямъ толковати багато про Бога, бо ніякъ опредѣлити безконечного конечнымъ. Знаючи, исповѣдуючи истинного Бога, уповаючи на Него въ щастью и нещастью, мирно проживае отецъ семіи на своемъ хуторѣ, доховуется и доплекуется богобойно дѣтокъ, надѣляе ихъ достаткомъ, а дожывши коньчины — смерти, супокойно умирае. Тому то и смерть праведного русского селянина, то смерть философа, бо мало кто между ученымы умирае такъ тихою душею, якъ проста наша праведна людына.

Безмежною палатою Бога есть свѣтъ. „Никто не знае о Божомъ свѣтѣ." Дармо человѣкъ силуется розумомъ дотечи всѣхъ истотъ, всѣхъ вещей. Сколько то вѣковъ перелыло отъ коли промышляютъ о свѣтѣ люди. Хочь яки велики имѣемъ на теперь науки, хочь мысль человѣка шывлается даже по огромной небесной пространи, обчисляются планеты, ихъ пути: никто не смѣрковалъ свѣта, бо „у Бога свѣта багацько." Зъ отколи свѣтъ взялся, и не пытай марно человѣче! „Початокъ и не можна знать, отколи свѣтъ взялся," бо „міры вѣчностью здавна называются." Такъ свѣтъ отвѣчній; ниже „все тѣнь минуща, одна рѣчъ живуща — свѣтъ съ Богомъ." Такъ отколи Богъ, отъ тогды свѣтъ, а якъ Богу нѣтъ конца, такъ и свѣтови. О такомъ вѣчномъ безконечномъ свѣтѣ учитъ насъ физика; такій свѣтъ былъ Богомъ поганьскихъ народовъ. И не диво, що такій свѣтъ есть свѣтомъ розума человѣческого.

Только розумъ такій свѣтъ понимае, а не смыслы, для которыхъ является „тѣнь минуща, а счезае истота живуща." Такого свѣта ни дозрѣти, ни домѣритися, бо нѣтъ той драбины, щобъ до неба достала, а „якъ небесная высота, такъ морская глубина." Ужежъ земли человѣкъ непромѣрилъ, да не дойшолъ всего не тобы свѣта!

Нигде столько дива, якъ въ самому свѣтѣ. „Сколько свѣта, столько и дива." Ни память, ни смыслы человѣка несдужаютъ обняти всѣхъ явленій въ свѣтѣ. Пускай кто посмотритъ вечеромъ на небо засѣянное безчисленными звѣздами, якъ макомъ, и все то Божи міры съ истотами своими. Що найбольше дивнымъ свѣтъ дѣлае, то безконечная розличность сотворѣней: „якъ свѣтъ великій, такъ розлично на немъ бывае."

Где свѣтло тамъ и свѣтъ, тожъ и земля наша свѣтомъ. Жіютъ люди на свѣтѣ: „що свѣта, то и міра." „Що свѣтъ, такъ и люди." Свѣтъ дѣйствуе на смыслы человѣка, становитъ его вѣдомости. Звидѣти що возможно богато свѣта, значитъ просвѣтитися, бо „кто въ свѣтѣ не бывалъ, то и дива не выдалъ."

Есть земля въ тѣснѣйшомъ значенью свѣтомъ для себе, такъ есть она только малою крышиною свѣта. Ей бытъ не тое, що цѣлого свѣта; якъ имѣла початокъ, такъ имѣе конецъ. Уже святое писаніе голоситъ, що появлятся на небесахъ знаки, знаменующіи конецъ свѣта (землѣ.)

„Якъ буде мѣсяць чернецъ, то буде и свѣту конецъ." Цѣлый свѣтъ почивае на ладу, на законахъ. Правильно сходитъ и заходитъ соньце, правильно сходитъ и заходитъ мѣсяць. Якъ долго треваютъ тіи правила, такъ долго тревае земскій свѣтъ. Текутъ рѣки своими отвѣчными корытами, но „якъ сойдется Стрый и Ломецъ, то буде свѣту конецъ."

Свѣтъ красный, свѣтъ великій, свѣтъ широкій! Ктожъ между нами не полюбилъ цѣлою душею, цѣлымъ сердцемъ Божого свѣта? Радуются малыи дѣти свѣтомъ на веснѣ, въ лѣтѣ осени и зимѣ, а передъ молодымъ хлопцемъ да дѣвошкою „свѣтъ роствирается." Нѣтъ большого зла, якъ тое, если кто кому загиритъ свѣтъ, завяже свѣтъ, затворитъ свѣтъ. Куты, где проживаютъ по хатамъ нашіи семіи зовутся свѣтлицями. Приходитъ человѣкъ на свѣтъ, радостно привѣтствуютъ люди нового обывателя. Крестины празднуе народъ нашъ щоможъ весело.

Невеселый свѣтъ одинокому человѣкови. Человѣкъ сотворенъ, дабы проводилъ жизнь въ обществѣ. Милый кому свѣтъ, милый каждому Заможнѣйши не шадѣютъ яку-таку справити потѣху бѣднѣйшимъ

Завистній, або хищій, ни собѣ, ни другому не вдоволитъ; прійде часъ попращаемся изъ тымъ свѣтомъ. „Никто не може свѣта пережитя.“ „Причина Боже свѣта!“ молятъ наши люди, а погасне кому зарано свѣтъ, такъ оплакуютъ ревно.

„Свѣте красный, моя Украино!“ голосятъ пѣсни; бо нигде на столько милого свѣта, якъ въ краю, где родились, где зросли, где помремъ. Загирялъ кто край, загирялъ и свѣтъ людямъ. Нещастная тая людина, що прійшлося ей пойти „въ свѣтъ за очима.“ Для праведныхъ и свѣтъ праведный, а „лукавому и солнце свѣтитъ лукаво.“ Лукавый якъ може такъ колотитъ: „лукавый крутитъ Божимъ свѣтомъ.“ Тяхимъ свѣтомъ называютъ, если жизнь законнымъ путемъ розвывается, безъ борбы; но где кипитъ лютая борба, тамъ часто и „свѣта не видно.“ Голова человѣка полна свѣта. „Только и всѣта, що въ головѣ.“ Иногдѣ такій свѣтъ засвитае въ головѣ, що негодится изъ настоящимъ. „Отъ великого свѣта, ажь въ головѣ закрутилося.“ Хотъ мысли наши сягаютъ далеко, не стѣсняются ни временемъ ни пространю, а вжежъ такой „голова не торба,“ нужно дбаты, дабы „не завернулася.“ Не свѣтъ людемъ завертае голову, а „люди сами собѣ завертаютъ, если свѣтъ непонимаютъ.“

Горе такому человѣкови, если онъ починае „цуратитя свѣта.“ Одинакій свѣтъ для всѣхъ, яки не былибы красивыи, бридкіи, богатыи, бѣдніи: „и грѣхъ въ свѣтѣ помѣстится, якъ изъ дѣломъ опростится.“ Якъ грѣхъ убивати душу, такъ и грѣхъ цуратися свѣта. „Кто свѣта цурается, въ нужды бѣды дождается.“ „Кто Божого свѣта цурается, той и Бога лишается.“

Такій Богъ, такій его свѣтъ. Изъ такимъ Богомъ на свѣтѣ, сполучае человѣка вѣра. „Безъ вѣры люди неначе звѣры.“ Человѣкъ знае и вѣритъ: познаютъ люди умомъ тай розумъ. Що розумнѣйшій человѣкъ, тѣмъ ясньйша и твердша его вѣра: що тверда вѣра, то тверда воля. Родится человѣкъ хоть съ розумомъ, то не съ вѣрою; учитъ его кто вѣры, такъ учитъ и розуму. Переймилъ кто розумомъ вѣру, живитъ его сердцемъ; вѣра въ сердцу дѣлается теплою, горячою; тому то „яка вѣра, така и жертва. Въ полной горячой вѣрѣ сдается человѣкъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ на Бога; вѣра проводитъ его черезъ всѣ случаи жизни, вѣра потѣшаетъ въ часѣ смерти. Божимъ узломъ сполучае вѣра людей между собою. Вѣритъ человѣкъ женѣ, отецъ своей дѣтянѣ, братъ братови, сестра сестрѣ, другъ другови, землякъ землякови: такъ повѣряютъ люди одни другимъ всякое добро свое „бо „безъ вѣры нѣтъ спасенія.“

Нѣтъ лукавшого существа на свѣтѣ, якъ человѣкъ безъ вѣры.

„Невѣрный горшъ жида, або турка.“ Невѣрному на нищо забожитися; глухая у него совѣсть. Кто вѣритъ, того Богъ не оставитъ, а невѣрній безъ проводу Божого ступае на путь лукавства. Лихо такому народови, если помежду людьми замертвѣе вѣра. Невѣра невѣритъ ни въ свою, ни въ чужую долю. „Вѣра сполучае, невѣра вражду розсѣвае.“ По невѣрѣ становится распра, ненависть, погибель, такъ поодинокихъ людей, якъ и цѣлихъ народовъ. Невспенитъ ніякій законъ невѣрующого человѣка, если увлекутъ его похоти. Изъ дня на денъ живе невѣрующій, бо где нѣтъ довѣрія, тамъ нѣтъ надежды. Недовѣряе онъ самъ собѣ, своимъ силамъ, своему духови, бо дабы крѣпкій духъ былъ нужно вѣрити въ духа, а духъ безъ предѣльній, духъ во всѣхъ насъ духъ во всякомъ дыханію. Невѣра, то отсутсвіе духа, а где нѣтъ живого духа, тамъ нѣтъ животворящой силы. Хозяинъ засѣвае ниву въ той вѣрѣ, що зерно брошенное въ святую землю зродитъ сторицею; ставитъ кто новый домъ въ той вѣрѣ, що въ его стѣнахъ прожиютъ здорово, да щастливо внуки, правнуки. Такъ сильная вѣра спонукуе человѣка дѣлати добро въ далекую будушность; наколи невѣра придержуется хвилѣ, а „хвиля хвилею измѣняется, скоро настае, ще скорше минается.“

Правдива вѣра, то вѣра вѣдущая, а вѣра слѣпа, то вѣра въ обманъ. На тое Богъ далъ свѣтло въ головѣ, щобы вѣра не отъ сердца до головы, а зъ розуму до сердца вникала. Слѣпа вѣра, слѣпый розумъ багато лихи наворушили въ человѣческомъ родѣ. Было, що за вѣру багато мукъ отъ слѣпыхъ перестерпѣли люди. „Якій розумъ, така и вѣра.“ Якъ люди розумнѣйшія, то и вѣра у нихъ — ясная супокойная.

Дабы вѣру исповѣженну розумомъ огрѣвало сердце, на тое есть молитовъ. Первая наука, якую дѣтина зъ устъ доброй матери слышитъ, то есть молитовъ; богобойныи родичи ховаютъ богобоязливо свои дѣти. Далъ Богъ человѣкови уста, щобы непорочно исповѣдалъ святое имя его. Молитовъ польгу дѣлаетъ человѣкови во всякой скорбѣ, згризотѣ, нуждѣ, бо „за Богомъ молитва не пропадае.“ Розумного Богъ потѣшае, бо „розумный молится, а дурень плаче.“ Только розумомъ и сердцемъ нужно говѣти Богу, бо „зъ дурного говѣнія нѣтъ спасенія.“

Кого що научитъ молитвы, то великое небезпеченство. На столько то лихихъ случаевъ наставленія жизнь человѣка! Гинутъ люди такой на гладкой дорозѣ, а спасаются отъ найбольшой грозы. „Кто не умѣе молятися, пусть иде на море учитися.“ Къ всему дѣлу нужно Божого благословенія, которое узыскае человѣкъ только молитвою: „нѣтъ отченашъ, нѣтъ и хлѣба.“

Душа человѣка подпадае безчисленнымъ недугамъ, больше чѣмъ самое тѣло. Жаль, скука, журба, отчаянье порутъ иногдѣ по души, а недовольствіе змерзитъ свѣтъ и себе самого. Не поможе ніякій лѣкъ, ніякое розвлеченіе, бо лихой мысли „ни загорчити, ни засолодити.“ Одинъ только лѣкъ въ молитвѣ. „Молитва и скрушитъ и облегчитъ.“ Были времена, когда люди исцѣляли, ободряли себе молитвою. „Истинна молитва и душу скрѣпляе и страхъ отнимае.“ Желае кто почувствовати въ собѣ Бога, не иначе якъ только силою молитвы.

Духъ богобойности споконвѣка оживлялъ дѣдовъ, прадѣдовъ нашихъ. Побожность завсѣгды домувала на Руси. Насилалъ Господь велякіи да тяжкіи кары на край нашъ, такъ народъ у Бога находилъ отраду, потѣху: „живый народъ нашъ, якъ долго жива его вѣра.“ Куда ни поступимъ нашою родною землею, кресты, знамена святой вѣры, окрашаютъ ланы, царины, прилюдны гостинцы. На видъ святой фигуры крестится нашъ подорожный, и отдавши честь Богу, поздоровитъ на встрѣчи каждого человѣка. „Почитай Бога и всѣхъ добрыхъ людей, говорятъ дѣточкамъ, поля дѣтвора и привѣтствуе мимоидущихъ словами: „Слава Іесусу Христу.“

Такъ Богъ, свѣтъ, вѣра, молитва живутъ въ головѣ и сердцу нашого народа. Численныи села, вѣсточка розвелись на родной земли нашой, за вѣрою и молитвами всѣхъ праведныхъ. Тому то и нычѣ поставилъ кто новую хату, посвящуе священникъ сю молитвами. Що року въ пору зеленыхъ святъ, святятъ у насъ поле. Така наша вѣра нашъ Богъ, нашъ край, нашіи люди: Господи! подай свѣмъ остатись такими!

II.

Человѣкъ.

Уже старыи люди говорили: „познай себе буде съ тебе.“ Не легкожъ человѣкъ себе пбзнати може: „Що той человѣкъ у Бога за звѣръ, незнасмъ.“ Человѣкъ родится, живится и померае. Где якая звѣрина унаровленная подабае на человѣка: „и скотина розумна, даромъ що не говорятъ;“ а зяовъ где якій человѣкъ, то горшій звѣра. Скѣлько то написалися ученыи о человѣцѣ! Человѣкъ розумна истота ей признаки — то мова и воля. Розуму никто не сѣе, самъ родится, а наукою плекается. Розумъ, то даръ Божій, а наука, то людская праца. „Розумъ старый, а наука молода.“ Иногдѣ человѣкъ учится и ненавчится розуму, бо „лучшій розумъ прирожоный, якъ наученый.“ Каждый человѣкъ мае свой питоменный розумъ, якъ и свою собственну природу; тожъ людей пытай а свой розумъ май.

Цѣлый свѣтъ полагае на розумѣ: щобы умѣти нужно розумѣти. Розумомъ познае человѣкъ рѣчи, имъ судитъ и дѣлается умный. Подобно якъ искру затворилъ Господь розумъ въ человѣцѣ: розумъ розпывается въ человѣцѣ. Неимѣе человѣкъ опыту, такъ не имѣе полного розуму. Тому то найбольше розуму человѣка учитъ досвѣдченье: „цкода учитъ розуму.“

Ничимъ всѣ сокровища, если нѣтъ розуму и хоть бы не знати якъ добре велося, нѣтъ добра безъ розуму; тожъ и „недай Боже щастья, а дай розумъ.“ Человѣкъ истота розумна и словесна.

Нѣтъ красчого Божого дару, надъ мову. Перве, що найзмильше для матери учути зъ устъ родной дѣтины, то родное слово. Мовою объявляе человѣкъ свого духа, свою душу, всѣ чувства сердца; мовою передае другимъ свои понятья свои мысли. Изъ мовы познаемъ розумъ, бо „якій розумъ, така и бесѣда.“

Есть ли въ природѣ пріятнѣйшій, звучнѣйшій голосъ, надъ голосъ здорового человѣка? Розличніи звуки, произносимы грудьми, горломъ, языкомъ губами, зливаются голосомъ въ слова. Сколько мыслей, сколько понятій, на столько и словъ, а цѣлая мова, то искусне чудесне произведеніе духа, образуется въ розличныхъ правильныхъ слогахъ. Якъ стравою тѣло, такъ словами крѣпить да живится человѣческая дума. Каждый присвѣдчился, якъ великую шгу имѣе „доброе слово.“ За добрымъ словомъ есть и отрада, есть и довѣріе: „добре слово, то золотое слово.“ „Не подашъ кому кусокъ хлѣба, то подай хоть доброе слово.„ Добрый духъ заявляется въ добромъ словѣ, доброй мовѣ, а съ чистыхъ устъ, медомъ паточится солодкая мова. Небылобы у людей на столько пріязни, любви, да веселія, еслибы не имѣли красный даръ хорошой мовы. Мова, то отвѣчное сокровище, которымъ передаются мысли, присвѣдченья, опыты, цѣлая душевная жизнь, дѣдами прадѣдами, въ далекія поколѣнья. Мовою сполучаются люди въ одную цѣлость, въ одинъ народъ, мовою спознае и чувствуе себе человѣкъ членомъ одной великой семіи: „сколько народу, столько и мовы.“

На земли проживаютъ розличніи народы, розличніи языки. Отъ бесѣды совсѣмъ дикихъ людей, сложенной съ простыхъ грубыхъ звуковъ, подобныхъ до крику звѣрятъ, якъ на примѣръ въ южной Африцѣ у Готентотовъ, ажъ до мовы всѣхъ просвѣщенныхъ, письменныхъ народовъ, що за великое ростояніе! Тисящи лѣтъ нужно было на тое зачѣмъ языки розвили, утончили да усовершилися до той степени, що сдѣлалися доконалыхи, такъ по своему виду, якъ и содержанію.

Если въ началѣ черезъ долгіи вѣки выработывалася мова языкомъ, зъ устъ до устъ передавалася поколѣніямъ, то на коли прибрѣли люди письмо, стала она розвиватися въ несровнательно большихъ розмѣрахъ, въ красшихъ искуснѣшихъ видахъ. Сколько то богатыхъ книжнихъ языковъ имѣемъ на свѣтѣ! Не только зъ устъ матери учится человѣкъ теперь своему языкови, но зъ книжокъ, а зъ книжокъ возможно ему научитися чужимъ языкамъ, якимъ захоче. Такъ языкъ, мова, книжки, то есть собственности человѣка, высоко отличающіи его надъ всѣ прочіи сотворѣнья, а ктобы усомнѣвался естеству духа человѣческого, пускай только розглянется въ огромномъ количествѣ книгъ, пускай обгадае, що уже списали толковыи мужи лѣтъ передъ тысячи.

Не легка рѣчь говорити розумно, бо сперва нужно понимати розумѣти и умѣти: „говорить, то не горохъ молотить, а що имѣешь казати, то наперед розжуй“ Бывае где-якіи говоркіи люди, говорятъ богато, а кажутъ мало, бо „не дѣло богато говорити.“ Пуста бесѣдливость зневажае человѣка, не тямующого на тое, що „языкъ не помело, а слова не полова.“ Не той мудрый, що всегда говоритъ, иногдѣ той той мудрѣшій, що неотзывается: „козакъ молчитъ, а все знае.“

Бываютъ уже зъ роду не стѣпныи люди; хоть якъ иногдѣ ученыи, розуму не заявляютъ, ни въ бесѣдѣ, ни въ дѣлахъ. Тому то „не штука наука, а штука розумъ.“

Розумъ хоть прирожденый потребуе науки; розумъ изъ наукою дѣлаетъ человѣка умнымъ. По дѣлахъ познаемъ умного человѣка: „кто що вмѣе то и дѣе.“ Якъ слѣпый на омацки, такъ розумъ безъ науки; сдогадка иногдѣ заведе человѣка до правды. Наука съ розумомъ то свѣтло въ головѣ: „ученому свѣтъ, а неученому тьма.“ Ученый человѣкъ имѣе съ чимъ „пойти до головы по розумъ.“ Такъ у свѣтлого, що зъ головы то и зъ мысли.“

До науки, що найскорше людей заставлятибъ: „Некайся рано встати, а молодо учитись.“ Якъ духъ, такъ и розумъ человѣка недасть ничимъ замѣнитись; чѣмъ кто старшій, тѣмъ и розумнѣшій, бо старе скаже на глумъ, а ты бери на умъ.“ Но человѣкъ хотьбы якъ старый, полного розуму ненавчится николи: „человѣкъ цѣлый свій вѣкъ розуму учится, а дурный умирае.“ Хочь постарѣе кто, нескаже, що вже съ полна розумный: „неучися розуму до старости, а до смерти.“ Нѣтъ лиха у людей, щобы не звелося по розумѣ: „кого Богъ карае, тому розумъ отбирае.“

Есть и звѣры, що даютъ приучитись всякому, но способностями доводящими, до высокого розуму, надѣленный только самъ человѣкъ. Движенісмъ тѣла, силою, голосомъ, памятію, языкомъ способный че-

ловѣкъ къ безчисленнымъ самымъ искуснимъ произведеніямъ. Тому нѣтъ сотворенія съ лучшими, большими дарованіями, якъ человѣкъ. Человѣка, що не мае ни розуму, ни науки дурнымъ называемъ. Якъ дурный человѣкъ, то дурный уже зъ роду: „якъ нѣтъ розуму отъ роду, то не буде до гробу.“ „Кто дурнемъ уродился, тому дурнымъ и вмерти.“ Хоть где подѣй человѣка дурного, не вдѣешъ ничого зъ него, бо „дурный и въ Кіевѣ не купитъ розуму.“ Пусте силованье навчити дурного розуму, бо „скорѣй дурень одурачитъ розумного, якъ розумный дурня на розумъ наведе.“ Уже по самому виду познати можна дурня: „дурный зъ верху.“ И съ чела, и съ лица, и съ очей и съ всѣхъ движеній тѣла видно, що дурный. „Дурный, якъ сосновый пень, якъ довбня.“ Иногдѣ ажъ чудно така дурна подоба на человѣцѣ: „улѣпилъ Богъ душу, якъ у пня.“ Даже по самой головѣ познати дурного, бо „дурна голова не полысѣе.“

Дурный изъ виду, дурный съ бесѣды: „дурный и дурне торочитъ.“ „Дурному дурне въ головѣ.“ Такъ заговоритъ кто, знаемъ съ кимъ бесѣда, бо „познати съ мовы, якой кто головы.“ Ниде звѣритися съ якою нибудь тайною дурному человѣкови: „дурный носитъ сердце на языцѣ, а мудрый языкъ на сердцу.“ Дурному въ ніяку не втикатися розмову: „дурный коли молчитъ, то за мудрого уходитъ.“ Только тымъ дѣломъ признаютъ люди, що „розумный якъ Саломоновъ патинокъ.“

Дурный заявляется въ дурныхъ дѣлахъ. Не розважитъ николи ни причины, ни послѣдствій, а робитъ на слѣпо. Яка така придыбашка, або захотѣнка дурному радость. Ніяка перепона, ніяка погибель не сдержитъ дурного отъ дурного, отъ дурныхъ сподвиговъ: „дурному горы не мае; дурному море по колѣна.“ Ниде дурному надъ чимъ нибудь розгадувати, коли „дурному розумъ не заважитъ.“

Не отъ розумныхъ, а съ дурныхъ происходитъ все прилюдне громадске лихо. „Одинъ дурень закине въ воду сокиру, а десять розумныхъ не вытягнутъ.“ Подай яку таку власть дурному, и себе и другихъ обезвѣчитъ. Тому то и „лучшій мудрый, хоть лихій, якъ добрый, а дурный.“ Кто нибудь почне що съ человѣкомъ дурнымъ, набавится лиха. „Послухай дурня то и самъ будешъ дурень: съ дурнемъ счепитись, дурнемъ зробитись.“ Думае кто съ дурнымъ дойти до чого, горько пожалуе: „съ дурнемъ ни найти, ни подѣлити; съ дурнемъ и въ ступѣ не справишся.“

Не поможе дурневи хотьбы яка наука: дурный дурнемъ зъ роду. „Дурневъ не сѣютъ, а самы родятся.“ Годѣ нарозумити дурного: „дурня на голову тручай, а онъ на ноги паде.“ Дурень не понимае

ни ладу, ни складу, ни повинности, ни обовязковъ: „дурнямъ законъ не писанъ.“ На дурного человѣка не сердитися, а миловатися, погрѣшилъ, не диво: „дурневи и Богъ не противится, дурному и Богъ проститъ.“ Мудрый человѣкъ тогды, якъ съ дурнымъ не перечится: „дурному съ шагу ступити, сто днепъ отпусту доступити.“

Хотьбы якъ кто дурня обсыпалъ достатками, неохоснуе: „дурному дасть Богъ щастья, та не дасть розуму.“ Ніяка бѣда не объучитъ дурного; одно лихо изъ карку а онъ нагинается подъ друге. „Нѣтъ у дурня толку за курку.“ Такъ „дурневи хоть соло въ голову клади.“ Дурный человѣкъ не числитъ ни роки, ни мѣсяцы, ни тыжднѣ, ни днѣ, а живе подобно худобинѣ, втѣшный, що не хибитъ изъ миски до рота: „дурень ничимъ не журится, горѣлку пье и трубку куритъ.“ Чѣмъ дурнѣйшіи люди, тѣмъ у нихъ промыслу меньше. Дурный тогды направлялбы хату, якъ она уже загалилася; кается, що не оплѣлъ огорода плотомъ, якъ сбирати нищо. Дурный не дбае ни про себе, ни про свѣтъ, ни про людей; „дурного и въ церквѣ бьютъ.“

Дурный кто, тожъ дурень свѣтится зъ него: „познаешъ Познанского.“ Взвычаене око легко спознае, съ кимъ дѣло: „глянь на видъ, тай скажи, що Свиридъ.“ Есть однакожъ человѣкъ иногдѣ по виду оказный, а въ собѣ дурень: „ростомъ зъ Ивана, а розумомъ зъ болвана.“ Не каждый, що великій зростомъ, да собою оказалый, есть мудрый: „хоть дурный, та высокій.“ Дурный бывае хоть и зъ высокого роду: „дурный Иванъ, дурный и панъ.“ Дурне иногдѣ и въ панскихъ пеленкахъ сповиваютъ. Дурныи люди самы себе величаютъ: „голосна бочка, хоть порожна.“ „Голосный якъ звонъ, а хоть довбнею вбій.“ Яка така фрашка принадитъ человѣка дурного: „цѣкавый, а дурный.“

Нѣтъ самыхъ розумныхъ людей на свѣтѣ, а есть много дурныхъ. Причина тому сама недотечена природа. У внутрію матери своей творится человѣкъ подобно ростѣнію; на его розвой вплываютъ всѣ животны силы. Що земля для всякого ростѣнія, то мати для дѣтины. „Пуста земля, пустыи плоды, добра земля, добре родитъ: не далеко яблоко покотится отъ дерева; родомъ всѣ куры чубатыи.“ Уже по лици спознати, кто кому братъ, якого кто роду. Бываютъ подобны таки, що роспознати трудно, а случится, такъ братъ братови, сестра сестрѣ въ ничемъ непохожія.

Якъ люди между собою, такъ цѣлыи народы розличаются своею природою. Що Русинъ, то не жидъ, не Нѣмецъ, не Татаринъ, не Италіанецъ. Изъ однакого роду, однако и племя, а племена лишаются отъ вѣковъ на вѣки. Хоть и цѣлыи роды вымераютъ, выгасаютъ,

остается племя такъ долго, якъ долго не потеряе свои родовыи свойства. На тыхъ свойствахъ, ихъ сбереженію, розвитію, усовершенію, полагае цѣла исторія племенъ, а на конецъ и цѣла исторія человѣчества. Тымъ и великій человѣкъ, що имѣе свою исторію, на тысящи лѣтъ назадъ памятью вяже события съ теперѣшнымъ временемъ. Тымъ то чиномъ и творится, що такъ добродѣтели, якъ и пороки, если они вкоренилися глубоко въ племени, переходятъ съ рода въ родъ и становлятъ головны признаки численныхъ народовъ.

Безконечна творча сила въ природѣ, не явна человѣкови потому, що самъ есть ей плодомъ, дивится не Божими, а своими прироженными очима, не Божимъ розумомъ мѣркуе, а своимъ прироженнымъ. Тому не диво, если „природу тяжко отмѣняти.“ „Якій уродился, такій и вдался: яке въ колиску, таке въ могилку.“ Дарма силуются где-якіи люди быти великими: „Сова хоть бы лѣтала по подъ небеса, то соколомъ николи небуде.“ Бываютъ никоторыи лихіи зъ роду: „кто родился волкомъ, тому лисицею не быти.“ Родовыхъ пороковъ трудно затерти: „криве дерево не дуже выпрямится.“ Задля того цѣла подоба на человѣцѣ зовется уродою. Есть уродливыи, есть и бридкіи, та ужежъ изъ бридкого не сдѣлае никто красне, бо „крукови и мило не поможе, а горбатого выправитъ могилка.“

Не каждый человѣкъ до всего способный; той оре, той торгуе, той пише, той воюе, той служитъ Богу, той учитъ молодыхъ одни въ ремеслѣ, инчіи плаваютъ моремъ: люди всѣлякого имаются дѣла: „кому якъ на роду написано.“ Розумны, що найбѣльше зважаютъ на прирожены свойства, способности; грѣхъ кого силовати къ якомусь дѣлу, на которое нѣтъ у него ни охоты, ни способности. Недорѣка, несдобный человѣкъ, ни собѣ ни другимъ гаразду не придбае, замерзитъ тое, що въ рукахъ даровитого, довелосьбы гарно: „уродись тай удайся!“

Не все-жъ даровитымъ людямъ пощастится розвинути свои прирожены силы, таланты. Человѣкъ жіе между людьми, по при люди, такъ для себе, якъ и для людей. Между людьми не все однако, бо и люди смѣняются; не таки они теперь якъ давнѣйше, а кто знае якіи будутъ еще. Проживаютъ всѣлякіи судьбы, росте велика ихъ исторія. Где якихъ споминаютъ и нынѣ по ихъ великимъ дѣламъ, хоть по ихъ могилѣ и слѣду нѣтъ. У великихъ временахъ творятъ провидѣнье и великихъ людей. Прославился кто, такъ „уродился на свою годину.“

Цѣлая жизнь людская зовется вѣкомъ. Всѣ вѣки въ купѣ становлятъ человѣка; человѣкъ есть дѣтиною, молодцемъ, мужемъ, старцемъ. Каждый вѣкъ имѣе свою приличность, свое опредѣленье. Дѣтей

плекаютъ, молодыхъ обучаютъ, мужей берутъ въ люди, старыхъ зазываютъ на совѣтъ. Человѣкъ дѣтина легко взвычаится: „нагинай гиляку доколь молода.“ Одну матеръ, одного отца имѣе кажда дѣтина: отъ тыхъ залежитъ цѣлое выхованье ей; сдае кто дѣтину на чужихъ, то такъ, якъ на погибель: „где багато нянёкъ, тамъ дѣтя калѣка.“ Дѣтинѣ непризнается ніяке право, не имѣе она ніякой самостоятельности, бо не есть особою. Живлятъ, хоронятъ, провожуютъ въ свѣтѣ дѣтину родичи. Отъ нихъ учится ребеня языка, вѣры, всякихъ звычаевъ, обычаевъ: никто не дбае такъ про дѣти, якъ властны родичи. Щастлива дѣтина, котора имѣе батька и матеръ, да имѣе кого и слухати. Горе дѣтинѣ, що не повинуется своимъ родичамъ! „Кто не слухае тата, той послухае ката.“ Кто якъ свои дѣти ховае, таки они и выростутъ: „яке дерево, такій клинъ, якій батько такій сынъ.“ „Якій дѣдъ, такій его плодъ, якій батько, таки его дѣти.“ По родичамъ удаются дѣти: „яке дерево, таки отростки.“

Кто найбольше вплывае на уроду и цѣлу природу человѣка, то матерь. Родитъ матеръ дѣтину, при грудехъ ей она плекается, отъ матеря цѣлый ей возрастъ. Ляха матеръ, такъ и ляхіи дѣти: „дурна мати дурныи дѣти: „сова не приведе сокола.“

Ховати дѣти не легко. Не въ силѣ дѣтина заробити собѣ на хлѣбъ, для дѣтей хлѣба нужно. Великая бѣда, если отомрутъ родичи дѣтину: не менша и тота, если родичи не имѣютъ чимъ дѣтей годувати. Помиловалъ кто бѣдне осиротѣле дѣтя, такъ стался оному роднымъ батькомъ: „Не той тато, що сплодилъ, а той, що выгодувалъ.“

Нѣтъ красшой поры въ цѣлой человѣческой жизни, якъ молодость. Въ молодомъ человѣцѣ и тѣло и душа и духъ молодый. Полными, бистрыми струями плыве кровъ: „молодого кровъ грѣе.“ Молодый человѣкъ, то надежда, то будущность: „молоде — золоте.“ Молоде такъ ажъ само припадае намъ до сердца: „що молодше, то солодше.“ Въ молодости найспособнѣйшій человѣкъ до всякой науки: „Съ молодого, якъ съ воску, що хочешъ, то влѣпишъ.“ Для молодого нѣтъ ни розмыслу, ни намыслу: „молодость-буйность.“ Человѣкъ молодыми силами всего добывае. Похопный и жаркій замолоду, не нужно молодого розгрѣвати, а скорше стримувати, бо „старъ любитъ скваръ, а молодъ холодъ.“ Ничого дивоватись молодому, бо „кто не былъ молодымъ, той не былъ и дурнымъ.“ „Легкій и грѣхъ на молодыхъ плечахъ.“ А гдежъ краса, якъ не на молодому вѣку? „Що ранне, то не погане.“ Подивится кто на молоду, такъ „молода хороша, якъ ягода: дѣвчина, що въ лузѣ калина, гарна, якъ квѣтка гаевая.“

Молодый вѣкъ уже звѣстуе великого человѣка „молодое орля

та лучше старого лѣтае." Иногдѣ и дѣтина зачудує старыхъ своимъ розумомъ: „маленьке, а важненьке: малъ золотникъ, а важокъ; хоть мале, та уловате." Бывае человѣкъ не дорасте еще тѣломъ полного вѣку, а творитъ велике: „малый тѣломъ, а великій духомъ."

Мужескій вѣкъ, то вѣкъ розуму, вѣкъ працы. Въ тôмъ вѣку завязує человѣкъ семью, дѣлается членомъ громады, обывателемъ краю. Тогды то сполна зовется онъ человѣкомъ. Що найбôльше знаменує мужескій вѣкъ, то сила: „человѣкамъ на лопату Богъ силы на клалъ, та ще и притопталъ, а женамъ на вила, тай то струсилъ." Кромѣ силы, отличается мужъ и пристиглымъ розумомъ, бо на то есть головою семіи. Горе такому мужеви, що завязавши семью, не имѣе розуму: „где голова блудитъ, тамъ хвостъ радитъ: „горе тобѣ воле, коли тебе корова коле."

Послѣдній вѣкъ, то вѣкъ старости; исчезае урода, опускаютъ силы человѣка: „старость не радость." Бывае доживаютъ люди глубокой старости: „старый якъ свѣтъ." Не однака и старôсть у каждого человѣка, бо що за молодыхъ лѣтъ несчулося, тое отзывается на старость. Познати по старому, якая была его молодость. Кто замолоду не гулялъ багато, той здоровый на старôсть: „старе а завяле." Стерялъ кто въ молодомъ вѣку много здоровья, нинащо на старôсть: „такій старый, що ажъ порохня сыплется."

Ніякій вѣкъ не имѣе на столько почести у всѣхъ добрыхъ людей, якъ старость. Передъ сивою головою споклонится кажда праведна людина: грѣхъ давати человѣкови старому яку таку догану. Бо и ктожъ розумнѣйшій надъ человѣка старого? „Слухай старыхъ людей чужого розуму наберешся и свого не загубишъ."

„Старый якъ скаже та прикаже, то и молодый не справится." Годѣ молодымъ старыхъ людей учити розуму. Стары люди, не съ одной печи хлѣбъ ѣли та не одну перебыли бѣду. Стары тое знаютъ, чего молодыи досвѣдчити должны. Стары якъ вѣщи, порою вгадаютъ будуще: ни себе, ни другихъ не манятъ наповиднемъ: „старый говоритъ, городитъ та на правду выходитъ." Стары люди, то живыи памятники; подъ ихъ очима вымерало давное поколѣнье, а вырастало новое: „старый старе гадае." У старыхъ людей старый судъ, старая совѣсть: „старого человѣка для порады держи." „Чому чортъ мудрый? бо старый!" Коли завечерѣе въ души человѣка, такъ уже ему не до свѣта: „старому женитись и ночъ коротенька."

Якъ не всѣ стары люди свѣжи да здоровыи, такъ и не всѣ розумныи: „кто сивый, ще не мудрый; борода не робитъ человѣка мудрымъ." И дурныя старѣются: „старый та дурный." Не диво, якъ

молодый порою розгуляется, а дивно, якъ иногдѣ старого чипается дурѣйка: „не дивуюсь молодому, якъ тобѣ старому.“ Не одинъ старый завидіяка горшій молодого: „я въ старой печи дѣдько топитъ.“ Старыи люди говорливыи, бо не такъ имъ до роботы, якъ до бесѣды: „старому лгати, не цѣномъ махати.“

Въ глубокой старости заумираютъ силы человѣка, такъ тѣлесныи якъ и духовныи. Дѣтиніе человѣкъ на старбсть: „старе якъ мале, що узритъ, то и проситъ.“ На старбсть забываютъ люди, чего замолоду выучились: „якъ волося сивѣе, то человѣкъ дурѣе.“

Такіи то четыре поры становлятъ человѣческую жизнь. Кого найббльше почитае народъ нашъ, то старцевъ. Старцы заховуютъ память про давне давно, роеказуючи внукамъ и правнукамъ своимъ, що чули що видѣли. Принадлежны до бупальщины, стоятъ они у порога будущности и связуютъ наслѣдующе поколѣнье съ попереднѣшимъ. Охочо горнутся малыи дѣти подъ полу старыхъ дѣдовъ и бабокъ: цѣлою громадою обступаютъ люди слѣпого старца, спѣваюпого пѣсни, край дороги. Що книжка для ученыхъ, то старцы для неписьменныхъ. Нѣтъ села, где не былобы старчиковъ, на которыхъ, якъ на писану память ссылаются люди. Старыи забавляютъ дѣти, дозираютъ пасѣки, яку таку найдутъ собѣ пипнавку. Подати старому человѣкови кусокъ мягкого хлѣба да ложку теплой страви, то обовязокъ кождой доброй людины. Ледащій той, що старымъ глумится, або ругается старымъ. Грѣхъ кажутъ родичи дѣтямъ сневажати старыхъ. Тому поучаютъ дѣтей не сѣдѣти, если стоятъ старцы, а на дорозѣ споклонитися старому. Бѣда тому народови, где стары цураются молодыми, а молоды сневажаютъ старыхъ.

Есть народная приповѣдка: „що се за звѣръ, що ходитъ рано на четырехъ, въ полудне на двохъ, а пбдъ вечеръ на трехъ ногахъ?“ Звѣръ сей, то человѣкъ. Наружность его найкраша между всѣма прочими звѣрятами. Мовою, зростомъ, головою, лицемъ, руками, ногами, краіно цѣлымъ тѣломъ, розличается человѣкъ отъ всякой хоть якъ удалой звѣрины. Красный видъ человѣка, тожъ надѣлила его природа стыдомъ, бо „поганому виду, нѣтъ и стыду!“ Звѣрина, яку Богъ сотворилъ, така ходитъ, человѣкови далъ розумъ и сердце, щобы почиталъ и любилъ себе заровно, якъ и другихъ.

Почитаюпій и любящій такъ себе, якъ и другихъ человѣкъ, не буде сневажати своего достойного лица, а стыдатися всего того, чѣмъ бы ровнался звѣринѣ. Человѣкъ не собака, щобы ходилъ голый да босый. Такій стыдъ плекается въ сердцу: сердце, то жерело цѣлой жизни; голова то правитель; въ сердцу душа, въ головѣ духъ: сердце чуствуе, голова мыслитъ.

Человѣкъ хоть съ головою, а безъ сердца, то отплодокъ. Головою правится между людьми, а сердцемъ вяжется съ ними. Кто доброго сердца, той доброй души; кто доброй головы, той тямущій: „голова якъ торба, що знайдешъ, то сховаешъ.“ Познати человѣка тямущого та мыслящого по головѣ, бо „дурна голова не колысѣе.“ Познати по головѣ наскóлько кто въ жизни своей трудится: „отъ дѣла голова бѣла; голова отъ клопоту трѣщитъ.“ Голова всюды во всѣмъ проводитъ человѣкомъ; забудется когда, то человъ ударитъ объ одвѣрокъ, або сблукается идучи въ дорогу: „куда голова задумала, туда и ноги несутъ.“ Нетямущій, якъ безъ головы; мѣсто за студене, хватитъ за горяче; залѣзе у воду, бо думалъ, що гречка: „съ дурною головою рукамъ и ногамъ бѣда.“

Нѣтъ бóльшой снѣпаги да кривды, якъ билъ кто кого въ голову: „отъ головы человѣкъ.“ Росбилъ кто кому голову, такъ и забилъ человѣка. Безъ рукъ, безъ ногъ, безъ носа, безъ очей, буде якось человѣкъ жити въ свѣтѣ, а безъ головы николя, бо „голову ни оттяти, ни прилѣпити.“ Загорѣлъ кто, розболѣла кого голова, такъ нездалый до дѣла: „шануй свою голову, бо друга не выросте.“ Нѣтъ добра въ головѣ, такъ и неспособный человѣкъ къ жизни: „якій мозокъ, такій розумъ.“ Попредивши собѣ въ головѣ, сходятъ люди съ ума. Такъ за головою весь человѣкъ: изгине то „по головѣ его плачутъ.“

Якъ безъ головы, такъ безъ сердца нѣтъ человѣка. Живый человѣкъ, то живый отъ сердца, бо зъ сердца росплывается вся кровъ. Якъ тіи норы съ кирницѣ, наточится теплая кровъ отъ сердца: правильно бьется живое сердце въ грудяхъ человѣка. Застигне сердце, застигне и человѣкъ. Изъ доброго кореня доброе дерево, изъ доброго сердца добрый человѣкъ. Добро и лихо, то въ сердцу: яка природа, таке сердце: добре, то добре буде, а лихе, то лихе буде.“ „Доброго корчма не сопсуе, а лихого и церковъ не поправитъ.“ На доброго ничто и лаятися, бо „добрый и доброго слова боится.“ Где нибудь повернется добрый, всюда ему рады: „доброму всюды добре.“ За добрымъ человѣкомъ и Богъ вступается: „доброму Богъ благословитъ.“ Добрый человѣкъ есть лагодный для ближнихъ, а людямъ угодный. Доброму люди спрiяютъ и добра желаютъ: „доброму человѣку продолжи Боже вѣку.“ О добромъ и по смерти не забуваютъ: „доброму и добра память.“ Добрый и щирый и честный, а „щирому и Богъ помагае: честному всюды честь.“ Добрый „не творитъ лихого, та не боится ничого.“ Кто добрый, той честный, кто честный того величаютъ: „кого почитаютъ того, величаютъ; добре далеко чутно; кому честь, тому хвала.“ Доброго ни лаютъ, ни каютъ: „май добру на-

туру, не пріймешъ карности на пикуру." Для добрыхъ, добрый еще лѣпшій: „коля люди до тебе добры, а ты будь лѣпшій."

Человѣкъ не коньче добрый родится, а скорше добрый робится. Розвивается розумъ въ человѣцѣ, такъ и сердце росте. Не родомъ, а дѣломъ люди великого сердца. Не только бо сердцемъ, а волею стаются добры; добра воля, въ добрыхъ учинкахъ свѣдчитъ о добромъ сердцу: покраснѣти человѣкъ не покраснѣе, а подобрѣти, якъ схочо подобрѣе." Добра воля и охота наполняе сердце всякими честными, человѣческими чувствами; кажде честне великое помышленье огрѣвается въ сердцу, переходитъ въ душу и кровъ человѣка: „разъ добромъ налите сердце во вѣкъ не прохолоне."

Живе сердце, живо переймается всякими свѣтовыми впечатлѣнями. Що разъ припало до сердца, того забагае часто. Сердце, то гнѣздо всѣхъ жаждъ, захотѣній и пристрастій: въ сердцу любовь, въ сердцу гнѣвъ и ненависть. Сердце, що ни розуму, ни волѣ не пріймается, слабе зовется: человѣкъ слабого сердца прудкій, непевный, пристрастный. Спокрѣпитъ человѣкъ свое сердце, якъ научится „вздержати сердце": „не давай сердцу потолѣ, бо самъ пойдетъ до неволѣ." На повздержанье сердца конечна великая сила, бо „не той сильный, що камень верне, а той що сердце вздержитъ." Сила тая зовется духомъ. Тому то бывае, що въ злую душу добрый духъ вступае, а вздержалъ кто сердце въ собѣ такъ моплятъ: „добрый духъ вступилъ въ него." Безъ духа не стямуется человѣкъ; якъ скаженый допускается крайныхъ бѣсноватыхъ учинковъ. Кто сердце повздержуе, той пануе надъ собою.

Суть люди доброго духа, а мягкого сердца, такъ суть они слабыми. Слабость тая чинитъ ихъ нездалыми до великихъ дѣлъ, бо скоро поддаются якой такой напасти: „кто стается медомъ, того мухи зъѣдятъ." Мягкодушный человѣкъ поноситъ всѣляку напасть тай кривду: „на похиле дерево и козы скачутъ." Не устережется онъ въ ніякомъ дѣлѣ отъ злого: „лихій доброму попеуе." Нищо боятся про сердце, абы вздержане розумомъ незацѣпенѣло: „сердце не камень, такой все одно на другого сгляпется."

Доброе сердце не у всѣхъ, а багато людей родится съ недобрымъ сердцемъ: „малъ уродитися человѣкъ, та вылупился чортъ." „Мала уродитися сатана, та нѣзни заснѣвали." Природится порою такое злостливе та негодиве: „така вдача собача волча натура." Недобре не только на другихъ, а само на себе сердится: „злости полны кости; язя съ пекла родомъ." Изъ честныхъ родителей порою лихое отплодится: „великого роду, а псёго ходу." Нѣтъ вредливѣйшой твари на

свѣтѣ, якъ злый человѣкъ. Волка, змія, всякой напастной звѣрины устережется, а отъ злого человѣка не устережется: „якъ лихій человѣкъ то не ставъ и чорта; лихій доброго не любитъ.“ „Добрый песъ лучшій якъ злый человѣкъ.“ „Лихого человѣка бойся, бо лихій переможе все.“

Недобрый человѣкъ заявляе сердитость свою уже самымъ языкомъ: „сѣче якъ цѣпомъ; безъ ножа рѣже, безъ огню пече, безъ мыла голитъ.“ Сердитый человѣкъ, то напастный, всѣдливый человѣкъ, прискипается до кого, трудно откараскатися: „що въ Бога день усе голову ѣстъ, ѣстъ якъ ржа зелѣзо.“ Учипился якъ грѣхъ села, якъ пъявка вился, чипляется „якъ слѣпый плота.“ Такъ доскулятъ лихій каждому, що „стане солію въ оку.“ Даромъ просятъ: „отчипись отъ мене глянь на Бога!“ Лихій якъ разъ внадится до хаты, ничимъ посбытися: „пусти чорта въ хату, то онъ и на печъ лѣзе, и ладаномъ не выкуришъ.“ Лихихъ оминаютъ, якъ моровемъ заповѣтренныхъ: „отъ ледащого полы врѣжъ, та втѣкай.“ Утѣкъ кто отъ одного лиха, подбѣгъ пбдъ друге: „отъ лихой тварі на свѣтѣ не втечешъ.“

Трудно съ лихого человѣка сдѣлати доброго: „хоть у ступу всадѣтъ, та пирогами годуйте, все буде однаке.“ Хоть бы якъ добромъ годилъ лихому, не подобрѣе: „сколько волка ни годуй, а онъ у лѣсъ дивится.“ Лихій человѣкъ то запятый: „примогъ бы, въ ложцѣ воды утопилбы.“ Тожъ на коли ничимъ лихого попривити, то нищо лихого жалувати. Ни добромъ ни просьбою злого неодобрухае, а посмиритъ только страхомъ да силою: „на крутое дерево нужно и крутого клина.“ Кто ни Бога, ни людей не боится, того только букомъ перепудитъ: „ледаще сѣчи поколь духъ чуешъ; уважай на душу, абы шкура вытримала.“ Иногдѣ битый человѣкъ на доброго сводится, но частѣйше хоть трѣпаютъ, ничого недотрѣпаются, бо въ лихомъ ни чести, ни славы: „доброе не на долго, а лихое хоть якъ потолкаютъ, животѣе: бита посуда двѣ не битыхъ переживе.“ Караютъ лихихъ на поправу тай на страхъ: „на тое цыганъ матку бье, щобъ его жѣнка боялась.“

Якъ не всѣ люди добры, такъ и не всѣ лихіи; суть помежи добрыми и лихіи: „нѣтъ лѣса безъ волка, а села безъ лихого человѣка.“ Доскулитъ донече лихо до живого, такъ и найлѣпшій розсердится: бо „нѣтъ рыбы безъ ости, а человѣка безъ злости.“

Духъ и душа человѣка заявляются въ очахъ. Въ очахъ свѣтло, въ очахъ цѣлый свѣтъ. Всѣ твари, всѣ дива роскрываются передъ очима. Кажда постать, всѣ барвы, всѣ явленья зъобразуются въ очахъ, ставятся видимы. Що за добрю человѣкъ въ очахъ имѣе, сползнае тогды якъ пострадае свѣтло. „Лучшебъ не родитися, нежъ родившися свѣта не видати.“ Слѣпому нѣтъ красоты. Пильнуе кто чего, такъ пильнуе

„якъ ока,“ бо безъ очей ночъ вѣчна. Въ тѣлесномъ составѣ человѣка що найкраще, то очи. Очи сини якъ небо, чорны якъ теренъ, бистры, лагодны, любовны, завистны, злостны, хитры: все тое слышимо въ народныхъ нашихъ пѣсняхъ. Познати съ очей, якого кто духа: „свѣтитъ очима“ або „микуляе очима, якъ котъ на глинѣ.“ „Позирае, якъ собака на ярмарку.“ У недоброго, недобры и очи, якъ погляне онъ на мене, такъ ажъ холодъ поза шкуру ходитъ: вытрѣщилея, якъ дѣдько.“ Очима заявляется сердце; позоръ проникае до сердца: „пасе очима.“ Въ очахъ отвага, въ очахъ и страхъ: „страхъ велики очи мае.“ Заслѣпался кто такій, тай забылся изъ очей видно: „не вытрѣщайся на никого, якъ коза на рѣзника.“

Въ очахъ добрюго человѣка, що найбольше стыду; стыдно дивитися на все погане уражающе людскую честь и достоинство. Провинилъ кто що, то крыется съ очима: „не знаю чимъ менѣ ити, чи плечима, чи очима?“ Доходятъ правды, такъ треба якось въ очи казати. До очей склыкуютъ свѣдковъ; честныя та смѣливы люди, не по за плечи, а въ самы живы очи кажутъ правду.

Изъ человѣческихъ очей дивне часомъ свѣркае лихо; подивится иногдѣ кто поганымъ очима, мовлятъ, що уречe. Въ урюкахъ усмысловляе народъ нашъ силу живого ока. Що найотважнѣйша и найпотужнѣйша звѣрина, левъ трепеще отъ смѣлого человѣческого ока. Вдивился кто въ кого прошибающимъ позоромъ, такъ затопилъ око свое въ душу. Где якого погляду не можна стерпѣти: „цуръ очей поганыхъ.“

Изъ такихъ головныхъ частей сложена постать человѣка имѣе хорошую подобу. Любо подивитися на гарного молодца, або на гарную дѣвошку: „хлопецъ молодый якъ барвѣнокъ хорошій, якъ кровъ съ молокомъ; соколъ не парубокъ, орелъ не козакъ. Дѣвчина, що въ лузѣ калина, червона якъ рожа, весела якъ ласочка; молодица якъ тихее лѣто.“ Якъ до ладу все тѣло, такъ зовется человѣкъ продливый. Вродливый человѣкъ гожій, ємкій, привлекае всѣхъ къ собѣ: „где врода тамъ и сила.“ Вродливый человѣкъ исконьче и стѣпного духа: „Богъ до уроды розуму непривязалъ.“ Многи вродливы люди суть порожны, пусты, ледащія: „вы хороши, та на чортовы гроши, а мы поганы, та Богомъ коханы.“

Неуродливый человѣкъ зовется бридкій. Иногдѣ на куцомъ цѣлци голова якъ коновка; долги ноги, задертый носъ, лице костуряве, зизи очи, кривы губы, такъ и не мило дивитися: „гидкій якъ поплазка; подявся у воду на свою уроду.“ Поганый кто, и молодый вѣкъ не украсятъ: „молодецъ не сгорщій старой бабы. „Крайно бридкій чело-

вѣкъ, нещастный: „якъ выгляне въ окно, то три дни собаки брешутъ, а одна якъ придивилась, то сказилась.“ У якоторыхъ только поодиноки части тѣла не ладны: „носъ, якъ за седмъ гривень сокира; на Спаса дивится, а Богородицу видитъ.“

Що найбольше лихо для человѣка, то хороба: „не смерть страшна, а недуга; хорому человѣкови все не милое.“ Ни спати, ни лежати, ни ходити, а ѣсти що хвиля, чого ништого забагается: „въ немочи все захочется.“ Кто за могоду не статковалъ, той на старость слабуе: „карае Богъ стары кости, за грѣхи въ молодости.“ Найсильнѣйшого человѣка зневолитъ хороба такъ, що подужавши мало кто спознае: „якъ съ креста знятый; не сдужа и скипки подняти; змарнѣлъ якъ полова, за комара силы не мае.“

На всѣляки недуги человѣка подае природа розмаити лѣки. Земля человѣка родитъ, земля живитъ, земля лѣчитъ. Ростутъ чудесны зела, за которы вѣдаютъ только знахоры та знахорки; сама природа жерело всего здоровля. Не поможе нищо человѣкови, якъ не сдужае природа: „кому на вѣкъ, тому и на лѣкъ; якъ дасть Богъ на вѣкъ, то знайдется лѣкъ.“ Учены лѣкары займаются лѣками, якъ ремесломъ: „кто себе лѣчитъ, того бѣда цвѣчитъ.“ „Чи поможе, чи не поможе, а ты дай небоже; богдай тіи лѣки, пропали на вѣки.“

Зировно, якъ звѣрина, такъ человѣкъ жіе пожившѣньемъ. На тое человѣкъ ѣсть, абы жилъ, абы жити, нужно хлѣба. Хоть земля хлѣбъ родитъ, человѣкъ на хлѣбъ робитъ. Зарабляе собѣ на хлѣбъ всѣлякими дѣлами, тожъ „хлѣбъ всему голова, хлѣбъ святый даръ Божій: карай насъ Боже нимъ до вѣка.“ На земли богато снѣдного для человѣка, природа его надѣлила добрымъ, доборнымъ вкусомъ. Тымъ высшій человѣкъ отъ всякой звѣрины, що ѣсть вкусно, мерзится всѣмъ нечистымъ, поганымъ. Що найбольше дае вкуса, то голодъ: „голодному завсѣгда полудне; голодному и овсянникъ добрый, бо голодному хлѣбъ на думцѣ.“ Нѣтъ горшой бѣды надъ голодъ. Изъ голоду допускаются люди всякого бездѣлія: „голодъ и бреше и краде; голодъ всего научитъ; голодный и кія не боится; голодному кажда страва добра; ему якъ не подъѣси, то и святыхъ продаси.“ Голодный человѣкъ, якъ той лютый волкъ, не сцурается и самой человѣческой крови. Въ голодѣ заумерае сердце въ человѣцѣ; не сважае голодный ни на честь, ни на совѣсть. Голодному ни братъ, ни сватъ, ни отецъ ни мати, ни жена мила: „мужикъ жену бье, коли ѣсти хоче; чуже добро голодному страва.“ Голодъ принуждае человѣка беззаконити, бо „сытый голодному не товаришъ; сытый голодному не вѣритъ.“ Не скоро находитъ голодный яку таку засилку.

Не былобы голоду, то не былобы и роботы. Голодъ що найболъше спонукуе человѣка до працы: „вчи лѣнивого не молотомъ, а голодомъ.“ „Голодный все поле перебѣжитъ.“

Сколько то люди побиваются за хлѣбомъ. Хлѣбъ и сѣль то перва и послѣдна страва каждого. Хлѣбомъ да солею завязуется семя; безъ хлѣба ни гаразду, ни жизни: „якъ на току молотится, то и въ хатѣ не колотится.“ Ницо такъ неспонукуе человѣка до промыслу, якъ недостатокъ: „люди стали знати, якъ стало хлѣба нестаяти.“ Старатися о хлѣбъ нужно, бо „сегодня хоть цѣлого вола зъѣжь, а завтра захочется.“ Не такъ до роботы якъ до ѣды кажде скоро стане: „робити, хоть кіемъ бити, а ѣсти хоть рачки лѣзти: ѣлось бы сластно, а робити страшно.“ На ницо такъ много ласыхъ людей, якъ на добру страву: „допался якъ вужъ до молока, ѣсть такъ ажъ носъ гнется. Где якій переѣдается якъ скотина: „наѣлся хоть подъ лавку подкоти; наѣлся, якъ дурный на обѣдѣ.“ „Коли наѣлсь проси Бога, щобы не розсѣлсь.“ Ласый ненаѣстный человѣкъ якъ той веперь животѣе: „кто богато ѣсть и пье, той въ розумъ не тые.“ Лакомый „черезъ душу ѣсть.“ Не такъ на свое, якъ на чуже острить зубы лакомы: „чи все те спожить, що въ чужой хатѣ лежитъ? всего хлѣба не переѣся.“ Ласыи, иссытыя люди все переѣдаютъ: „ися сила въ ротъ пойшла.“ „Колибъ не губка былабъ золота шубка, колибъ не дѣрка въ ротѣ, ходилъ бы я у злотѣ.“

Готовлятъ люди страву, то парятъ розличнїи напитки въ поживанье и спокрѣпленье. Чѣмъ свѣтлѣйши народы, тѣмъ вкусиѣйши ихъ стравы, ихъ напитки. Дикій нарѣдъ не знае ни про вкусъ ни про мѣряность. Дикій не мерзится и стервомъ, запиваеться хмельными напоями. Свѣтлы люди ѣдятъ и пиютъ съ веселою, тверезою головою. Въ тверезой головѣ тверезый розумъ.

Такій человѣкъ по своему тѣлѣ. Тымъ тѣломъ принадлежитъ оязъ земли, що его живитъ и носитъ: тѣломъ доживается вѣку. Чѣмъ ббльше люда, тѣмъ ббльше и труда; тожь и прожити вѣку не легко: „жити не вола кормити; вѣкъ извѣкувати, не пальцемъ перекивати.“ Нешевна жизнь человѣка, стоитъ много труда; время кажется поволе влечется, а всежъ на конецъ минае и счезае, якъ съ водою уплыло: „лѣта уплываютъ якъ вода, вѣкъ нашъ якъ година.“ И не стямится человѣкъ, коли постарѣется: „пройшли лѣта съ свѣта, якъ листъ изъ дерева.“ Ни молодый, ни старый, ни здоровый, ни хорый нескаже ще завтра: „день мой вѣкъ мой.“ Якъ вещъ такъ и человѣкъ есть по своемъ тѣлѣ явленіемъ. Не трепала, но минуща природа всякихъ явленій.“ Тымъ то все, що видимъ пересуваеться хвилево передъ нашими

очима, тай мы самы якъ тіи подорожни, що не знаютъ, где ихъ ночлѣгъ попаде: „сей свѣтъ пожиченый, сей свѣтъ якъ маковый цвѣтъ, человѣкъ на свѣтѣ якъ муха, якъ банька на водѣ.“ Що каждого человѣка певно не минае, то смерть.

Якъ уродилась такъ и помирае на свѣтѣ кажда людина: „отъ смерти ни откреститися, ни отмолитися; смерти не отперти: смерть не минаюча дорога.“ Ростутъ всѣлякіи лѣки, но на смерть ніякого: „на смерть нема зеля; смерть лести не знае.“ Далеко сягае человѣкъ своимъ духомъ, своими мыслями; якъ тіи капли счезаютъ рѣки въ нашихъ помышленьяхъ. Иногдѣ загонятся великая цѣль человѣка въ глубокую недостеженную будущность, ажъ вотъ нечаянно конецъ дѣлае смерть найширшимъ намѣреньямъ: „думка за горами, а смерть за плечима; думка генъ-генъ летае, а смерть за плечи хапае.“ Смерть завсѣгды обмижается: „день за день, ночь за ночь, а къ смерти ближе.“ Много людей помирае не оставивши ни слѣду по собѣ, заровно якъ тая худобина: „якъ умеръ человѣкъ, то якъ не бывалъ.“ О многихъ помирающихъ тое только сказати можна: „уродился, оженился тай померъ.“ Увидѣвъ кто помершого, да помине о собѣ; мрутъ люди и намъ буде; где не послышишъ, а все той небощикъ, той небощикъ, и намъ треба колись умирати.“ Имѣючи живу смерть передъ очима, потѣшается мужикъ нашъ: „нехай мрутъ, та намъ дорогу тругъ, а мы сухаровъ насушимъ, тай за ними рушимъ.“

Що се пытаемо за явленье, которое зовемъ смертію? Росказалъ коли кто якій ученый про смерть? Но смерти никто не заговоритъ. Що нибудь говорятъ учены о смерти, всежъ то самы только сдогадки. Якъ далеко сягае память человѣка, никто еще не звѣстилъ правду о смерти. Сколько то милліоновъ не померло отъ самого початку человѣческого роду! Прецѣжъ люди завсѣгды боятся смерти, не понимаючи, що „смерть не горе, а велике страшне море.“ Найлютѣйши муки устаютъ со смертію. Якъ въ морскую бездню, канутъ люди смертію въ глубинахъ вѣчности. Смерть самое великое наслѣдствіе по многимъ, иногдѣ недостеженнымъ причинамъ: „смерти не буде безъ причины.“ Видима смерть страшна. Не радо умираютъ люди, бо на тое Богомъ сотворенны, щобы жили, тѣшилися вѣкомъ своимъ: „и дубцемъ въ могилу не заженешъ, а съ могилы и колачемъ не выманишъ.“

Помирае человѣкъ тѣломъ, такъ не померае душею: „душа не сосѣдъ: ей не выпрешъ; души не выхрянутъ.“ Помирае человѣкъ такъ якъ кажда звѣрина, але отличается отъ звѣрятъ своею душею: „здохъ якъ песъ, кромѣ души святои.“ Душа оживляе, въ души духъ проживае: „духъ святый изъ нами.“ Въ ничемъ такъ душа и духъ не

заявляются, якъ въ страданіяхъ. Человѣкъ имѣе вѣдомость такъ о собѣ, якъ о всѣмъ, що его дотыкае. Человѣкъ про все тое знае, що ему доскуляе. Не тѣло, а страдае душа человѣка. Люди великого духа якъ найбѣльше поносятъ страданій. Малый у кого духъ, то не чувствуе только хвилевы, невелякія страданія, подобно звѣринѣ, що доскулитъ ей голодъ, студень, спека або яка нибудь тѣлесна доразка. Многи кромѣ тѣлесныхъ, не знаютъ ніякихъ иншихъ страданій. А вжежъ страданія души, тай духа безчисленны: „якъ те велике море, таке у человѣка горе.“ Горюе человѣкъ иногдѣ цѣлый свій вѣкъ: „якъ пойде горе зъ рана, то ажъ до смерканья.“ „Горе море; пій его, невыпьешъ!“ Надобится порою такъ тяжкое горе, що схаменутися годѣ: „хоть лучится печаль на одну годыну, запомнитъ и милу родину.“ Въ горю своемъ человѣкъ и журится, а „журба не матѣнка.“ Ни спати, ни робити, ни ѣсти, ни говорити зажуренному человѣкови: „хожу якъ бы человѣка сгубилъ, або що: „все менѣ, и сорочка не мила: червакъ сердце точитъ.“ Въ журбѣ ни стямки, ни памяти: „не забылъ смутку, забылъ рѣчи.“ Журба заровно мучитъ такъ душу якъ и тѣло: „якъ не свій ходитъ, сталъ мовъ не свій.“ Журливы люди журятся и марною фрашкою, або небылицею, хоть журба не приспоритъ ничего: „журба сорочки не дасть; журбою поля не переѣдешъ.“ „Не журись, та Богу молись.“ Тѣмъ бѣльше и тяжше горе, чѣмъ оно для другой особы не понятное: „чуже горе, людямъ смѣхъ; никто ничіёго болю не знае; чуже лихо на ласощи, а свое за хренъ.“ Трудно переносится въ чужое росположенье: „вола голова не болѣла, коли корова теля родила.“

На влегченье всей журбы тай горя, дала природа человѣкови слезы: „дурному смѣхъ розумному слезы.“ Жалуется нещастливый человѣкъ ревными слезами: „жаль много може, жаль ваги не мае.“ Тяжко зациткати своего жалю: „горе не умовчитъ; бѣда якъ дуда: куды йде, то реве.“ Тымъ и дороги суть слезы страдающому: „слезы якъ перла.“ Якъ нѣтъ розумного жалю, такъ дурный тогды и плачъ: „нежаль плакати, коли есть за кимъ.“ У плаксивыхъ слезы якъ вода; яка така дурница, они плачутъ: „заплачъ дурню по своей головѣ! по чѣмъ дурного знать? по томъ, що плаче: заплачь Матвѣйку, дамъ копѣйку.“ Плаксивый росквасится: „кисне, якъ соленый огирокъ; росквасилъ губи якъ капицы.“

На все лихо, всѣ скуки, всю бѣду, бодрится человѣкъ своимъ безсмертнимъ духомъ. Духъ мыслитъ, мыслями человѣкъ крѣпитъ и потѣшае себе: „за потерпеніе дасть Богъ спасеніе; терпенъ спасенъ.“ Що найбѣльше крѣпитъ человѣка въ его страданіяхъ, то надѣя: „спо-

дѣватись на Бога, на его ласку: колись и въ мое оконьце засвѣтитъ соньце." Тяжкій каждый початокъ, а конца терпѣливо докараскатися нужно: „коли наклюлось то и вылупится; буде и на нашому тыжню свято, буде и на нашой улицѣ праздникъ." Изъ гною родится збоже, тожъ и не мае ничого злого, щобы на добре не выйшло: лихо не безъ добра, перемелется мука буде. Иногдѣ человѣкъ и ненадѣется, якъ оно на добро зведется: „изъ несподѣваного быва сподѣване, а изъ сподѣваного несподѣване." Недоробится человѣкъ ничего безъ надѣи: „то не козакъ, що отаманомъ недумае быти." Только безъ духа человѣкъ живе безъ надѣи: „безнадѣйному нѣтъ будущности, ему только съ нынѣ на завтра." Тожъ, надѣя золота, дорога каждой людинѣ. Надѣя спасае человѣка въ страданіяхъ отъ розпуки: „терпи горе, добро буде; буде добре якъ мине зло." Позаякъ безъ бѣды и гаразду немае, позатакъ человѣкови цѣлую жизнь страдати: „треба бѣдовати до гробовой дошки." И страданіе много слегчается тѣмъ, що страдаютъ всѣ люди, а не самъ одинъ человѣкъ: „що людямъ то и намъ."

Якъ бы не духъ, тай не душа въ человѣцѣ, не былобы для него ніякой надѣи. Найкрасше сіяе человѣкови надѣя въ вѣрѣ. Тутъ роскрывае она ему будущность даже за гробомъ. Безсмертній духъ человѣка, тому то съ такою почестью передаютъ земли мощи каждой помершой людины. Изъ давныхъ давенъ похоронъ былъ святымъ обрядомъ у нашого народа. Чѣмъ бôльше заслуги у мерца, тѣмъ бôльшую честь заявляютъ ему. Широко по нашой землѣ взносятся сыпаны могилы, на вѣчну память знаменитыхъ небощиковъ. Теперь ховаютъ людей по кладьбищамъ съ набоженствомъ; хоть якъ убогій хозяинъ, богдай на парастасъ за душу помершого стягнется. Кажде село, каждый городъ имѣе свои кладьбища, где могилки покойниковъ крестомъ святымъ ознаменованы. Иде якій праведный человѣкъ, такъ отслонивши голову отченашемъ помине души усопшихъ. Долгое время поминае родина що року помершихъ своихъ обѣднями и панахидами, нагадуючи въ тую пору всѣ добры дѣла небощиковъ. Такъ лучитъ святая связь, связь горячой вѣры всѣхъ помершихъ съ жиющими. Не имѣе кто за що справити набоженьство, хоть кускомъ хлѣба надѣлитъ где якого прошака, щобы поминалъ молитвами душу его покойника.

Между смертію а жизнею установила природа опочинокъ, который сномъ называемъ: „спится, то и снится." У снѣ отпочивае тѣло, отпочиваютъ смысли, на часы устае и сосвѣдѣнье. Занадае сонъ, являются всѣляки образы: „кто легко спитъ, той богато снитъ; кто твердо спитъ, той и не снитъ." Про сонъ толкуютъ много учены и неучены люди: „що на яву бредется, то и въ снѣ верзется." „Не думай, то и

неспитимется." Страдае кто на яву, такъ и въ снѣ страданье явится: „якъ есть горе на души, то и со сну жахаешся." Сонъ займае людей великою любопытностью: „каждый свой сонъ росказуе." Сонъ покрѣпляе тѣло и душу человѣка, тожъ и нѣтъ человѣка, щобы не любилъ спати: „сонъ милѣйшъ всего" „Ночь свое право имѣе." Въ снѣ перестае трудъ и всякое дѣло человѣка: „спати не воевати." Кто спитъ, ѣсти не проситъ: „кто спитъ, той не грѣшитъ." Якъ все, такъ и спанье свою пору имѣе: „кто позно лягае, той щастья не мае; кто позно встае, тому хлѣба не стае: кто рано встае, тому Богъ дае." За добрымъ временемъ вся користь: „Ранна пташка зубцы теребитъ, а позна очицѣ жмуритъ; сапогъ мулитъ ногу, подушка мулитъ голову. Солодкій сонъ тожъ любятъ вылежуватися лѣнивы люди: „съ сномъ якъ съ воломъ борися, а рано вставати не лѣнися: изъ спанья не купитъ коня, а зъ лежи не справитъ одежи." Годѣ спати долго, бо „спаньемъ голоду не перебудешъ."

Спитъ человѣкъ, сплятъ и звѣрята. Въ снѣ является тое, що давно было, иногдѣ наймильши надѣи въ жизни человѣка. Въ снѣ являются намъ померши, сонъ пригоститъ розлученыхъ отъ насъ далекою просторонію. Грѣхъ изъ сну ворожити, бо „сонъ мара, а Богъ вѣра."

Така то истота человѣкъ. Родится и живе на тое, щобы чѣмъ разъ ставатися докональшимъ. Съ цоконъ человѣческій родъ на земли, отъ тогды розвивается духъ его и дѣлами своими вкрашае землю. Про весь многовѣчный розвой человѣческого рода говоритъ намъ исторія. На сколько и есть хорошіи люди, такъ доконалымъ человѣкъ не буде николи: „нѣтъ человѣка безъ вады." И въ томъ цѣла тайна его жизни, що силуется справляти свои вады. Хоть достигне глубокой вѣдомости своею ученностью, вѣщимъ не буде николи; бо „щобъ былъ вѣщій, тобъ бѣды не зналъ." „Зроби зъ мене вѣщого, а я зъ тебе богатого." Нѣтъ высшой истоты на земли надъ человѣка, тожъ и правду сказати, що по образу Божому есть сотворенный.

III.

Воля.

Человѣческая истота на ровной степени стоялабы со звѣрями, еслибы не имѣла воли. Безъ воли нѣтъ розумной истоты, а только животное безъ сосвидѣнія и самопознанія на слѣпо послѣдующе правиламъ природы, обстоятельствамъ жизни. Воля заявляе цѣлу душу

человѣка, волею творитъ онъ дѣла. „Сильна воля, сильный духъ," тожъ воля знаменуе духа. Волею создали люди цѣлый великій богатый свѣтъ розличныхъ произведеній, событій общественныхъ, громадскихъ правилъ: крѣпкая воля спасла людей изъ пропасти безаконія и провела въ законную порядочную жизнь. Воля дѣлае человѣка добрымъ и злымъ, порочнымъ или доконалымъ, слабымъ, промагающимъ, могущимъ и могущественнымъ. Ничого совнѣватися про волю, бо „воля кришитъ желѣзо, пробивае горы, повздержуе рѣки." „За волею много повстало, за волею много пропало." Твердую волю ничимъ вспенити ни утомити: о сколько твердая воля выдержатя може, есть много примѣровъ въ исторіи. Ни голодъ, ни муки, ни смерть не сломитъ твердую волю.

Розличаются люди между собою лицемъ, наружностью, но большое розличіе между ними становитъ самоведеніе: воля. Особою зовемъ человѣка розвитого имѣющого свою не связаную волю. Потому, що воля каждой особы есть ей цѣлою истотою, вышлиае съ похотей и помышленій: всякое отсутствіе воля, або совершенное умореньe оной, есть нравственною смертью, нравственнымъ убійствомъ. „Безъ воля человѣкъ ніе да вяне, якъ безъ воды билина въ полі." Безъ воли якъ ни жити, ни ходити, ни очима дивитися, ни потѣшитись, ни розвеселитися. „У кого нѣтъ воли, у того нѣтъ долѣ." Отняти кому совершенно волю только що заплѣшити розумъ, горкимъ сдѣлати свѣтъ а людей гнобытелями. „Не такъ доля, якъ добрая не вспущая воля." Волею человѣкъ себе въ жизни проводитъ, но щобы волѣти нужно хотѣти: такъ розумная похоть есть плотею волѣ.

„Одна мати родитъ, та не одинъ обычай дае." Хоть бы якъ походилъ кто другъ на друга, имѣе однакожъ свою притоменны власности. Такъ „що человѣкъ, то и обычай, що сторона то новина, що хатка, то нина гадка, що городъ то и норовъ, що голова то и розумъ." Якъ всѣлякій есть похоти у людей, всѣлякій розумы, такъ у каждого есть и своя воля: „каждый Иванъ маe свій ласъ." Сколько особъ, столько норову. За волею цѣла приличность у человѣка: „хоче кто противится, волитъ кто, погодится."

Воля изъ простой похоти слѣпа, не свободна, „хотя крѣпка норовиста, то нечиста и заговиста." Природа надѣлила людей безчисленными похотьми, прибагами, такъ, що еслибы каждому стануло на его, не прійшлобы, „ни до ладу, ни до складу." „Той въ задъ, той въ передъ, той въ лѣво, той въ право; той горы перевертае, а фей въ морю дна добывае." Не въ томъ воля, якъ хочется, а въ томъ, щобы не хтѣти якъ захочется.

Свободному человѣкови воля, а свобода розумному. Не въ томъ воля, щобы що хотѣти, то зробити, а въ томъ, щобы ведля правды и закону провести себе въ міру безъ принужденья, а съ власного убѣжденья. Не той вольный кто бажитъ, а той, кто хоче, якъ нужно. „И волкъ на воли, тай ные доволѣ.“ Вольный между вольными: „хочешь ты, хоче и другій.“ Небылобы и хосна ніякого, еслибы каждый важалъ только на свою волю: „своя воля добра, та не пожиточна.“

Воля, що безъ розуму, зовется пустою, дурною, або просто сваволею. Свавольный человѣкъ, „самъ собѣ яму копае.“ Не диво про тое „що якъ собѣ кто постелитъ, такъ и выспится“, бо: „якій розумъ така воля, яка воля така доля.“ Не смѣркуе кто чого захочется, смѣшнымъ дѣлается по своимъ еквапливымъ, похопнымъ требованьямъ: „хоче, щобы чортъ, та Богу молился, захотѣлъ у дѣда выпросити хлѣба, хотѣлъ у розбойника, та ще кій отняти.“ Годѣ требовати невозможного: „хочешъ бо ты у цигана пугу выдерти.“ Свавольный не важае ни на цѣль, ни на средства, ни на честь: „хочется якъ голому на улицу.“ Годѣ задовольнити пусты забаганья: „нехай того не бажится, чого хата не держится.“

Свавольный человѣкъ не имѣе ніякой стойности, есть пустый. Пустый кто, такъ и хопится пустого: „пусте пустого тримаеся.“ Пустый человѣкъ, пусте его дѣло: „дѣра дѣру не латае.“ Где не поступится пуста судина, познати ею по дѣламъ: „познати собаку по ей шляку.“ Въ пустомъ все пусте: „пуста голова, пустый высокъ, пусты руки.“ Не диво, если „пустый шляхъ за пустымъ,“ бо „що ледащо, то не остоится.“

Ледащіютъ люди съ великой пустоты, а иногда такой уродился кто такій ледащимъ: „ледащо съ нѣку ледащо, хоть покинь таке ледащо.“ Ледащій не держится ни злой ни доброй волѣ, не исправится ни хренемъ, ни медомъ, а на коли не въ силѣ заробити собѣ на хлѣбъ, на конецъ стане жидовскимъ попихачемъ. Куда не поступится, всюда дорекаютъ ему: „ледащого и въ церквѣ бьютъ.“ Для ледащого ни журбы, клопоту: „люди сіютъ, люди спекутъ; держись берега, рыба буде.“ „За ледащимъ и трава не позеленѣе.“ Такъ якъ по роду написано знаютъ всюди ледащого: „добре далеко чуты, а ледаще еще дальше.“ Далеко иде хорошая слава, а худая еще дальше. Ледащій дѣлается волокитою, пройдисвѣтомъ, промерзитъ весь вѣкъ свой, а на конецъ: „ледащому ледащая и смерть.“

Волею человѣкъ справляется во всѣхъ обстоятельствахъ жизни; тверда крѣпка воля заявляется не въ гаразді а въ нуждѣ. Все тое, що вредитъ, уничтожае добро зовемъ бѣдою. „Бѣда не спитъ, а по

людяхъ ходитъ. Причину бѣды и не легко достеречи: „бѣда бѣдою ѣде и бѣдою поганяе.“ Непособытись одной, а вже прискипалася в друга: „одна бѣда тягне за собою и другу: якъ одна бѣда иде, то и другу за собою веде.“ Коли бѣдѣ конецъ и не узнати: „бѣда за бѣду зачепилася, бѣда бѣду тримае.“ Кто разъ попалъ въ бѣду, не скоро надѣется поспекатися: „бѣда бѣду перебуде, одна згине десять буде.“ Не скорый такъ гараздъ, якъ скора бѣда: „бѣда бѣду гонитъ.“ Бѣды не продати ни промѣняти, и громъ бѣды не забье.“

Все настае въ свѣтѣ въ свою нору, въ свое время, лишъ бѣда коли нибудь: „бѣда найде хоть соньце зайде.“ Нѣтъ добра такого на свѣтѣ, щобы забезпечило отъ бѣды человѣка: „волы, конѣ на оборѣ, а бѣда попередъ очи; на бѣду не богато нужно, бѣда не знае приказу.“ Помыслитъ кто, що бѣда прискипалася мѣстца, но бѣды всюды полно: „пойди до Кракова, всюды бѣда однакова, пойди за бескиды, не збудешся бѣды.“ Хоть где куды поступися, а бѣду такой стрѣнешъ: „що що, а бѣду завше сдыбае; бѣда якъ схоче, то придибае и на гладкой дорозѣ.“

Нища бѣдному куды поступитися, бо „на бѣдного гавкаютъ и собаки.“ Бѣдный кто, такъ цураются имъ люди: „чужой бѣды никто радо не пріймается.“

Не въ томъ бѣда, если человѣкъ потеряе все добро, имѣнье, здоровье, родину, а въ томъ, що „бѣда якъ лиха гадина, вшелится въ сердце, тай голову сушитъ.“ Ніе иногдѣ сердце отъ тяжкого горя, омаль не роспукнется: „якъ пойде горе съ рана, то ажъ до смеркання. Що бѣда, а що горе, то собѣ родны: „бѣда куца, а горе чубате.“ Дарма глядаютъ где якій потѣшенья въ напитку: „на фрасунокъ не поможе и трунокъ.“ Отъ журбы хоть якій кто зажилый въ собѣ, и лица пожолкнутъ и очи позападаются и волосье посивѣе: „якъ голова бѣла, знать що болѣла.“

Дурны люде тѣшатся чужимъ лихомъ: „дурневи смѣхъ, розумному слезы.“ Не одному чужа журба сдается невелика: „добре чуже лихо мѣрити; змѣряй свое.“ Ненаходитъ человѣкъ въ бѣдѣ клопотѣ тай нуждѣ, якой нибудь поддержки, або отрады между людьми, такъ справедливо считае себе нещастливымъ. „Въ нещастью нема ни брата ни свата: „подъ лихій часъ и кумъ за собаку.“ Находятъ люди кого въ гараздѣ, а цураются бѣдою: „тогды любитъ и сватъ, коли добро мае братъ, а коли бѣдный, то забуде и братъ рѣдный.“ Поколь щастье служитъ, поти пріятель служитъ: „где щастье упало, тамъ пріятелей мало.“ Не одинъ бѣдный нагадуе собѣ: якъ я гараздъ малъ, каждый мене зналъ, а якъ сталъ убогій не приходятъ гости въ мои пороги.“

„Поколь мѣшки чуютъ, поти пануютъ.“ Горестно въ бѣдѣ нагадувати собѣ за всѣхъ тыхъ, що ласкаютъ у добру: „не тогды лижи менѣ губы якъ солодки, тогды лижи якъ горки.“ Не тяжко найти жениховъ для богачки, а на бѣдну и ни подивлятся: „нехай мене полюбятъ у чорнѣмъ, а въ бѣле приберуся, тогды и сама не подивлюся.“ Кто разъ попался въ нещастье у людей, на того люда яке погримує: „на кого вороны, на того и сороки.“

Попался кто такій въ нещастье, то журится голова, а терпитъ сердце. Мягкого сердца люде, въ жалости да плачу находятъ полягу. Тяжкій жаль па рязѣ такій, що не въ силѣ человѣкъ спамятатися: „жаль много може; жаль ваги не мае.“ Благо тому, кто жаль свой може улегчити словесами: „ой жалю мій жалю! охъ и жалю не помалу: упустилъ долю, упустилъ щастье, та вже и не пійманю.“ За словами переходитъ жаль въ плачь, бо Господь Богъ далъ болѣющому сердцу на лѣкъ слезы. „Бѣда якъ дуда, куда иде, то реве.“ Плачутъ женщины, плачутъ дѣти, тай плачь не поможе ничого: „приплакала бабка весь лѣсъ, а по ней ани бѣсъ: плачемъ лиха не выплачешъ.“

Сказано: „кто терпенъ, той спасенъ.“ „Коли дасть Богъ бѣду, то и розумъ добрый.“ Бѣда на тое, абы научила розуму: „кому бѣда доскулитъ, то и розуму научитъ.“ Хоть яка велика бѣда нагилитъ мыслящого человѣка, не лишится своей головы: „кто бѣду мае, той богато знае, кто гараздъ мае, той мало знае.“ Хоть бы якъ человѣково добре велося, такой не оббйдется безъ лиха: „нема ничого безъ лиха, и въ погоду часомъ громъ ударитъ.“ И ни одного человѣка не стрѣнешъ на свѣтѣ, що не имѣлъ бы якого нибудь лиха: „кожда людина свое лихо носитъ, гдежъ люди, тамъ и лихо.“ Человѣкъ съ тѣла тай костей, туй былъ, туй нема, хоть якъ розумомъ тай волею намагае, не устережется отъ лиха: „ нема такого дерева, щобъ и на него птица не сѣдала! „Лихо штаны поре, и червони чоботы мулитъ.“ Яка така орудка або дѣло, не оббйдется безъ лиха: „лихомъ торговати, лишко товаръ продае.“ „Лихо погнало, лихо споткало.“ Спогадае кто то, не великій страхъ, не велика бѣда, алежъ: „нешукай моря, втопишся у калужи.“ Иногдѣ на позоръ и недоскулитъ лихо: „бѣльмо оку не шкодитъ, только око не бачитъ.“ Що нибудь лихого чинячся кого, нехай на разу стережется, бо: „лихо не вморитъ, такъ спотворитъ.“ Нисенитецею не спекаешся лиха: „лихо конемъ не объѣдешъ. Перша наука, якую въ бѣдѣ набываешъ: не шукай лиха, тебе само лихо найде: колибъ такъ за добро якъ за лихо.“ Достигаешъ якого высокого дѣла, позирайся добре, бо: „ты хочешъ на гору, а чортъ за ногу.“ Годѣ боротися недужному изъ бѣдою: „трудно выйти изъ бѣды,

якъ каменю изъ воды; не такъ худко згоится, якъ бѣда сковтся.“ „Коли лихо, то сиди тихо.“ Розумный хоть якъ долго тревае лихо, не тратитъ головы: „лихе швидко приходитъ, а поволи отходитъ.“ Розумный николи не гадае посбытися лихомъ лиха, бо „лихо на лихо сдасться.“ Розумный не на чужи силы сдается въ бѣдѣ, а на свои питоменны, бо: „съ бѣдою нищо та съ кимъ дѣлитися.“ Розумный не лякается хоть якой страты, абы только поспекатися лиха: „съ лихого торгу хоть бы съ квасомъ.“ Тому то „отъ бѣды цѣла наука и штука.“ Горе тому, кого бѣда не научитъ розуму. „Що робити съ бѣды, тра въ голову заходити.“

„Мертвый розумъ безъ воли, пуста воля безъ розуму.“ Вольный безъ розуму не знае, ни где подѣтися, ни що розпочинати; якъ слѣпый: „скоро тяна не держится, то до рова повалится.“ „Слѣпому не свѣтятъ.“ Такій человѣкъ не зважае ни на средства, ни на цѣль, ни на перепоны: „слѣпому нема горы, куды попалъ, туда и вали.“ Не зъумѣе онъ оправдати ни себе, ни своего дѣла, та спыхае все тымъ, що: „якъ ведется, такъ и живется.“ Годѣ поручити ему яку нибудь роботу, чи що тамъ: „якъ былъ собѣ, та не малъ собѣ, та найшолъ собѣ, та вытесалъ не тесаного тесана!“ Доконалъ якого дѣла, то хиба только, що „дѣдькови очи промылъ.“ Неогляднѣсть, съ якою порается налучитъ не одну пригоду: „схилился по полѣно, та столкъ собѣ колѣно: потапки — потапки влѣзъ чортъ до лапки; попался якъ сучка въ дучку.“ Иногдѣ дохопится такого, що ажъ смѣхъ дивитися: „укрутилъ хвостину, хопилъ за мѣсяцъ зубами.“ Кто не помыслитъ до чого яка рѣчь належитъ, той „дуже розумный; решетомъ у водѣ зорки ловитъ.“ Иногдѣ хоть добра у него цѣль, то лукаве средство: „за чужую кровавицу, купилъ до церкви плащеницу.“ Непосѣдющій порывается заедно до нового, незважаючи, що „тогды треба старе руйновати, якъ є съ чого нове будовати.“ Бываютъ люди вольни, и поважни, а безъ розуму: „съ переду человѣкъ и съ заду человѣкъ, а увесь якъ на смѣхъ.“

Пусти безрозумного на волю, а наколотитъ не малой бѣды и собѣ и другимъ. Якъ скорый до всего такъ и легкодушный. Поки що, не въ пору легкодушному говорити: маленькимъ конемъ далеко незаѣдешъ, дармо колодку черезъ пень валити, съ пальца меду не высшешъ, або воломъ заяца не догонишъ. Летитъ онъ „якъ воробецъ на огонь.“ Скоро прудка природа въ кого, такъ не въ силѣ такій ... собѣ ни приказу, ни обладу: „непосѣдющій якъ чортъ, вертится якъ на веретенѣ, якъ въюнъ въ полонцѣ, якъ сорока на тыну.“. Скорый человѣкъ съ великого поквапу, не застановится николи: „загубила со-

рока хвостъ." Якъ летитъ, то бѣжитъ не зважаючи передъ себе: „Мартинъ головою о тинъ." Пруда прудитъ скорого: „прудко гонитъ голову зломитъ." Отъ скорого не надѣятися доброй, тревалой роботы, бо „прудка рѣка береги розмыває: швиткой роботы никто не хвалитъ." „Швидка робота, якъ нагла смерть." Но одинъ поспѣшностію гадае перехосновати другихъ, тай надсадится: „мало вкусишъ, бѣльше ковкнешъ: „се не такъ швитко, якъ на мертвого сорочку шити."

Робитъ що скорый, не зважае якъ, абы зробити: не пытаютъ хутко ли, але пытаютъ чи добре." Не такъ похопному до горы, якъ изъ горы: „спускайся съ горы тихѣйше въ низъ, щобъ никто головы не гризъ." Кожде дѣло домагается своей поры, свого часу: „кто хоче пытлёвати, долженъ подождатя, а кто на разъ, буде заразъ." Скори скоро хапаются и великого хосна: „за великимъ поженешся, тай мале втеряешъ." Не той умотыкае худобу, що надъ мѣру не кванится, а той, кто гонитъ хоть изъ шкуры: „помалу ѣдь, а дальшл заѣдешъ." Скорый кто, то скорый до всего: „не квапся якъ попівна замужъ." Загнался где въ якое дѣло, такъ: „не вспянинъ моихъ воду зъ лотокбвъ."

„Терпи тѣло, маешъ щось хотѣло: где грѣхъ тамъ и покута." Люди, що не ведутся розумомъ, суть або дуже слабой, або ніякой волѣ. Идутъ они слѣпо за своими похотями, такъ що разъ глубше попадаютъ въ пороки, въ грѣхи: „куды хилитъ вѣтеръ, туды и гиля гнутся." Не розумъ правитъ ихъ, а слѣпа жажда: „куды ноги, туды и голова, куды нбсъ, туда и руки, куды очи, туды и зубы."

Таки люди, що не здужаютъ овладѣти свои похоти, навыкли спыхати все лихо на чорта, або на покусу: „чортъ его подвелъ, а чортъ того не знае: „мужикъ съ печи упалъ, никто его не спыхалъ." Кто зломъ справляется, той набавится злого: „наварилъ пива, выпійже его самъ: якимъ мечемъ махае, такою путыо и погибае." Дарма слабодухи ссылаются на покусу, бо: „покуса не для Іесуса, а для Юды, а хоть и для Петра, наколи отпертися тра." Нехай на себе жалкує, кто выноватый: „кто учинилъ, той провинилъ: не хапайся дурницѣ, не будешъ сидѣти въ темницѣ." Знае человѣкъ що дѣлае, а не хоче знати про дѣло: „купила хреню, треба зъѣсти! плачте очи, хоть повилазьте, знали що куповали." Нагрѣшилъ кто такій: кара Божа! кара Божа! повѣдае, не зважившн, що „не Боже каранье, а спос дурнованье." Не Богъ на смерть веде, самъ человѣкъ иде." Тому то и кажутъ: человѣкъ ббльше къ злому, скланяется, нижели къ доброму, бо злому тбльно поддатися, а добро самому творити нужно.

Есть человѣкъ умный, и водится завсегда только зломъ, на тогда у него лиха воля, тай онъ самъ лихимъ зовется. Зла воля завсегда

справляє только до злого: „где чортъ любитъ? въ болотѣ! Зла воля уже изъ самого лица и зъ очей является: „гляне, молоко кисне.“ Не только сваволный та пустый наробитъ злого, якъ лихій: „не такъ сваволя, якъ зла воля.“ Лукавого познати уже по сему, що всему добру дастъ догану: „лихій доброго не любитъ.“ Нищо глядати за чортами, бо: „якъ лихій человѣкъ, то не ставъ за чорта.“ Порою каждый человѣкъ нехотячи учинитъ щось злого, но лихій кто, такъ лихомъ годитъ постоянно: „у злому але и сидитъ.“ Не такъ добрыхъ, якъ лихихъ людей въ свѣтѣ богато: „отъ лихой твари въ свѣтѣ не утечешъ.“ „Нема лѣса безъ волка, а села безъ лихого человѣка.“ Лукавому що нагодится, того чипается: „ему и муха на завадѣ.“ Такъ бывае иногда лукавый, що „недостоинъ, абы его земля свята носила.“ У лукавого нѣтъ ни доброй мысли: „волчу думку маe; волча природа до лѣса.“ Хоть бы якъ годилъ кто лукавому, не въ силѣ уласкати: „столько волка не годуй, а онъ въ лѣсъ дивится.“ Надобится, що спасе кто лукавого отъ пагубы, за тое отплатится лихомъ: „не грѣй гадюки за пазухою, бо якъ отжіе, то тя вкуситъ.“

Сказано, що „лихимъ и гонятъ лихо.“ Кого нибудь лихій прискипается, поспекатися годѣ: „чипляется якъ репякъ кожуха, якъ грѣхъ села, якъ слѣпый до плота; приставъ якъ смола.“ Человѣкъ злой волѣ, наважный; не вспинитъ его ни страхъ ни милосердіе: „лѣзе якъ сатана; лѣзе въ очи мовъ оса; вивлся якъ пьявка, та сталъ менѣ солю въ оку.“ Такъ у кого лиха воля, у того и напасть. Отъ напастныхъ людей и сваръ и соперечка и колотня и бойка: „отъ злой волѣ не тяжко попастися въ напасть.“ Не такъ чого трудно устерегчися, якъ напасти: „не дай Боже напасти.“ Не пытае лихій, чи есть, чи нема за що чипатися: „отъ слѣпа напасть.“ Якъ напасть, ходятъ лукави за чужою шкодою, тожъ ніякъ ихъ посбытися, якъ тымъ: „отъ напасти и полы врѣжъ а втѣкай!“ „Напасть не по дереву ходитъ, а по людяхъ.“

Если бы всѣмъ безрозумнымъ, пустымъ тай лукавымъ пустилъ по ихъ воли, не остоялбыся никто, ни съ житьемъ ни имѣньемъ. Ніякій человѣкъ не може и не повиненъ все то чинити, що схоче. „Дай кому волю, то самъ пойдешъ въ неволю.“ Не въ тѣмъ воля, дѣлати тое, що хотѣти, а въ тѣмъ: „ити право за розумомъ.“ Не той вольный, що волю, а той що маe розумъ. Кто ведля своей волѣ справляется, того называемъ свободнымъ. „Не въ тѣмъ свобода, що росте лобода, а по тѣмъ спознати волю, якъ обладъ на полю.“ Только розумнымъ и праведнымъ людямъ признаютъ вольность, только въ правдѣ истына свобода, бо „що правда то и вольность, що правда то не грѣхъ.“ Для дурныхъ пустыхъ и лукавыхъ нѣтъ свободы: для нихъ законъ, должность, указъ и наказаніе.

Где розумъ здоровый и воля тверда, тамъ и велика сила. „Не той сильный що камень верне, а той, що себе наверне.“ Сама пуста сила въ рукахъ, ногахъ, въ чемъ нибудь не доведе до нинчого, якъ нема ладу въ головѣ: „хапается руками тай ногами, а дошнять тяжко.“ Не той сильный, що на разу хапается дѣла, а той що доведе дѣло до верху: „сила на уданю залежитъ.“ Творятъ люди иногда чудеса за крѣпкою волею: „чія воля, того и сила.“ Не въ тѣмъ воля, що хочется, а въ тѣмъ, що промагается: „кобы такъ могти, якъ хотѣти.“ Настае той що промагае, а промагае той у кого тверда постояна воля: „хотѣти хоче, та хотѣнь не дае.“ Бывае часто, що загрѣваются горячи люди великою охотою, а якъ прійде до дѣла, посускаютъ и руки и носы и уши: „чія воля, того и сила.“ Що нибудь человѣкъ розпочинае, такъ „нема дѣла безъ перепоны.“ „Не въ томъ дѣло, що успѣло, а въ томъ, що стало, якъ успѣти не давало.“ Много то порываются, а не вытреваютъ черезъ перепоны: „якъ сорвался, такъ и сталъ.“ Чѣмъ блисше якое дѣло конца, тѣмъ побольшаются перепоны; тому то: „конецъ дѣло хвалитъ.“ Кто не липается своей волѣ сопротивъ хоть якъ великихъ перепонъ, той допне свого и справедливо заслугуе на честь тай на славу: „знай дѣла дожонати, а будутъ тя величати.“

„Сила безъ головы шалѣе, а розумъ безъ силы млѣе.“ Бываютъ загоянсты люди, що не зважаютъ, якъ, чому и що дѣлаютъ, абы только поставити на своемъ: „где розумъ не стае, тамъ сила добувае.“ До чого доводитъ сама груба сила безъ розуму, численны примѣры имѣемъ на беззаконныхъ, нескаянныхъ и всякого рода грѣшникахъ. „Сила силу промагае, сама себе истребляе.“ Таки люди, що вередуютъ слѣпою силою зовутся розбойниками.

Нема на томъ свѣтѣ большого нещастья для розумного человѣка, якъ неволя: „кто не мае волѣ, той и не мае силы.“ Только вольный человѣкъ може справлятися своею волею: „вольному воля, ходящому путь.“ Затворитъ кто такій розумного въ темницу, такъ и заморитъ его душу. Лучше розумному бѣдовати на волѣ, нижели нидѣти въ неволи: „хоть спина гола, то своя воля.“

Не пріймается душа человѣка хоть якого гаразду, скоро позбавится волѣ: „въ клѣтцѣ есть пити, ѣсти и хорошо сѣсти, та не мае волѣ.“ Люди въ неволи, тяжко горюютъ, умомъ и сердцемъ выжидаютъ волѣ: „колибъ Богъ далъ хоть за три дни передъ смертью волѣ побачити.“ Тому то и кажутъ: „не такъ лиха доля, якъ тяжка неволя.“ Человѣкъ отъ самого Бога изъ розумомъ сотворенный на волю: „воленъ Богъ, та и ты.“ „Кому розумъ, то й воля.“ Кождый человѣкъ

мае свою питомєнну душу, свой розумъ, свою волю: „якъ кто хоче, такъ сокоче; чи въ день чи въ ночьи, чи рано, абы не погано, якъ довольно, абы вольно.“

Иногда люди таки вольны, що хиба только свѣтла, воздуха, та воды никто имъ не запересчитъ. „Такій вольный, якъ собака на прияязцѣ; вольный неначе конь на припонѣ.“ Таки люди зависятъ крайно отъ волѣ другихъ, якихъ зовутъ своими панами, та только хоснуютъ своею волею, що „на волѣ, плачу доволѣ.“ Кто працуе, той вольный, а кто робитъ, той невольникъ. Задля того давнѣйше невольниковъ звали рабами: „где праца, тамъ не сварится, а где робота, тамъ и голота.“ „Зъ доброй працѣ колачи, а зъ роботы хиба сами клопоты.“ Кождый человѣкъ сотвореный до працѣ, але не до роботы: „праца и бѣлыхъ рукъ имается, а робота чорныхъ не попускается.“ Працуе человѣкъ, то працуе съ охотою, бо для себе, тай на себе, а робитъ, то робитъ горько, бо на чужого.

„Богъ за працу мае щось дати: кто дбае, той мае.“ Праца не кара, а благодать Божа. Працовитому человѣкови николи не стане скучно на свѣтѣ, бо „праца надае имѣнье,“ а всяка властнбсть, хотьби яке имѣнье вяже человѣка до сего свѣта. Если кто добрымъ трудомъ, розумною працею приспорилъ собѣ ѣразду, достатку, або и богатство, тому праца становится солодка, а жизнь мила. „Кто чого шукае, той знайде; трудяща копѣйка годуе до вѣка.“ „Будешъ дула будешъ ѣла, не будешъ дула, не будешъ ѣла: поможи Боже, а ты не лѣнуйся небоже; якъ дбаешъ, такъ маешъ.“ Само отъ себе ничо не возмется: „треба думати тай гадати, якъ кишки напхати.“ Не тому смакуе хлѣбъ насущный, кто ни нащо не трудится: „горько запрацуй солодко зъѣжъ. Трудящому не мае опочинку: „шатайся за дѣломъ якъ муха въ окропѣ.“ Не той знае, якій смакъ, що съѣсть, а той, що запрацуе: „полюби горенько, а тогды буде солоденько.“ Працовитого не перецудитъ таке дѣло: „очамъ страшно, а руки зроблятъ.“ Не знае человѣкъ чіе нынѣ, а чіе завтра, не може завсѣгды уповати на свои силы, то крѣпится вѣрою: „Богу молись, зачинай не бойсь.“ Працуе одинъ человѣкъ, такъ працуе и другій и третій, працуютъ всѣ „разомъ, за Божимъ приказомъ.“ „Боже поможи!“ кажутъ тымъ що працуютъ; „спасибогъ за добре слово“ отповѣдаютъ. Починаютъ важне якое дѣло: „нехай сей день святится!“ желаютъ собѣ: „дай Боже часъ и пору добру!“ Добра праца великій трудъ, тожъ и видно знакомитости по значномъ дѣлѣ „не человѣкъ дѣло, а дѣло человѣка хвалитъ.“ Розумный въ каждомъ дѣлѣ смотритъ на добрый початокъ, а конца николи зъ очей не пускае: „за початкомъ дѣло становится;

добре начало половина дѣла: кенецъ дѣлу вѣнецъ!" Полюбилъ кто працу, то не дармуе и хвилю: „працуе якъ чорный вôлъ: коли невыпряжешъ, невыпряжется." Ревный кто такій, то ревный до працы: „працуе до синего поту: тогды отпочнемо, якъ помремо." Такъ працуютъ люди на свѣтѣ „до гробовой дошки."

„Якъ есть воля, найдется и охота." Вольнымъ людямъ не треба великой принуки до працы, бо праца зъ вôльныхъ рукъ тай головы приспоритъ и знакомиту нагороду. Вôльны люди вѣками працуютъ, тай передаютъ свои велики дѣла внукамъ правнукамъ. Скôлькожъ то не уплыло вѣкôвъ за людьми, и могилки, где кости ихъ спочиваютъ, давно уже позападалися, а память о нихъ живе во вѣки, бо лишили по собѣ знакомити дѣла потомкамъ. Куда ни глянешъ по рôдной земли, села, мѣста, церкви, дворы, сыпанй битй гостинцы, цвѣтущи сады: все тое дѣло зъ працы дѣдовъ прадѣдовъ твоихъ. Що нибудь великого сдѣлали люди сроею працею, писана память переховуе тай росказуе намъ про все тое, сюже зовемъ исторія. Исторія то живый помяникъ человѣческой волѣ и силы. Люди великой волѣ доводили до того, що доконавши дѣла свои основно, сберегли ихъ отъ всякой гибели тымъ, що стали они правиломъ тай закономъ по нынѣшній день. О нихъ кажемъ, що воля ихъ свята была, а въ дѣлахъ ихъ самъ Господь Богъ воплотился. Такъ велику силу имѣе розумна воля человѣка, если поблагословитъ Господь, бо насупротивъ Божой волѣ, не остоится ніяко человѣческо дѣло.

Щастливи люди розумни та вольни, а нещастни всѣ тіи, що неимѣютъ вольной волѣ, що суть чужою власностью, або въ наймахъ. Въ такой бѣдѣ былъ цѣлый народъ нашъ до недавна. Тіи, що розказовали звалися тай зовутся панами, а тіи, що робили тай служили хлопами, мужиками або й цѣле рабами. Нѣтъ большой прелести и принады, якъ въ панованю: „лацно на семъ свѣтѣ, що хотѣти то робити." Тымъ то паны далися народови въ знаки.

Що найбôльше надоѣло народови, то панство, панская кривда; тому и злорѣчитъ панамъ: „не бѣсъ пановъ роде, а лихо ихъ робе; бѣсъ та его дѣти пануютъ въ свѣтѣ." Панска сваволя не признае ніякой правды, бо по правдѣ нѣтъ сваволѣ: „кто не звыкъ правды поважати, той завсѣгды *ласый панувати.*" „*Паны въ свѣтѣ блукаются, та съ правдою минаются.*" „*Паны правдою кепкуютъ, зане въ свѣтѣ и пануютъ.*" Коли якій такій человѣкъ гôрко на кусокъ хлѣба працуе, паны тôлько росбираютъ та прибагаютъ собѣ: „панамъ лихо кидати, не плугомъ орати." Кто пануе не журится бѣдою, яку наколотила сваволя: „колибъ панамъ гадалося, зъ чого лихо сковалося!" Цураются

паны всѣма неровными: „то паны, а мы люди!“ Иногда такій панъ, що не стоить ніякой чести: „а та палиця панъ называется, треба ей слухати!“

Солодке панованье, бо пана ніяка не тревожитъ праца: „колибъ панъ за плугъ взялся, то и свѣтабъ отцурался.“ Празнуютъ паны цѣлый свой вѣкъ, бо на нихъ роблятъ мужики-хлопы: „добра паня за рабами.“ „Плугачъ оре и во працѣ рвется, а панске черево оттакъ ажъ дметься.“ Не працуютъ паны, а сѣдятъ на добру; а хлопъ робитъ тай добра не знае: „панъ на тронѣ, а хлопъ на ослонѣ.“ „Паны якъ дурны, що схотятъ той маютъ, а мужикови засѣ.“ Добро панамъ, „такъ и не дурень выдумалъ панованье.“ Мае панъ всего до волѣ, то жаждитъ за большимъ: „панске око на всё лассе.“ „Дай панови покуштовати, а онъ и гамкне.“ „Хибажъ суть паны, якимъ гроши немилы. Прибагаютъ собѣ паны нѣтвѣсти: „Що панска хороба, то наше здоровля.“ Панъ а нероба, то все рѣвно: „якъ бы я былъ паномъ, то всебъ на подушкахъ лежалъ.“ Якъ паны где всалашатся, такъ на все мѣстце: „паня на всѣ саий.“

И панство не вѣчне на сему свѣтѣ, и минается скоро; подупалому слава, що былъ колись паномъ; такій спонукуе людей до самыхъ наемѣшокъ: „Ой паничу, паничу! я васъ за чубъ помычу: паничъ, що укралъ бичъ.“ Панотатся где яки, хоть на панбвъ непохожій: „теперъ настало панбпъ, кинь на собаку, а пана влучишъ.“ „Усе паны та паны, а ни кому худобы пасти.“ Пануватн може той, у кого гроший, зачѣмъ той смѣтяный у кого въ головѣ панство, а въ карманѣ пусто: „паны, повзуваны слѣды ваши босы!“ „Паны наши, паны голоколѣнцѣ! мы у васъ служимо, а вы у насъ просите хлѣба: бѣда нашимъ головамъ за голыми панами.“ Сумна и смѣшна рѣчъ, если панъ безъ грошей, а не меньше, якъ панъ безъ науки: „паничъ незналъ ничъ, только одно письмо, тай то му зъ головы ветрѣсло.“

Пануютъ паны, такъ у нихъ не иначе, якъ панска природа. Самолюбство и нещирость, то головна ихъ прикмета: презырають они всѣхъ собѣ неровыхъ: „Съ паномъ небудь за панбратъ.“ Иногда хоть чесный панъ, то не отъ сердца, а для орудки: „съ панами добре знатись, та недай Боже цѣловатись.“ „Панска ласка до порога, а порогъ переступилъ то и ласку загубилъ.“ У пановъ воля, у пановъ и промога: „съ панскимъ свого языка неровняй, бо якъ долгій, то притнутъ, и якъ короткій, то вытягнутъ.“ На тое панъ паномъ, щобы сробилъ, якъ захоче: „Въ пански ворота широко войти, та усько выйти.“ Проворностью та хитростью умѣютъ иногдѣ паны затанти свою цѣль: „просьба панска ровно съ наказомъ ходитъ; панъ шапку хоть сдойма, та въ шапцѣ правды нема.“ Хотъ якъ паны ласкаются, яицо имъ займати вѣры: „добрый

панъ якъ отецъ, взялъ корову и скопецъ, и пання якъ мати, казала и теля взяти.“ „Тогды паны добри, якъ спятъ.“ Маютъ паны волю, такъ за панами вся правда и право: „що панске, а що жидовске, то николы не пропаде.“ „Хоть панске слово великое дѣло,“ якъ скоро обѣцяли, такъ не скоро дали: „обѣцялъ панъ кожухъ, теплое его слово.“ Нагодится дурный панъ, такъ хоснуютъ зъ его глупоты, кто може: „стрижи пана якъ овцу, на ему шерсть поросте.“ Яка така сваволя робитъ человѣка гордымъ. Гордѣютъ панѣтъ таки, що о панонъ втераются: „не такъ паны якъ поданяки.“ Нема чого надѣятися, щобы паны посмирилися: „будутъ паны дутися поколь, не полупаются.“

Маютъ паны волю, то маютъ и силу: „панска воля, панска и сила.“ Тымъ неволили они весь людъ такъ, що подъ панствомъ стояло подданство. Мужики, хлопы становили череду подданныхъ. Всяка неволя робитъ человѣка скрытымъ, проворнымъ, непостоянымъ: „Неволя скаче, неволя и плаче.“ Кто у неволи, той безъ правды, тай безъ права, живе только обманою, тай хитрощами. Зъ майки скрадается онъ за хосномъ своимъ: „мужикъ въ землю дивится, а на сѣмъ сяжень бачить.“ „На панску мудрость, мужицка хитрость.“ Хоть изъ верха смиренькій масненькій, гадалъ бы кто недотьпа, въ головѣ мае свои прибаги: „мужикъ дурный якъ ворона, а хитрый якъ лисъ.“ Прозорность знаменуе мужика: „поколь мужикъ купитъ, то сто разъ злупитъ.“

Що есть у человѣка честного, всяке душевне благо, або со всѣмъ нищитъ, або гнобитъ неволя: „кто въ неволи родится, тяжко съ волею освоится.“ „Кому шкура облѣзла въ неволи, не скоро поросте на воли.“ Катуе неволя душу тай тѣло: „больше болитъ, больше коле, въ кого розумъ у неволи.“ Недивота протое, если съ тяжкой неволѣ болванѣютъ люди: „пяне цвѣтка безъ лѣтка, рыба гине безъ воды, а розумъ безъ свободы.“ За приказомъ никто не порозумится, бо „розумъ самъ свой приказъ мае тай слухае.“ Кто нажился долго въ неволи, не скоро влучитъ быти своимъ паномъ: „зъ хама, не буде пана, а хоть буде, то поганый: не дай Боже зъ Ивана пана!“ Ляхи паны, то мужики въ панствѣ не лучши: „хлопъ богдай пановалъ, а силы не малъ: кто на пана не ховался, тому и не панувати! „Якъ изъ дѣда богачъ, або изъ пана панъ, такъ, я простиня,“ а якъ зъ мужика панъ, „то и гординя.“

Перекидаются паны въ розличныхъ людей, такъ строемъ якъ и мовою, пански обычаи та звычаи гладоньки та слабоньки: мужицка наружность отъ рода въ родъ переховуется однака: „мужика хоть три дни пари въ росолѣ, а онъ однакъ чутный сиростію.“ „До чого мужикъ навыкъ, того не попускается.“

Иногда бывае мужикъ така заголомшеная истота, що слѣпо зноситъ всякое владѣнье надъ собою; „гне шію, якъ волъ подъ ярмо.“ Изъ панской примхи перетерпитъ не одно тяжкое лихо: „паны бьются, а мужиковъ чубы болятъ.“ Бѣдуютъ мужики въ своемъ подданствѣ, мало що знаютъ про свою бѣду: „якъ бы все вытрѣщилось на мужика, що ему буде, то вверъ бы зъ переляку.“ Тяжка для мужиковъ кривда, тожъ и горька правда: „мужича правда то колюча, а панска на всѣ боки гнуча.“ Горде, спавольне панство, зашепило въ мужикахъ ненависть.

Не зважае кто на другого, а годитъ только самъ собѣ своею волею, той кривдитъ другихъ. Николи чужа кривда невыйде на добро: „кривда людская бокомъ вылазитъ; чія кривда, нехай того Богъ скараетъ.“ Скорше, чи позднѣйше, кривда выявится, бо кривдою никто несбогатѣе: „кто кривдитъ людей, той кривдитъ своихъ дѣтей.“ Немае человѣка на свѣтѣ, що вмѣнялбы въ добро яку-таку кривду: „кождому кривда не мила.“ За покрывджеными и правда и люди, тожъ „лучше кривду терпѣти, якъ кривду чинити.“ Що кривда ничія незаспится, сей ладъ заселъ въ цѣломъ свѣтѣ самъ Господь: „видитъ Богъ, чій козелъ, а чій баранъ: видитъ Господь мою кривду.“ Досвѣдчили сего споконвѣка повсюдейка праведны люди, що „правда кривду переважитъ.“ Дивуватися належитъ, якимъ дѣломъ розумны люди могутъ допускатися кривды: „хибажъ про тое намъ розумъ мати, щобъ на кривду брата дбати.“

Кривдили дуже паны своихъ подданыхъ, та найбольшой кривды дознаютъ наймиты, слуги. „Служба ровняется неволѣ, коли панъ полный спаволѣ.“ Роботою заробляе собѣ человѣкъ на кусокъ хлѣба. Куды ни поступится, повсюдейка нагодится яка така робота, бо „роботы до самой суботы.“ Кажутъ: „служба не дружба: въ службѣ треба ухомъ землѣ пріймати.“ Не гаразд той людинѣ, що во службѣ глядае заробку: „кто въ службѣ не былъ, той нужды не видалъ.“ Хоть якъ роби, неехосуется на чужомъ: „чужую кучу вночи, завсѣгды запорошитъ очи.“ Иподѣ слуга хоть якъ робитъ, ничого на себе не зарабитъ: „служи, та на себе служи, а розгорни полы, тай иди голый: робити есть що, а заробити нигде.“ Нещасливый той, кому служити пришло, та ще и кривдятъ: „три дни молотили крайцаръ заробили.“ Не имѣнья, а калѣцтва дорабляются гдеякій бѣдны: „на роботѣ не сбогатѣешъ а загорбатѣешъ.“

Кажда служба есть обовязкомъ, на якому такъ слуга, якъ и газда волею своею связуются до повинностей: той до певной роботы, сей до нагороды. Нѣтъ службы безъ платнѣ, бо „кто служитъ съ ласки, тому платятъ милосердіемъ.“ Бѣда спонукуе до службы, тожъ той

газда, кто платитъ добре: „и въ ката, абы заплата.“ Безъ хлѣба никто не стане робити: „треба робити, треба и ѣсти.“ „Накорми, тогды и кіемъ потягни, недавши оброку не бій по боку.“ Слузѣ конечно дати що заслужитъ: „наймитови хоть съ колѣна вылупи, а купи.“ Судьба каждого служашого прикра: „и псови въ одну дѣру наскучитъ лазити.“ Не на вѣки, а на якое время наймаются люди: „служба вольность не тратитъ: сѣй, ори, на свободусь бери.“

Не годитъ кто слугамъ якъ належатся, покидаютъ его слуги: „и псесъ дурно не бреше.“ Дай слузѣ харчу, а обходись съ нею по людяному, бо „не отъ колача тѣкаютъ а отъ бича.“ Вѣрный слуга не покидается того, кто добрый газда тай справедливый: „на добромъ мѣстци и камень поростае.“ Где у кого добра служба, у пона найлѣпша: „поповскій хлѣбъ боки роспирае.“ Пріймае кто слугу, такъ зважае на силу, бо „соломянымъ слугою никто не доробился.“ На роботящого що можь налагаютъ роботы: „кто везе, того и подганяютъ.“ Годѣ всего домагатися отъ одного: „дурный слуга безъ помочи.“ Одинъ человѣкъ не въ силѣ каждой роботѣ дати принадлежный обладъ: „Гриць за дровами, Гриць и за волами, и товкачъ и помело.“ „Одному не розодратися: однимъ воломъ хлѣба не доробится.“ Сталъ кто разъ на службу, такъ пріймился и слухати, бо „газда слузѣ не выкае.“ Ледащій слуга ніякого не доробится: „кто чужого не жалѣе, такъ и свого не имѣе.“ „Роби гаразъ на чужому, такъ и мати мешъ на своему.“ Ледащій той слуга, кто нигде мѣстца не загрѣе: „кто три роки служилъ у пановъ, а три у жидовъ, тогобъ лишь повѣсити.“ И въ найлѣпшой службѣ не такъ, якъ на своемъ: „горкій чужій хлѣбъ; на чужому хлѣбу нехай никому не бажится ласощей.“ „У злидневъ живши, хочешъ съ перцемъ ѣсти!“

Така то доля бѣдныхъ людей въ наймахъ. Было, що цѣлый сельскій народъ нашъ горко припадалъ за панщины. Панска примха, дворски посѣпаки, мандаторы, атаманы, присяжны, та десятники, гнобили мужика до живой кости, бо не былъ на тогды человѣкомъ, а звѣромъ не лучше товарины. Настягъ часъ свободы: народъ вольный отъ панщины, сдѣлался самъ своимъ паномъ. Задлятого то що село, то и памятка наданой свободы, дня 3. мая 1848. року. Кто сколько вѣковъ перстерпѣлъ у неволи, той присвѣдченый, що дѣло освобожденя приспорилъ самъ Господь Богъ. Тверда вѣра свята крѣпила народъ за панщины, тожь и вѣрою освятилъ онъ памятники надѣленой свободы; въ каждомъ селѣ сдвигается крестъ съ написью.

Нѣтъ большого добра для человѣка якъ розумъ и воля: розуму люди цѣле житье учатся, а добываются волѣ. Между людьми розум-

ными, та вольными, тіи що отзначаются рѣдкою силою волѣ, силою духа, що всяку розумну мысль въ самъ добрый часъ, зачѣмъ заскочитъ якое лихо, переводятъ въ живое удивительное дѣло, зовутся людьми настоящими. У настоящихъ людей всѣ похоти и прибаги слухаютъ розуму: „куды воля туды и сердце, съ головою руки и ноги.“ Не марнуютъ они часу на пустыхъ сдогадкахъ, намыслахъ, а въ саму пору хапаются дѣла: „хапай Петре, поколь тепле.“ У настоящихъ „що цѣль, то въ головѣ, а що средства, то подъ руками.“ Часъ оре, часъ сѣе, часъ жне, часъ смеле и спече, а той часъ нигде не находится, якъ только въ головѣ розумного и дѣлательного человѣка. У кого пора только на тогды якъ ѣсти захочется, пити, або доскулитъ студень, чи спека, той моѣ дитина, або скотина, не понимае часу и дѣлается часовымъ, т.е. „доживитъ доти, доколь животитъ.“ Не кто другій подѣлилъ время на часы, на хвилѣ, на мгновенья, якъ голова розумного человѣка. Чого найперше доконали великого, велики люди, то тымъ, що смѣркували часъ розумомъ въ самомъ розумѣ: „не за солнцемъ часъ, а за розумомъ.“ „Не то часъ, що минется, а то часъ — познается.“ На колибъ часъ людьми, а не люди часомъ урудовали, на тогдыбъ ничимъ иншимъ не были, якъ хиба машиною тай всѣ сдвигалибыся одно заровно, бо „часъ не отлячае, ни дае, ни отберае.“ Въ головѣ часъ, а въ свѣтѣ вѣчность.“

Розумный той, кто свой часъ понимае, а настоящій той, кто въ саму добру пору влучитъ. „Часъ на часу не стоитъ: порою сѣно коситъ.“ „Дороге лечко къ великодню; не теперь по грибы ходити, въ осени якъ будутъ родити.“ Не влучитъ кто въ свою пору, то недобьется свого: „Не тогды коня сѣдлати, якъ треба сѣдати.“ Новольни люди спыкли откладати справу на лучшіи часы, не понимаючи, „що не часъ а земля родитъ.“ „Ждали Петра якъ Бога, а онъ въ пятницу.“ „Не тогды меча шукати, коли нужно спотикати.“ Не тогды хорты годувати, якъ на ловы ѣхати.“ Такъ втямливый кто на часъ, то цѣлою силою своею ударитъ въ саму пору, на своемъ мѣстци. На тое дѣло, щобы ся где подѣло.“

Дѣло домагается такъ своей поры, якъ и свого мѣстца: „якъ не знати где дѣло стояло, такъ якъ бы пропало.“ „Кто безъ мѣстца, той безъ дѣла; дарма въ дѣлахъ товкается, якъ безъ мѣстца шатается.“ Тому то „и голова схне“ якъ нѣтъ где съ чимъ подѣтися. Жде кто, зачѣмъ мѣстце отворится, перехопитъ другій, третій, а якъ настоящій, то себе намѣститъ и другихъ. Такъ росте все за плечима настоящихъ людей, бо у нихъ розумъ и воля въ свою пору, на своемъ мѣстци. Недотепны люди або слабой волѣ, долго намышляются, радятъ, откладаютъ, а всяку неу-

дачу то на се, то на тое, спыхаютъ; настоящи пятомѣсть, якъ сказали, такъ сдѣлали. „Якъ словомъ, такъ и дѣломъ; тутъ словомъ, тутъ и дѣломъ."

Настоящіи люди зовутся жвавыми: „жвавый Савка ажъ шкура на ему говоритъ." „Духомъ прибѣгъ." Жвавый кто, то жвавый до всего: „имае и за студене и за горяче." „Жвавый въ танци, жвавый и въ роботѣ." Жвавый „не потребуе прогону, а скорше упону." Кто жвавый, то за нимъ ажъ искры посыпаются, ни сонъ его не сморе, а тогды утомится, якъ упорится. Жвавый не попустится дѣла, поколь не довершится, бо „коваль клепле, поколь тепле." Жвавы та настоящи люди не попускаются свого хоть яки перепоны: „гинь не гинь, а въ головѣ становись!" Не дадутся они отвести отъ свого хоть якими заходами: „скачи баба хоть задомъ, хоть передомъ, а дѣла пойдутъ своимъ очередомъ." „Дяче, не буде иначе; выйде Ляше на наше!" Где розумъ и воля тамъ сила и принука: „якъ не даси съ просьбою, то даси зъ принуки, а чого просьба не докаже, то докажутъ буки." Сила съ розумомъ завсѣгды верхъ бере: „не рада коза на торгъ, та ведутъ." У кого розумъ тай сила, у того и приказъ: „якъ кажутъ, то и батька вяжутъ." Лихо былобы на свѣтѣ, селибы люди силувати давалися до всего: „силованымъ очима не можъ долго дивитися, а силованымъ воломъ не доробишся."

На тое далъ Богъ розумъ и слабшимъ людямъ, щобы не опиралися силѣ, если она въ добро наводитъ, бо „сила солому ломитъ, а возъ туды, куда кони." Иногдѣ сила силѣ не ровна, хоть есть на чимъ опертися, недоведе сопротивъ большой: „вода и камень довба." Алежъ якъ все на свѣтѣ, такъ и сила, хоть яка велика имѣе свою промогу, то имѣе и свою немочь: „проти силы и волъ не потягне; годѣ плысти проти воды." Силенъ Богъ, а человѣкъ якъ зможе: „коли не сдужаешъ, то не поднимайся." „Не дуй проти вѣтру."

Люди сильной волѣ бываютъ уперты та завяты: хоть зарѣжъ, то не хоче, хочъ ему колъ на головѣ тиши." Сдужаютъ они перетерпѣти хоть яку муку, а не отопрутся свого: „хоть огню до него прикладай." Часто густо хапаются навѣть самой крайности, если не могутъ остоятися на своему: „попъ въ дзвонъ, а дѣдько въ клепало." Загадалъ кто нарадити упертого, дарма справа: „ему тое, а онъ свое." Хоть якъ долго настигае кто на упертого, не доберится ничого: якъ съ быкомъ битись, а все молока не добитись." Упертого хоть куда веди, все пойде своимъ путемъ: „не слуха, все своимъ Богомъ робитъ." Упертость неразъ и лихомъ набавитъ, бо „уперте теля, волкови корысть." Есть кто упертый и сердитый, то зовется завзятымъ: „се таке,

що не уступитъ ни коняому ни пѣшому.“ Завзятого не вздержишъ ніякою силою: „хоть привяжи, то отрезется.“ Завозмется кто на що, ніякой незлякается перепоны: „та вже бымъ рачки лѣзъ, а свого доконалъ.“ Бываютъ и женщины що можъ завзятыи: „лаяла, лаяла на силу, цѣле село перелаяла: така, що поставъ сѣмъ терлицъ, то перебье.“ Завзятый кто, то сѣче якъ цѣпомъ, а острый якъ бритовъ.“ Негодится быти завзятымъ на лихо, бо „кто на лихо завозмется, тому и лихо привернется.“ Завзятися тамъ, где позиловати конечно, то не по христіански: „завзятого самъ Боъ покарае.“ Завзятый нехай памятае, що „нѣтъ куды подѣтися, якъ всѣ люди завозмутся.“

Розумный и сильный человѣкъ не самъ себе, а люди его величаютъ. Велячаютъ его дѣла, бо велика душа, не тымъ, що дуется, а тымъ, що великого духа. Гордый кто, такъ гордость не краситъ никого. Великій, заслуженый человѣкъ, бывае поважный, а що повага, то не гордость. Гордѣютъ не одни, хоть и ничимъ повеличатися: „Горда душа въ убогомъ тѣлѣ.“ Не диво простое если на гордого покепкуютъ собѣ люди: „надулъ губы якъ копицѣ.“ „Завернулъ носъ, та плюе черезъ головы.“ Познати кто гордый, а кто поважный: „повный колосъ гнется до земли, а пустый въ гору стирчитъ.“ Иногда и не до лица кому гордость: пышается, якъ корова въ хамутѣ, та дере голову якъ попова кобыла.“ У пышнаго человѣка пышный ходъ и пышны всѣ движенія тѣла: „Кива головою неначе кобыла въ спасовку; ходитъ якъ яндикъ переяславскій.“ Пышается кто якою незнатною рѣчею, то хиба на посмѣшку: „величается, якъ заяцъ хвостомъ.“ „Величаешся якъ порося на орчяку.“ Кому що а гордость недолица: „дметея якъ жаба на лопуху, якъ легке въ горшку.“ Годѣ величатися малому: „дмись не дмись, воломъ не будешъ.“ Гордѣютъ где яки, если щастье подарило имъ якій такій достатокъ: „перше коло чоботъ ходилъ, а теперь не знае якъ въ нихъ ступати.“ „У свого батька и хлѣвъ зачинялъ, а теперь не хоче и хаты.“ Добре гордѣти чужою працею: „колибъ не Опанасъ, не былобъ тутъ и насъ.“ Видитъ кто такій поважного человѣка, давай собѣжъ надутися: „куды конь съ копытомъ, туды жаба съ хвостомъ.“ сказано: чинъ чина почитае, высоке для высокого: ворона, ворона! где ты лѣтала, що въ царскій дворъ попала!“ „Не дивись высоко, бо запорошишъ око.“

Якъ всѣляка на свѣтѣ природа, такъ и всѣляка воля. Есть люди сильной волѣ, що настоящо рѣшаются за дѣломъ, тожъ есть и слабы, та ничого нетыкаются, абы ихъ кто такій не докинулся. Пускаютъ они глазомъ не одну рѣчъ на властну шкоду, моляятъ для святого супокою, а на дѣлѣ по немочи та боязни: „кто хоче по своему бать-

кони плаче, а кто хоче, то и скаче: нехай ваше зъ верха буде; нехай буде гречка, абы не соперечка.“ Притакуютъ они хоть якой бредни, абы только минутися съ напастію: „най буде бабѣ плескано.“ Слаба воля до того степени уступчива, що на конецъ до нічого не рѣпается, та отнямае человѣкови всяку приличность: „ни несъ, ни баранъ, ни братъ, ни сватъ, ни спору, ни ласки, ни грѣха, ни спасенія.“ Говорятъ що сего рода смирливы та вылабудаютъ такое то, що „ни пришити ни прилѣпити, ни сякъ, ни такъ, ни ситце, ни решетце.“ Никто не осудитъ ихъ по дѣламъ, бо ихъ дѣла нѣякого роду: „ни грѣе, ни студитъ, ни бере, ни кладе, отъ одного берега отсталъ, а до другого не присталъ.“ „Пріѣполъ ни зачимъ, отойшолъ ни съ чимъ; ни въ задъ, ни въ передъ; ни въ тинъ, ни въ ворота, ни попови, ни наймитови.“ Не можна на такихъ нічого полагати, бо они: „ни до Бога, ни до людей, ни до лѣса, ни до бѣса.“ Не диво, если подобны люди не ляпаютъ по собѣ: „ни славы, ни памяти.“ По такихъ и неслѣдно що жили; ничимъ были, такъ и на нічо обернулися.

Люди слабой волѣ нескоры до нѣякого дѣла, любятъ дармовати, тай отъ бѣды не поженутся до роботы: „лѣнивый въ своей хатѣ смокне.“ „Якъ тебе звутъ? Михайло. А робити хоть? Нехайно! А борщу? Нехочу! А пирога? хоть бы два!“ якъ до роботы, недужій лѣнивый человѣкъ, а до стравы здоровы губы, зъѣсти зъѣсть, подай только що доброго. „Сынашу, пойди столчи пшона на кашу! Охъ мамо, ноги дуже болятъ!“ „Сынашу, иди ѣсти кашу! А гдежь мамо моя велика ложка?“ Коли робота напирае, тогды на лѣнивого хороба, а якъ нищо робити, то и здоровля найдется: „якъ пріѣшли жнива, то и жѣнка крива, а якъ пріѣшла Покрова, то и женка здорова.“ Лѣнивому хоть приставъ та подай, бо самъ не сдужае потрудитися: „Ѣлъ бы котъ рыбу, а до воды не хоче.“ „И за холодну воду невозмется.“ Кому поратися, а лѣнивому только за одно сѣдѣти: „Сидишъ якъ засватаный; сидитъ сиднемъ.“ „Якъ до дѣла, такъ и сѣла.“ Лѣнивого не берется хоть яка легка робота: „Тримае якъ мертвый рукою, робитъ якъ собѣ на лихо, якъ за напасть.“ Кто що, а лѣнивый все празнувати любитъ: „увеляе якъ собака; шукае вчорашнёго дня, вытрѣщки ловитъ.“

Лѣнивый ни симъ ни тымъ сбывае роботу: „одной минути, друге сминути.“ „Тень, тень, абы сбыти день.“ Натрѣщитъ кто, та на гукается, то начне нибы то поратися: „ходитъ якъ кручена курка, якъ припутень, якъ приблудна овца.“ „Мне якъ слѣпый торбу.“ Лѣнивый кто, то „звывается якъ муха въ мази,“ а жвавый такій, якъ жидъ молотити, якъ ракъ на гребли.“ Нищо лѣнивому кинутися за

чимъ, бо „швидкій такій, якъ медвѣдь за перепилицами.“ Яка така придябашка, для лѣнивого тяжка перепона: „зачепился за пень, тай стоитъ цѣлый день.“ Лѣнивый до ничого не мае охоты: „зъ рукъ падетъ все, такъ часомъ не хочется ни защо принятися.“ Не дбае лѣнивый, що „зъ откладу, не буде ладу, а откладае, якъ Ляхъ свято.“ „Только сыръ откладаный гарный; що имѣешъ сробити, то сроби нынѣ, а що съѣсти то съѣсси завтра.“ Кто до чого лѣнуется тому все здается за скоро: „нехай, нехай, тай со всѣмъ занехаешъ.“ Нищо посылати где зачимъ лѣнивого, бо сонливого добудишся, а лѣнивого дошлешся. „Пѣйшолъ по масло, тай въ печи погасло; пѣйшолъ по солъ, тай упалъ у росолъ.“ Лѣнивый поволе порается, але зъорудуе, та ще и лается на поквапну роботу: „Ходилъ ракъ сѣмъ годъ по воду, прійшолъ до дому тай сталъ черезъ порбгъ перелазити, розлялъ, та и каже: „отакъ чортъ скору роботу бере.“ Не скоро лѣнивый выберается, не скоро и вертается: „выберается якъ за море стрѣляти; пойшолъ якъ ракъ по дрожджы.“ Гнилый любитъ лежати та грѣтися: „охъ печъ моя печъ! колябъ я на тобѣ, а ты на кони, славный бы козакъ былъ зъ мене.“ Не спонукае лѣнивого ни що до роботы, хиба самъ голодъ: „учи лѣнивого не молотомъ а голодомъ.“

Лѣнивый кто, то и недбалый: „только дбае, що песъ за пяту ногу; только журится, що слѣпа курка просомъ.“ Недбалому якъ робилъ, такъ родится: „якъ посѣялъ, такъ собралъ; трусѣтеся рубцѣ, дивитеся людцѣ, якъ дбаемо, такъ маемо.“ Хоть якимъ имѣньемъ надѣлитъ кто недбалицу, жалься Боже людской працы: „дурному сынови и батьковске богацтво не въ помочь.“ „Пожалься Боже собацѣ бѣлого хлѣба.“ Недбалица николи не имѣе чимъ що починати: „Химка хазяйка, та лопаты нема.“ Хоть дасть Богъ недбалому, то не мае где подѣти: „далъ Богъ телята, та не далъ хлѣва.“ Знатока липь сглянется по хатѣ и поза хату, и знае кто дбалый, кто недбалый: „господиня, три городы одна дыня.“ „Вымету разкомъ, та вывезу возкомъ.“ „Знайте мене перепечайку, що на воротахъ тѣсто.“ Недбалица не дбае и про свою особу: „где хата не метена, тамъ дѣнка не плетена.“

Слѣпа воля заплетается въ человѣцѣ похотью, навыкою, або норовомъ, а на конецъ страстями. „Що розумъ то и воля;“ за похотьми и страстями нема нѣякого розуму. „Захотѣлося, запрягайте, отхотѣлося, распрягайте.“ Тымъ и знаменуется похоть, що есть непостояща, хвилева, спомѣтуе человѣкомъ, якъ вѣтеръ половою. Непытае забажаный, що можна, а що не можна: „забаглося козѣ смерти.“

Недивота если дѣти иногдѣ „забагаютъ печеного леду," но дивно, якъ рослому человѣкови отъ похоти все чогось бажится. Похоть травитъ всѣ силы, робитъ человѣка невольнымъ и недовольнымъ: „отъ хочу, до немочи." На разу противится еще здоровый розумъ и воля, та перемагае похоть: „отъ нехочу съѣлъ миску борщу." „Баба зъ нехочу цѣле порося съѣла." Добро, кого еще стыдъ повздержуе въ похоти: „не хоче, якъ коза сѣна, якъ дѣтъ сороковки." Не хоче кто чого, та кортитъ такъ, що опертися годѣ. Людямъ живой природы трудніше опертися похоти: „закортѣло такъ, аж заболѣло." Кто разъ вгодитъ похоти, у второе, у трете, у того она дужче: „до жаги приспѣло; аж жижки дрожатъ." Ласый кто, такъ годѣ найти безъ ласу человѣка, бо „и въ квасу найдешь ласу." — „Ласота хоть не честнота, тожь и не лихо." „Ласый, кому свѣтъ ласится." „Що полюбится то и приноровится." Такъ привыкае человѣкъ до всѣго и доброго и злого.

„Усякій куликъ до свого озера привыкъ." Навыкаютъ люди до всего того въ чѣмъ зросли зъ малу, а цѣла навычка зросла зъ ихъ душею. „Хоть убій, то не отвыкне." „За добрымъ прикладомъ, добра и навычка." Зрастаютъ люди уже въ певныхъ правилахъ, дѣти у родичей, молоды между старшими: „воля волю наставляе, кто дивится — понимае." Уже у всѣхъ звѣрятъ такій ладъ, що молоды прикладаются къ старымъ; тому то „лучшій прикладъ нѣжъ наука." Прикладъ имѣе въ собѣ саму живу потягающу силу для молодыхъ: „стары покрутились, а молоды навчились; коло сухого дерева и сире горитъ. „Коли игуменъ за чарку, то братя за ковши."

„Нема лѣса безъ расти, а человѣка безъ страсти." Въ страстяхъ нуждаются люди, бо „отъ страсти не тяжко пропасти." Кобы не страсть загирлабыся не одна бѣда: „отъ страсти до напасти." Престрастный хоть якъ побивается за добромъ, не добьется добра, бо „страсть ничого доброго не дасть." Не той страстный, кто слабый, а той у кого сила: „тамъ страсть, где власть." „Кто полный власти, той полный страсти." Не такъ страстный человѣкъ въ нуждѣ, якъ въ достаткахъ: „у кого сласть, у того и страсть." „Кто любитъ сластно, той робитъ страстно." За великой страсти не стямится человѣкъ, чого допускается, бо „страсть розумъ отнимае." Трудно престрастного наклонити до розуму: „страсть глуха, страсть слѣпа; страсть хоть и кается, то не покидается." Добрый, кто на разу повздержуе страсть: „кто на страсть найде власть, той и владыка." Якъ розумъ людскій несовершенный, такъ потребуе чело-

вѣкъ въ прикрыхъ пригоадхъ высшой силы: „не дай Боже попасти въ страсти, а дай освободитися щобы не загиритися.“ Съ вѣкомъ понехаютъ всѣ силы, такъ понехаютъ и страсти человѣка: „вода кипитъ, поколь горитъ.“ Сказано: „старымъ не пристращатись, а прощатись, бо якъ старе скоре такъ и покришится скоро.“

Въ жизни людей престрастія становлятъ головну пружину всего на все. Пристращаются люди по между собою въ безконечныхъ сношеніяхъ такъ, що цѣла исторія человѣческого роду сложена изъ великаньскихъ образовъ страстей. За страстями люди братаются между собою, за страстями и цураются другъ друга. Чѣмъ полнѣйша жизнь, тѣмъ сильнѣйше заявляются страсти, бо въ страстяхъ сповиваются такъ великій дѣла, якъ и тяжкій грѣхи и зброднѣ. Были люди великихъ престрастій, але и великой волѣ, и тымъ сдѣлались великими, що страсти свои розумомъ правити умѣли. Престрастній человѣкъ, то и грѣшный. „Всякъ человѣкъ не безъ грѣха.“ Человѣкъ що ступитъ, то согрѣшитъ; человѣкъ не ангелъ, абы не согрѣшилъ.“ Кажде лихе дѣло, якъ выйшло изъ мысли, такъ и вселенится въ души, стае живо на гадцѣ, безпоковитъ, ажъ на конецъ замѣнится въ жаль, або страхъ. Благо тому у кого совѣсть, бо якъ грѣхъ малый, а великій жаль, „скоро покается, скоро исправится.“

Человѣкъ вѣдющій що зло, а що добро, если цурается всего зла, а натомѣсть полюбитъ добро, зовется совѣстнымъ. Совѣсть не такъ въ головѣ, якъ въ серцу, бо „где розуму не достае, тамъ совѣсть помагае.“ Недарма люди, зовутъ совѣсть голосомъ Божимъ: „Богъ любитъ праведника, а чортъ ябедника.“

„Лихо розумъ морочитъ, а якъ совѣсти тикнется такъ и минется.“ Добра совѣсть на миръ гараздъ, а лиха если не на покаянье, то на погибель. Кто на разу не скается грѣха, той голомшитъ въ собѣ совѣсть. „По смерти нема каянья.“ У кого слаба глуха совѣсть, той и нестямится въ грѣхахъ ажъ тогды, якъ уже настигае кара: „каянье пбзно приходитъ.“

Лукавый человѣкъ дарма силуется закрыти грѣхъ свой передъ очима свѣта, бо „грѣхъ не личкомъ завязати, та подъ лавку сховати.“ Годѣ человѣкови хоть якъ розумному все полагати на свою силу: „Богъ грѣхомъ карае.“ „Що грѣхъ, то и пригада.“ Не такъ бы грѣшили люди, еслибы не было прелести въ грѣху: „скблько смаку, стблько и грѣху.“ Не той грѣшитъ що грѣха не понимае, а той, у которого и здорова память и здорове свѣдѣнье: „кто чого не знае, тому и Богъ прощае.“ Не смерти, ни якой нибудь бѣды, а „грѣха нужно боятися.“ Грѣхъ хоть не заразъ отозвется, прійде

покута и на дѣти, та на внуки; карае Богъ за грѣхи въ десятомъ поколѣню: „Адамъ съѣлъ кисличку, а у насъ оскома на зубахъ.“ Не тяжко согрѣшити разъ, а якъ прійдется другій, третій, тожъ грѣхъ и не бтчепится: „прискипался грѣхъ до души.“ За грѣхами берется и шкода: чія шкода, того и грѣхъ, чія згуба, того и грѣха полна губа.“ Не такъ на добро, якъ на грѣхъ зводитъ часто другъ друга: „Нехай чортъ якъ нескаче, то скаче, и ты грѣха не берись.“ Дарма желае грѣшникъ собѣ щастья, бо годѣ веселитися кому, якъ на души не весело: „Радабъ душа въ рай, та грѣхи не пускаютъ.“ Грѣшатъ люди всѣляко, а найббльше тогды, якъ не праведнымъ робомъ побиваются за грошми: „сколько рублевъ, столько грѣховъ.“.

Такъ волею грѣшатъ люди и волею дѣлаютъ добро. Тому то нѣчого такъ тяжко добитися, якъ доброй, постоянной волѣ. Кто тверезій умомъ, тверезій совѣстью, во всѣхъ пригодахъ жизни сдужае себе довести до добра, той зовется доконалый. На тое Господь Богъ надѣлилъ человѣка розумомъ тай волею, щобы сдѣлался доконалый. Доконалсоть тая знаменуется въ добрыхъ обычаяхъ, бо „якъ кто водится, за такого и люди знаютъ.“ Не отъ марныхъ рѣчей залежатъ добры обычаи, а отъ самой особы, зачѣмъ „всякъ добрый кто добра хоче и добро творитъ.“ „Добро за добрыми, а лихо за лукавыми.“ Не буками, ни голюканьемъ оживится добра воля въ человѣцѣ: „Не тому песъ добрый що битый, а тому, що батога не боится.“ На тое имѣе намагати цѣла наука и штука, щобы люди въ обычаяхъ своихъ дѣлались доконалыми. Изъ малу навыкаютъ люди такъ до зла, якъ и добра: „чимъ горнецъ накипитъ, тымъ и сахтитъ.“ „Нагинай гилю, доколь не поросте въ дерево.“ Если за молоду въ добру скрѣпѣе воля человѣка, то на старость стане твердою: „кто за молоду учился добро чинити, тому на старость не блудити.“ Цѣлый вѣкъ боротися, „не такъ съ бѣдою, якъ самъ изъ собою,“ то оправдѣленье каждого человѣка, а погрѣшилъ кто, нехай покается, бо „на добро все пора.“ „Человѣкъ покраснѣти не покрасиѣе, а подобрѣти — подобрѣе.“

IV.

Правда. Право. Судъ и законъ.

„Правда свята не всипуща! хоть лихо доѣдае, на верхъ добываесь: на правдѣ стоитъ цѣлый свѣтъ.“ Такъ не былобы ніякой жизни безъ правды. Богъ предвѣчный и правда предвѣчна, бо на

правдѣ и весь свѣтъ сотворенный. Куда глянемъ, всюдейка побачимъ правду; родится правда на земли, движима и не движима, правда у водѣ, правда на воздухахъ, правда и на небесахъ, бо правда ясна якъ сонце." Правдою человѣкъ самъ въ собѣ, по правдѣ на правду сотворенный. Правда то духъ Божій во всему и въ человѣцѣ. Якъ самъ духъ тайный безконечный, такъ и безконечна правда; позалкъ въ глубоку старину сягае писана память, позатакъ люди слѣдятъ за правдою и николи недослѣдили цѣлой. Правда въ цѣломъ свѣтѣ а цѣлого свѣта не огорне, хоть яка велика голова человѣка. Правда хоть цѣла сама въ собѣ тайна якъ смерть, то прецѣ гола, не скрывается, бо „що правда, то не встыдъ; годѣ правду затаити." Имѣе человѣкъ змысли въ очахъ, въ ушахъ, въ носѣ, въ смаку, въ цѣломъ тѣлѣ, то суть они свѣдками за правдою, самуюже правду понемае только нашъ розумъ. За правдою стоитъ голова человѣка. Правда все то, „що съ розумомъ годится тай мѣстится, а все ложъ тай брехня, въ чемъ розуму ни за шпильку нема." Не скоро люди нарозумились, не скоро и спознали правду; поколь що, долги вѣки жили они въ темной ложи, чорною брехнею, та и теперь, якъ не розумны, такъ не всѣ живутъ по правдѣ, стаютъ за правдою. Правда, розумъ и воля то законъ; где нѣтъ правды, тамъ нѣтъ закону. Где правда, тамъ и вѣра: „що законъ то и вѣра." Якъ безъ правды, такъ безъ вѣры, нѣтъ и трону и закону, бо „правда имѣе царствовати а не правда погибати." Правый той, кто правды держится, а кто ей противится, той лукавый. Правда творитъ право, а „на того право, абы не было лукаво." Где правда, тамъ и ладъ, бо ладъ по закону, а законъ по правдѣ.

„Где ладъ тамъ и складъ: ладомъ повсталъ свѣтъ." Ладъ учитъ людей розуму, по ладу пбзнаютъ люди розумъ. Не вгодилъ кто кому ладомъ, такъ ничимъ не вгодитъ, бо на безуміе та безрозуміе нѣтъ удовольствіа. Не въ тбмъ ладъ, щобы всѣ однакимъ ладомъ жили, а въ томъ щобы всѣ стояли за одну правду. „Где нема толку, тамъ нема и ладу." Толкуе каждый во всемъ дѣлѣ, а цѣлый толкъ ни нащо, якъ только спбзнати всюдейка живу правду абы до ней засохтовати дѣло. Въ тѣмъ и ладъ, щобы за правдою пойшло дѣло, отъ початку, ажъ до кбнца самого. Кождый человѣкъ порается за своею уродкою: „кто въ лѣсъ, а кто до млына, кто въ горохъ, а кто въ пшеницу, той за гарбузами, сей, за огерками, кто на хвостѣ, кто на головѣ, а кто на колесѣ: одинъ иде другій везе." Такъ всѣ пораются въ свой путь а якъ всѣ дѣлаютъ по правдѣ, такъ есть ладъ и миръ между всѣма. „Где ладъ тамъ и миръ."

Ладомъ люди мирилися, а где ладу нѣтъ, тамъ розгардіашу полно. За головою иде весь ладъ: „куды голова задумала, то туды и ноги несутъ.“ Если голова полна правды, то въ головѣ свѣтло, а отъ свѣтлой головы и очамъ видно. „Безъ правды, безъ головы, якъ въ потемку ничо не сробилось, ничо до ладу не становилось.“ „Горкій тамъ ладъ, где за голову хвостъ а голова за хвостомъ.“ За такими и настаютъ всѣ дурны недоречны, ба даже вередливы почины: „моловъ батько, не вѣючи, пекла мати не сѣючи.“ „Де богато бабъ, тамъ дитя безпупе.“ Не въ томъ ладъ, если що голова то и розумъ, а въ томъ, если що розумъ, то и голова. „Где богато газдинь, тамъ хата не метена, где богато паньёкъ, тамъ дитя калѣка.“ Не той годитъ ладомъ, що всѣхъ насиліемъ однимъ справити хоче, а той що „всякому по всячески, абы только по правдѣ:“ „щобъ то былъ за швецъ, якъ бы каждому на одномъ копитѣ робилъ!“

Такъ за правдою становится и весь ладъ. Не диво про тое, если между людьми находятся и числены вороги правды, бо „кому ладъ не до смаку,“ кто полюбилъ ложъ, брехню тай клевету, того „правда въ очи коле.“ Все тое, що противится правдѣ есть ложею: „ложъ правды цурается, настае опровергае, а правда правдою остане.“ Ніяка сила несдужае защитклти правды на вѣки, бо абы ложъ якійсь часъ остоялась, за правду удается тамъ, где много безрозумныхъ, або и лукавыхъ. Стане ложъ за правду, вкорѣнится зъ роду въ родъ, такъ и освятится людскою слѣпотою, що не легко дасть опровергнутися розумомъ. Лукаве при самой природѣ своей неправды, а ложи тай брехнѣ держится. По за якъ люди людьми, борется правда изъ ложею, розводились и заводятся всѣляки лады, и хоть якъ намагаютъ правду замутити тай загнити, не сможутъ бо „правда свята николи не загине: „Щирая правда всюди кутикъ найде: правда и въ морю не затоне.“

„Хоть правду женутъ люди, такой правда завше буде.“ „Правда не втоне въ водѣ, не сгоритъ въ огни.“ Есть люди, що цурается правдою, то есть и таки, що жіютъ по правдѣ. Дотекае человѣчій розумъ правды, хотябы и якъ глубоко: „правда изъ дна моря выняряе, а неправда потапае.“ Держится кто правды, куды не пойде, всюдейка найде вѣру: „правдою цѣлый свѣтъ сойдешъ, а неправдою, ани до порога.“ Соповстанутъ лукавы вороги, такъ и „за правду бьютъ.“ Невстигнутъ однакожъ подолати праведниковъ, бо „кто любитъ свѣтъ, той любитъ правду, а праведного человѣка и Богъ оправде.“ Вѣра въ Бога, вѣра въ правду, покрѣпитъ человѣка въ

всякихъ пригодахъ: „кто по правдѣ жіе, тому Богъ дае: по правдѣ живи, по правдѣ и вмрешъ.“ Праведному нищо боятися напасти: „по правдѣ роби, по правдѣ и буде.“ Занапастятъ кто такій, не пускайся правды: Дай Боже поконати по правдѣ.“ Не въ силѣ лукавство на долго остоятися, бо „правда кривду переважитъ.“ О томъ свѣдчитъ цѣла исторія человѣческого роду, якъ правда завсѣгды, кривду, лукавство, погану злость роскрывае, всѣмъ праведнымъ творитъ святу память, а лихо осуджуе во вѣки вѣковъ. Не той богато розмышляе, кто знае, а той що або не знае со всѣмъ, або нехоче знати правды: „правда розмыслу не потребуе, на правду мало словъ.“ Силуются иногда говорщики на всѣ заставы губы вмѣнити свою рѣчъ за правду, та вже сама лопотливость зрадитъ ихъ: „где богато слова, тамъ пуста мова.“ Недотепны люди часто густо зовутъ судьбою тое, що непонимаютъ: „се не судьба, а щира правда.“

Абы познати правду, конечна наука. Якъ свѣтло и вся жизнь на земли отъ соньца, такъ свѣтло въ головѣ отъ науки, и праведна жизнь отъ науки. „Не кайся рано встати а молодо учитись.“ Родится человѣкъ на правду, такъ правды за молоду учится: „якъ дуба не похилишъ, такъ велякого сына на доброе не навчишъ.“ Безъ науки никто не спамятае вѣдомостей: „кто не учился, не буде знати.“ Не въ пору учитися, якъ уже копа лѣтъ за плечима: „чого Ивась не навчится, того Иванъ не буде умѣти.“ Кажда вѣдомость имѣе свою стойность: „що знати, то все добре.“ Учится кто, то учится основно, бо „кто зверха знае, того сподомъ ошукае.“ Отъ старшихъ побираютъ молодши науку: „Стары скажутъ на глумъ, а молодымъ треба брати на умъ.“ Ученому и великій хосенъ изъ науки: „науки носити за плечима.“ Не дикій той, кто учился, бо „наука не йде въ лѣсъ.“ Наука отславляе человѣкови всю правду, тожъ „добре все умѣти, але не все робити.“ Стараются учены пріятною сдѣлати науку: „медведя, коли початъ танцювати, то ему на сопѣлку граютъ.“ Неѣлбыся и хлѣбъ насущній, еслибъ не наука: „безъ науки нема муки.“ Учатъ людей за молоду, такъ цѣле житье человѣка полне науки, бо правда не изчерпаема: „цѣлый вѣкъ живи а дурный умрешъ.“

Не мае нычого пожывнѣйшого для духа человѣка, надъ свѣтло правды. Свѣтлый той, кто съ глубокихъ наукъ пріобрѣлъ силу въ вѣдомостяхъ; его цѣла наружность знаменуется повагою, бо „правда свою вагу вмѣе.“ Куда несглянется ученый, передъ нимъ роскрывается природа въ истинныхъ видах. Знае онъ оправдати кажде явленье, знае где що, на що, тай до чого: „ученому свѣтъ, а не-

ученому тьма.“ Знае ученый якъ за чимъ поратися, бо на тото учился, абы умѣлъ дѣлати: „знайко бѣжитъ, а не знайко лежитъ.“ Не той свѣтлый, що полизалъ крихту правды: „отъ дошки до дошки, а въ серединѣ ни трошка.“ „Отъ краю, до краю, а въ серединѣ не знаю.“ Намагае кто на свѣтлого, що ледви читати знае, такъ „за тятлу зачепился.“ Не той свѣтлый, що съ пустыхъ книжокъ научился пустого: „летѣлъ воробецъ черезъ безверхій хлѣвецъ, везъ четверикъ гороху, безъ червоточку, безъ червоточины, безъ начервоточины.“ Не диво протос если подобна наука ни на що не придается якъ только хиба на такое: „ишолъ мужикъ изъ ярмарку, по колодѣ черезъ воду; только сталъ онъ на колоду, болтъ у воду! выкисъ, вымокъ, вылѣзъ, высохъ сталъ на колоду, та болтъ у воду.“ Така иногда пуста та дурна наука чипается где якихъ людей, що въ писаницахъ доходять правды. Недивота, если подобного рода небелицъ никто радо ни слухае, ни учится: „пойшла его псалтыра на перецъ.“ „Писалъ писака, читалъ собака.“

Ничимъ правда такъ много не тратитъ, якъ недоуками. Недоука запорозумѣлый, всюды уткнется, где не треба, не дасть чести свѣтлому, только стыду наробитъ своимъ учителямъ: „ученый недоученый, горьше якъ простакъ.“ „Лучше сорокъ безъ хвоста лѣтати, якъ письменному умѣти читати, а не умѣти писати.“ Насмѣваются люди зъ недоуковъ, бо „нехайся тымъ не пишлс, чого не знае.“ Познати по письмѣ, якъ великой кто науки: „якъ напише дурень, то не розбере и розумный.“ Ученый не засыпае науки, а въ книжкахъ трудится заедно, якъ рольникъ нивою: „Если будешъ письменный, пильнуй и не отступай письма; бо ты отъ него отступишъ на пядь, а оно тебе на сяжень.“ Наука не стоитъ, а изъ года въ годъ побольшается множествомъ книгъ, письменъ, бо мыслящи люди слѣдятъ за правдою неусыпно, каждый въ своей галузѣ. Занехае кто такій познакомитися съ новими книжками, ничто удивлятися если познѣйше вже не буде въ силѣ.

Учатъ людей книжки, то учитъ ихъ цѣла природа. На тое книжки тай письмена, абы человѣкъ зналъ дивитися, слухати, чути и дѣлати. Кто зъ великой науки не понимае ни природы ни людей ни якого нибудь дѣла, той не научился, а переучился. „Зоры считаешъ, а подъ носомъ не бачишъ.“ Иногдѣ такій переученый не понимае даже того, на що сама природа наводитъ простого человѣка: „моя безрога больше знае, якъ вашъ астрономъ.“ Переучился кто, не влучитъ и простого дѣла: „ученый, а кобылы не запряже.“ На тое наука, абы знати, умѣти: „якъ умѣемъ, такъ пѣемъ.“ Есть кто

ученый, а недотьпа, покепкуютъ собѣ люди: „письменный та не друкованый."

„Наука науцѣ не ровна: не та наука добра, що баки забивае, а тота, що баки отверае." Наука не сполучена съ розумомъ нiякого добра не припорае человѣкови, бо такъ доброго якъ и злого навчитись може: „зъ письменныхъ все лихо повстае." Иногдѣ самы учены люди нароблятъ клопоту такого що годѣ: „черезъ письменныхъ западается свѣтъ." Тымъ, що суть письменны и неписьменны, учены и неучени, становится въ товаришни людей великiй розбратъ. Гордѣютъ письменны своею наукою, хоть самы лукавы; ругаются другимъ нестямивъ, що неразъ „письменный самый прескверній." Чи мало не добрыхъ людей между письмеными? Сколько то утерпѣлъ простый людъ нашъ отъ якихъ такихъ письменныхъ недоуковъ! Не на гараздъ, а на бѣду училися доси многи между панами; тожъ и не дознавъ нiякого добра отъ письменныхъ, жахается нашъ мужикъ письма: „якъ буде умѣти писати, буде людей кусати."

Такъ не все по науцѣ и правда и розумъ. Учены тай розумны люде зовутся „головаты." Таки имѣютъ всюды великiй пошановокъ у народа. Хоть давно покрые ихъ свята земля, живутъ они въ вѣрной памяти съ рода въ родъ, бо розумного человѣка не пропадаютъ ни слова ни дѣла. Нѣтъ такой громады, где бы не приказували за старыхъ розумныхъ людей: стаются они примѣромъ для поростаючихъ поколѣнiй. Правды не берутъ люди изъ собою до гробу, а оставляютъ ею въ спадьщинѣ для внуковъ, правнуковъ. Весь достатокъ и мастокъ розменется, только правда останется, если нею переймутся потомки.

Дабы люди научилися правды, толку и всѣлякихъ вѣдомостей, на тое заводятъ школы. „Що школа, то и мозола, безъ мозолы нема школы." Працуютъ люди руками, то працуютъ и головою. „Правда въ школѣ читается, правда въ свѣтѣ шатается."

Школы то росадники правды и свѣтла. Кто не ходилъ за молоду до школы, той мало що знае, або и ничого. Сперва церкви, а после нихъ поставали школы, бо якъ въ церквѣ правится Божа правда, такъ и школы учатъ за правду. „Школа церковный уголъ." Въ школѣ не даютъ ни ѣсти ни пити, а даютъ душевну пищу, якой не забере ни огонь ни вода. „Школа гола, есть где сѣсти та нема що ѣсти." „Школа гола, а добра полна." Нужда тай голодъ не ставитъ школы, бо „голодному не книжка, а хлѣбъ пахне." „Голодный хоть книжки хапается, то книжка голодного нетримается." Голодныхъ не учити читати, а сперва нагодувати хлѣбомъ, бо „якъ

животъ отозвется, трудно правда познается." „Даси хлѣба, учи правды, бо правда духъ, а духомъ хиба святыи живутъ." Тому то чѣмъ больше люди промагаютъ, тѣмъ больше даютъ на школу, а на бѣдныхъ жаковъ скидаются, абы подтримати въ науцѣ.

Бывало заводили школы только для дѣтей вельможныхъ таѣ заможныхъ. Свѣтло правды горѣло только у великихъ оконъ, а до сельскихъ зазирало одно Боже праведне солнце. Теперь школа стоитъ на остежъ ростворомъ для всѣхъ, такъ якъ всѣ люди на тое родятся абы спознали правду. „Школа домъ вольный, а не сваволный." „Школа безъ уставу не подасть душамъ добру страву." За для того учены наблюдаютъ науку по школамъ ведля уставу и если добрый учитель, бережливый, ревній въ своемъ званію, почитаютъ такого всѣ люди: „шануй учителя, паче родителя." Не той добрый учитель, кто не умѣе нычого, якъ хиба только „березовымъ перомъ выписуватя."

Такъ истинна наука въ школахъ доводитъ людей до свѣтла, а кто свѣтлый, того не поднайде ніяка обманьчивость. „Свѣтле око, хоть где найде." Для свѣтлого человѣка нѣтъ страху зъ за правды: „видно якъ въ день, хоть и позвутъ передъ велики окна." Свѣтлый не перепудится отъ ніякихъ угрозъ: „правду мовивши, одного Бога бойся; якъ бы съ Богомъ говорн." До когожъ удаются люди въ нуждѣ по раду, якъ не до свѣтлыхъ? „Той дае раду, кто знае правду." „Добрая тая рада, где щирая правда." Хоче кто дознатися самой живой правды, не спускается со всѣмъ на свою голову, бо „голова не евангеліе;" „щобъ часомъ дармо не блудити, чужого розуму пытайся." Где больше розумныхъ головъ радитъ, тамъ и правда ясніѣйша: „одна розумна голова добре, а двѣ ще красче." „Одна рада хороша, а двѣ лѣпше; якъ рада то и порада." Только зарозумѣлый думае, що поѣлъ всѣ розумы, если не зарадится у никого: „кто людей пытае, той розумъ мае, безъ рады и вѣстько гине." И свѣтлы радятся другъ друга между собою: „надто знай, та ще и пытай." Если правда миромъ дыше, миромъ проживае, такъ „добре той радитъ, кто людей несподитъ." Не трудно познати, на якое кто що говоритъ: „кто каже до ладу, то ухо наставляй, а хоть безъ ладу то и не затыкай." Не отъ лукавыхъ добра рада, а отъ праведныхъ: „инша рада горша зрады: коли шукаешъ рады стережися звады таѣ зрады." Иногдѣ хоть и свѣтлый не все дасть таку раду, якъ знае по правдѣ: „въ чужу душу не влѣзешъ; радься другого, а тримайся свого." „Никому на челѣ не написано, що онъ: не одинъ

разъ чоловѣкъ мѣнче на своемъ вѣку." Только той дойде правду, кто правду понимае: „людей слухай, а свой розумъ май."

Праведный человѣкъ легко име у людей вѣру. Важке его слово, не потребуе онъ клястися: „За правду нищо клянутись." Сама жива совѣсть отзывается за правдою у праведного: „Не буду души вбивати, буду правду казати." „Нигде дѣтись, нужно правду казати, ничого грѣха таити."

Есть правда въ рѣчахъ, въ дѣлахъ, то есть она и въ бесѣдѣ, словѣ. „Слово не воробецъ, не подъ стрѣху скрывается, а все людей тыкается." На тое говоритъ человѣкъ, дабы выйшло на правду бо „лихій той языкъ, що до правды не свыкъ." Сказано „языкъ безъ костій: млынъ меле мука буде, языкъ меле бѣда буде." Языкомъ занапащаютъ лихи люди, оскорбляютъ на чести, враждуютъ, наводятъ въ напасть: „Рана загоится, але зле слово николи." Такъ за языкомъ становится не одно лихо: „язычку, язычку маленька штучка велике лихо творишъ." Иногдѣ и не хоче кто вредити, та солодкій языкъ выговорится: „языкъ мельне, тай въ кутъ, а губы натолчутъ." Не все добре говорити, якъ не нужно, лучше молчати: „молчи язычку будешь ѣлъ плотичку."

Мудрый человѣкъ стыдае тай цурается ложи: „Якій розумъ, така и бесѣда." Кто добрый, той правду говоритъ, бо „зъ доброй губы, добре и слово." Зле слово якъ легко вымовится, такъ и не легко забувается: „вода все сполоче, лишь злого слова николи." Не всежъ правда, що на языцѣ, нужно по правдѣ и дѣлати: „Кто багато говоритъ, той мало творитъ." „Котра корова багато реве, тота мало молока дае." Мудрый кто такій, то и говоритъ мудро; учится отъ старшихъ тымъ, що наслухуе ихъ рѣчамъ: „Слухай багато, а меньше говори; будь добрымъ выслухачемъ, будешь добрымъ повѣдачемъ." Тому то и зъ давныхъ давенъ зажился той добрый обычай между народомъ, що неприсволяютъ говорити молодымъ тамъ, где говорятъ старши. „Где старшй говорятъ, тамъ молоды слухаютъ." Мудра голова знае свою рѣчь ясно, понятно по живой правдѣ выповѣсти: „говоритъ такъ, якъ зъ письма бере." „Скаже слово, такъ и вытвердитъ: що нискаже, неначе свяже." Мудрый неспомѣтуе рѣчею якъ половою, бо не обманути, а прикопати хоче: „по столбцахъ росбирае." Такъ розумна бесѣда, добране слово, становлятъ красоту людской мовы. „Такъ слова его чисты, якъ день бѣлый." Такій говорщикъ творитъ собѣ великое вліянье у людей: „масной бесѣды человѣкъ.

Нѣтъ такой великой, плѣняющей силы якъ красной ро-

зумной мовѣ. Подобно животворящой здоровой водѣ, наточает звучна слова изъ устъ красорѣчивого человѣка. Крѣпка, гортна мова, полна истиннаго духа, загрѣвае головы и сердца людей, одушевляе ихъ и спорить до дѣла. За такою бесѣдою, якъ за громомъ, молнею и дощемъ, родятся мысли въ головахъ, здвигаются сердца и однимъ великимъ пламенемъ запалаютъ въ цѣлой громадѣ. Слабы, пугавы дѣлаются наважными, недовѣрки напрасно дышутъ сильною вѣрою, полелны стаютъ швидкими: слѣпы видющими, а глухи послушными для правды. Сколько то великихъ дѣлъ совершили люди за красними мовами! Такъ святый даръ красной, розумной мовы, за нимъ ширится свѣтло правды, цимъ воплощается правда; чудесный на всѣ чудеса, воскрешае онъ мертвыхъ изъ гроба, а бодрить живущихъ. Красорѣчивы люди зовутся витіями, стаютъ они безсмертными, бо „слово правды николи не пропадае."

Якъ у свѣтлого праведного человѣка, свѣтла мова, тверда правда, такъ у людей невѣжкихъ, або лукавыхъ, ложь крута брехня, злобная клевета на языцѣ, тай на дѣлѣ. Велка ложь, що за правду вмѣняется и дѣломъ порастае, зовется забобонами, або суевѣрьемъ. Заровно якъ правдѣ, покланяются невѣжи люди лжи тѣмъ, що наблюдаютъ розличны тайны обряды, полагаючи въ ихъ силу саму живу вѣру.

За поганскихъ временъ, цѣла вѣра наша являлась въ забобонахъ. Сповитый розумъ человѣческій слѣпый, убогій былъ въ мысля, убогій въ рѣчахъ, тай за цолохливою душею, мрачными смыслами, вмѣнялъ що нибудь позорного наповидного, за саму правду. Родился на тогды человѣкъ въ забобонахъ, такъ и умералъ въ нихъ. Ни вѣра, ни письмо, ни школа, не подавали людямъ свѣтла истины. На коли правда засѣяла цѣлому мірови во вѣрѣ въ письмѣ и въ школахъ, забобоны сдѣлались глупотою, заховуются между невѣжями бабами, тай зовутся „бабскими." Такъ въ петровку въ першій понедѣлокъ, замочуютъ где-яки бабы дойницу мовлячи: „щобъ дойница не текла, а хозяйка весела была; щобъ хозяйка незасыпляла, но до коровы рано вставала; щобъ корова стояла, та багато молока давала." Дѣвчата мыючись зеленымъ льномъ, зъ тѣхъ зернятъ, що птицы на перекрестѣ опустили, говорятъ: „такъ сей ленъ сходитъ, щобъ до мене всѣ люди сходились и мене сватали."

Зайде пустоцвѣтъ на огирки, шукаютъ личака, влекутъ ногою на городъ и шнуряютъ на грядку мовлячи: „якъ густо сей личакъ плелся, щобъ такъ мои огирки густо вялялися въ огруданѣ." Хоче

кто, абы воробцѣ неспили зерна въ огородѣ, той должній нагій въ ночи, держа въ рукахъ напалену головню, тричи обѣчи грядки говоря: „якъ не може нагое по свѣтѣ ходити, щобъ такъ не могли воробцѣ соняшниковъ пити. На Ивана Головатого, 25-го Травня, примовляютъ за першою росадою: „Дай же Боже часъ добрый, щобъ моя капусточка пріймилась и въ головки складалась; щобъ она была изъ кореня коренистая, изъ листу головистая!“ Такъ говоря обоймаютъ себѣ голову и бьются въ полы. Закидаючи выпавшій зубъ по за плечи, кажутъ „мышко, мышко! на тебѣ костяны зубы, дай менѣ залѣзны.“ Такихъ суевѣрныхъ обрядовъ полно, а полно, бо „кто слѣпый на правду, тому за правду съ козы тѣнь.“ „Дурныхъ чипается и дурное дѣло.“ Годѣ подчиняти тамъ дѣломъ, где дѣло стане само собою; годѣ клопотатись тѣмъ, що впорается само собою: „непечися утренею, утреня тобою печется.“

Если невѣжій человѣкъ въ ложи проживае, то лукавый ненавидитъ правды: „не любитъ правды, якъ песъ мыла.“ Не правда на правду, а чорна безсовѣстна ложь клянется на правду: „дай менѣ Боже такъ по правдѣ вѣкъ изжити и дѣтей роспорядити, якъ я по правдѣ кажу.“ „Щобъ я досвѣта солнца не бачилъ, щобъ насъ живыхъ земля пожерла.“ „И знати не знаю, и чути нечулъ, и бачити не бачилъ.“ „Якъ свѣтъ, свѣтомъ, а Богъ Богомъ! А щобъ надомною вороны кракали.“ Праведной людинѣ ажъ страхъ слухати про такіи клятьбы; но лукавому нищо забожитися: „ему забожитися такъ, якъ собацѣ муху съѣсти.“ Зъ-за такого боженя никто нейме вѣры: „Богомъ свѣдчитесь а чортови душу запродалъ.“ Хоть бы якъ кто на що клялся, невстигне заклясти правды: „Правда якъ олива на верхъ выйде.“ „Шила въ мѣшку не сховаешъ: не мы, такъ люди знаютъ. Ніякого тревалого хосна не приспоритъ ложъ; „не на брехни свѣтъ стоитъ: брехнею свѣтъ перейдешъ та назадъ не вернешся.“ Заловлятъ разъ кого на брехни, пропала и его вѣра: „зъ брехнѣ не мрутъ та больше вѣры не имутъ.“ Ложь сама себе зрадитъ: „брехати, не цѣпомъ махати.“ Кто ложъ полюбитъ, легко допускаеся злочинства: „кто умѣе брехати, той умѣе и красти.“ Кожда злодѣйня брехнею силуе оправдатися, та лишъ не сходятся ей концы; „чи ты найшла бабусю гроши? „Найшла паночку!“ „Колижъ ты найшла?“ „Якъ замужъ ишла, въ страстну пятницу, якъ и теперь знаю, на дворѣ хвижа та хурія, а я сидѣла на постели, а капуста въ печи тороро, тороро.... Тогды я паночку гроши найшла!... „Абы солгати, нужно памятати.“

Все тое, що съ правдою не годится, а на правду похоже, зо-

ветея небелицею; а якъ такой до правды и ни прикладается, то просто байкою.

„Не все то правда, що на весѣлю плещутъ: не все то правда, що и пишутъ.“ Сбагаютъ иногдѣ люди нѣтвѣсти, та ще и за правду ручаютеч. „Присягались слѣпцы, що на собственны очи бачили.“ Не сложитеі на правду, хоть якъ сбагаютъ дотепно. „Воно то правда, та небелицею дуже пахне.“ Всяка выдумка надае вещамъ таку наружность, яка имъ николи не норовилась: „у него всѣ козы въ золотѣ: перевернулъ до горы ногами.“ Говоритъ кто такій небелицы, познати по виду, бо „ажъ зъ носа курится.“ Часто небелица сплѣтается, легко на ней познаютеч. „Ты казане кажешь; тогды то было, якъ баба была дѣвкою.“ „За рижого Бого, за перѣстыхъ людей, за царя Горошка, якъ было правды трошка.“ Продае кто що, такъ не знае яку цѣну покласти, бо нигде на столько неправды неуслышишъ, якъ между торговщиками. Было колись, дурны люди давались ошукивати, но мудрый не допуститъ обманутисѣ. „То ще тогды дѣялося, якъ шкуряны гроши были: за Царя Гомка, якъ была правда тонка.“ Годѣ ложъ вмѣнити за правду тамъ, где люди здоровый толкъ имѣютъ: „смаленого дуба плете. Наказалъ на вербѣ грушъ, а на осицѣ кислицы. Нехайбы якъ ловко заговорилъ кто такій, невспѣе очей замилити: „столько правды, якъ у решетѣ воды.“ Сказано, що нужда краде, нужда и лже: „погорѣлецъ, хлѣбъ съѣлъ, а солому спалилъ.“

Кожда ложь безчеститъ человѣка, хоть въ якомъ стану або званію. Кто навыкъ лгати, того непочитаютъ николи: „такій честный якъ кочерга.“ „Честный якъ жидовска потылица.“ Если погано лгати молодому, то для старого ще поганьше: „старъ якъ котюга, а лже якъ щеня.“ Сквернитъ ложь душу простого человѣка, то тѣмъ больше ученого: „богословъ, та не одинословъ.“ Неимѣе такій ни чести, ни совѣсти, кто заедно лгати нестыдаетеі: „брехунъ на всѣ заставки; бреше якъ шолкомъ піе: въ живы очи лже.“ — Праведному человѣкови годѣ потакивати за ложею, бо „на два крылосы неможна спѣвати.“

„Только той правды на свѣтѣ, що смерть, она незнае кто богатый, а кто убогій.“ Небылобы ніякого ляха между людьми, еслибы всѣ жыля по правдѣ. „Была колись правда, та лихо сю съѣло.“ Становится лукавство, то и другъ другови недоймае вѣры: „невѣръ никому, никто не зрадитъ.“ Розсудный невѣритъ, поколь неприсвѣдчится: „неувѣришь, поколь самъ незмѣришь: вѣръ своимъ очамъ не чужимъ рѣчамъ.“ Неможе человѣкъ завсѣгды поручитися самъ

за себе, не то що за другимъ: „за свою пазуху неручись, часомъ що залѣзе.“ Якъ правда неизмѣнлется, а по весь вѣкъ остае однака, такъ ложь крутится розличнымъ видомъ: „бывало стригало, а теперь голитъ.“ Не зъ-за правды, а зъ-за ложи пропадае свѣтъ и люди: „якъ нестане людямъ правды, то не стане и дыханіе; во правдѣ велкое дыханіе. „Кто име правду, име и вѣру; где нѣсть правды, нѣсть и вѣры.“

Якъ есть мова найкрасшимъ Божимъ даромъ въ устахъ праведника, такъ дѣлается она отравою на языцѣ лукавца: „кто самъ такій, той и на другихъ кладе знаки.“ Лукавецъ лукаво дивится, лукаво и видитъ. Якъ ненавидитъ правду, такъ не терпитъ кто честный. Лукавый кто, то и завидный, не лише злорѣчитъ чужому добру, но силуется оно заплечастити въ очахъ людей всякою неславою. Такъ настаютъ за лихими людьми погапы клевсты, чорна обмова. Якъ въ нуждѣ великое лукавство, такъ изъ нужды найбольша обмова: „нелюби клевсты, непознаешь нищеты.“ Отъ обмовы не застереже ни праведность ни доброта: „хоть бы ты былъ чистый якъ ледъ, а бѣлый якъ снѣгъ, то ти обмовлятъ отъ головы до ногъ.“ Хоть якъ добро твори, найдутся таки, що имъ ніякимъ добромъ непогодишь: „людямъ языка незавяжешъ: нужна великая хуста, щобы завязати людямъ уста.“ Кто любитъ обмову, той нежурится тымъ, що повѣсти: „Коцюба кудкудакала, помело яйце снесло.“ Въ клевстѣ цѣлый дотенъ полагае на тбмъ, що не оставитъ ни доброго волоса на головѣцѣ: „зъ ногъ до головы осудили, сказано и костки живой не лишили.“ Трудно кому звѣритися, хочь съ якою тайною: „никто не буде знати, только сичь тай сова, тай людей полъ села; никто не знае лишь дѣдъ, баба и цѣла громада.“ Хоть якъ кто съ чѣмъ скрывается, дослѣдятъ злы языки: „въ лѣсѣ дрова рубаютъ, а до села трѣски падаютъ: пойшло личко по ременчику.“ Кто разъ попадется на языки, того и непопускаются: „що мы не встали, а вже люди за насъ говорятъ.“ „Не тяжко попасти въ языки. Кто судитъ, того будутъ судили.“ Обмавляе кто другихъ, такъ хлѣбъ за хлѣбъ, обмова за обмову: „посудимъ людей разъ, а люди десять разъ.“ Хоть есть где въ чѣмъ за крихту и правды, пододаютъ на столько, що и правда загинрится: „Правды на нохоть, а прибавки на локоть.“ Не много пороковъ нужно кому на обмову: „разъ на вѣку споткнется, тай те люди побачатъ.“ Хоть якъ кто старается приярошити до людей, не мине его обмова: „недай подобы, уйдешъ обмовы.“ Кто якъ кто, а клевстами обмовою, найбольше бабы занимаются: „якъ нема невѣстки, то нема на селѣ звѣстки, а якъ стала невѣстка, то стане и звѣстка.“

Такъ есть правда, то есть и неправда, ложь, клевата и обмова. Не былобы на свѣтѣ ни ладу ни супокою, еслибы правда не находила нигде ни кута ни обороны, бо зъ великой вражды все запропастилобыся. На тое ставляютъ мудры люди законы, абы застеречи правду правомъ. „Лишь въ Вавилонѣ не живутъ люди по законѣ: кому то законъ, а кому то макогонъ." Законъ правитъ людьми, законъ придѣляе должности, законъ повелѣвае, законъ и карае: „живи по законѣ, то не затрубишь въ долонѣ." Не зъ гаразду, а зъ бѣды склалися за мудрыми головами законы: „Не зналъ Сава, що лѣва а що права; тогды научили, якъ добре обили." Сказано „що сила то и законъ." Не всежъ за силою и правда, бо и лукавое дѣло свою силу имѣе. Правда якъ свѣтъ велика, имѣе свою неподолиму силу; если сила за правдою вступается, то законъ оставляе по собѣ. „Слѣпа сила законъ ломитъ, а видюща сохраняе." „То законъ що зъ права сложеный, а правдою скрѣпленый." Если правуются люди, доходятъ правды по закону. Не тѣмъ дойдутъ права, если потребуютъ зубъ за зубъ око за око, головы за голову, бо не въ томъ право, щобы помститися, а въ томъ право, щобы „законъ судилъ, законъ и побилъ." Не остоялбысь никто съ головою, якъ бы вольно было каждому мститися за свою кривду: „Месть чорна не вдоволена, невпинится ни вѣрою ни мѣрою." Самы лукавыи люди рвутся за местью: „Що мстиве, само не учтиве." Самы дики нехристіанска люди бываютъ мстивы: „где месть, тамъ пищо и каятися." Человѣкъ якъ не самъ въ своей справѣ судія, такъ и не самъ наказатель: „знаютъ кривду люди, на кривду судъ буде." „Не тѣмъ месть страшна, а тѣмъ, що слѣпа." Мстивый не доходитъ правды, а кидается на того, на кого паде позоръ: „вжежъ того правда лишила, кого месть озлобила." Не такъ отъ суду, якъ отъ мести погибаютъ люди, бо „месть кого дохопитъ того и топитъ." Такъ есть законъ, есть право, есть и судъ.

Кажда справа поведе до суду, если спорящихъ несправитъ здоровый розумъ, тай любовь сгоды. „Судъ не затягае, судъ и не отпускае." Кто любитъ правду, той не допуститъ, абы судъ допоминался за нею: „безъ суда, судъ бывае." Добре былобы правоватися по судахъ, еслибы сама правда сѣдѣла въ судѣ, а не люди. „Судъ судитъ, судъ и блудитъ; якъ бы правда все въ судѣ сѣдѣла, тобы справа была бѣла." Нагодится неразъ, що на лихо иде цѣла справа, якъ самъ судія несправедливый: „якимъ правомъ кто дыше, такимъ и пише." „Одни руки право пишутъ, одни и мажутъ." Только велика слава що есть багато судовъ, если нѣтъ въ нихъ справедливо-

сти: „Тамъ где великій окна, богато свѣтла, а правды мало.“ Лукавый судія, то лукавый и судъ: „мѣлкое право, мѣлкій и судъ.“ Не дивота то тому, если кто промагає, той имѣє за собою и судъ и правду: „до права треба мати два мѣшки, одинъ грошей, а другій бачности.“

У судъ иди, возъ богато грошей вези, возъ битыхъ людей и все пропало.“ Где право не проможе, тамъ промогуть гроши: „золотый ключикъ до кождыхъ дверей придастьея.“ Напитъ, иногдѣ богато по судамъ не на тое, абы дойти право, но „дабы проволоклася справа: „пише и дре, гроши бере.“ За грошми и справа пойде скорше: „кто мастить, тому возъ не скрипить; кто мастить, той ѣде; рука руку мые.“ Якъ ласый судія на гроши, чѣмъ больше гошитъ пригода, тѣмъ больше бере: „то такій деручь, що изъ Христа знялъ бы!“ Кто хоче полюбити судію грошозаплода, про него роспытай пановъ, а не простого народа.“ Такъ и не одинъ волитъ перенести кривду, нижели правоватися: „не ходи до суду, бо хлѣба не буде.“ „Бодай никтo добрый не дождалъ правоватися: полы урѣжь, а вѣкай отъ провонь!“ И грошми наложатъ и затовчешь чела: „идешь до суду, то треба, срѣйдѣте поклонимся!“ Щастливы тіи, що добромъ провадять между собою: „Добра справа не потребує суду.“

Добры люди сами росправлятся между собою: „Богъ дасть судия, а чортъ розсудци.“

Якъ лихо, такъ и судъ безъ причины не бывае. „Не шукай себѣ напасти, не пойдешь до суду.“ Не чіпаются люди за марно, а берутъ за дѣло: „що въ дѣлѣ, той въ отвѣтѣ.“ Кто чого допуститея, той бере на себе и провину: „безъ причины нема провины.“ „Не платить богатый, а виноватый.“ „На кого провина, на того осуда: кто не провинился, того не будуть судили.“ „Винешь еси, отдай, запозвуть.“ Запертися вины трудно, бо „виноватого Богъ найде.“ Хоть якъ хитро злочинець свое лукавство скрыче, за время, иногдѣ за самою пустою пригодою на яву стане: „хоть справай погане, то оно такой стане.“ Якъ пѣть дѣля слѣду, такъ и за слѣдомъ выкрывается правда. „Чути злодѣя далеко.“ Найзнатнѣйшій слѣдъ лукавства остается на самому человѣцѣ: „На злодѣю шапка горить.“ „Кому не на челѣ писано, що злодѣй.“

„За настоящое, настоящій судъ, а где справы великіи, тамъ потягають за языки.“ Бываютъ справы такъ кручены, що не скоро дойти конца можна. „Судъ сквапливый, рѣдко бывае справедливый.“ Такимъ робомъ бывае, що „за одного винного сто невинныхъ гине.“ За сквапливымъ судомъ паде такъ, що „тое вѣнно, що есть, а кто

втѣкъ, той правъ." „Коваль согрѣшилъ, а шевця повѣсили." За правдою не квапитися, а трудитися нужно: „Иногдѣ бьютъ Хому за Яремину вину; кому Варвары, а менѣ голову оборвали." „Синица шкоду робитъ, и журавель попадается." Ни нащо такъ тяжкого жалю нѣтъ якъ на осуду безвинному: „Виноватый якъ Христосъ передъ жидами." „Безвинному жаль завше много може." „Такихъ Богъ тяжко побиває, кто безвинныхъ людей карае." Абы судъ былъ справедливый, конечна совѣсть: „годѣ безъ совѣсти судити вѣсти." Совѣстній судъ старае пресвѣдчитися въ передъ за виною, зачѣмъ осудитъ справу На тое приклыкаютъ свѣдковъ.

Должностію каждого праведного человѣка есть свѣдчити за правдою. За правду свѣдковъ ручается сама ихъ вѣра: „свѣдки право судятъ; кто хоче свѣдкомъ быти, треба крестикъ цѣлувати." Свѣдки передъ Богомъ, судомъ и людьми берутъ свою рѣчь на свою совѣсть. „Не той имѣе на совѣсти що судитъ, а той що свѣдчитъ." Где нѣтъ свѣдковъ, тамъ судятъ позоръ тай здогадка: „якъ тя видятъ, такъ тя пишутъ." Не всежъ позоръ, або слѣпа здогадка доведе до правды, бо проворный злочинецъ силуется затерти слѣды за собою, а справити на безвиняного: „бьютъ насъ, а наша правда; поверхъ моей працѣ, та ще мене и бьютъ." Съ одного иногдѣ случайного знаку, не можна судити на правду: „одинъ цвѣтъ не робитъ вѣнка, одна ластовка не робитъ весны, одинъ колъ плота не удержитъ." „По одному знаку не дойдешъ шляку." Справедливый судъ имается вѣры, а надобится що обманъ стане за вѣру, бо очайдуша не лякается ни Бога ни чорта: „давно той уже присягъ, що за чуже посягъ." Нѣтъ чорнѣйшого дѣла надъ ложну присягу: „кто ламае слово, той ламае вѣру, той душу ламае, той бога ламае."

Добрый судія знае дойти злочинца: „не взявшись за невиниого не имѣти виного." Въ кождой майже справѣ у того побѣда, у кого правда: „До справы двохъ, а по справѣ одинъ." Надобится порою такое, що и позывающій не безъ вины: „неправъ волкъ, що козу съѣлъ, не права коза, що въ лѣсъ ишла." Никто самъ въ своей справѣ судити не може: „чія справа? войтова! а кто судитъ? войтъ!" За такимъ судомъ тяжко домагатися справедливости; „бо никто самъ на себе батога не сплѣтае." Годѣ перечити кому того, чого цѣлый свѣтъ не заперечитъ: „Кто коня купитъ, берс й уздечку: чій берегъ, того й рыба." Засудятъ кого, тожъ и кара должна быти мѣркована: „карай, тай назадъ поглядайся!" За одну провину годѣ разъ по разъ карати: „зъ одной липы двичи лика не друть; виного двома батогами не бити." Не той злочинецъ, що погрозится, а той, що на

дѣлѣ: „маханье за битье не вчисляютъ." Такъ самъ простый здоровый розумъ знае що лукаве, а що праве. Тому то й нищо такъ великого не стрѣтитъ гомону, якъ справедливость, або кривда. Суть несправедливы тіи, що правомъ правлятъ, „есть и само право, якъ для кого, то лукаво," тогды становится гнобленье въ народѣ. Сказано: „не даси по справедливости, то даси зъ трусы." За правомъ тай правдою негрѣхъ допоминатися, а святый обовязокъ. Не стоитъ такій за добрый выхоть соломы, кому сваволя на головѣ колки теше.

Нѣтъ ніякой свободы на свѣтѣ, якъ только въ самой живой правдѣ. Кто любитъ правду, той любитъ свободу, той свободы достойный. „Правда ни волю отбирае, ни убивае, въ правдѣ самъ Богъ проживае."

На томѣсть не одного катували, мучили, тай убили на смерть за правду. За правду Христа Спаса росплъяли на крестѣ, за правду, за якъ свѣтъ свѣтомъ, а люди людьми, чи мало великихъ мучениковъ погибло. Гляньмо на кровавы листы въ истиріи, а побачимъ, скôлько кровавыхъ жертвъ пожерла темна безсовѣстна ложь, горда ненависть, затята злость, невсапана сваволя. Поважны, велики, святы, здвигаются праведни мученики правды въ безсмертной памяти людей на вѣчную честь тай славу; а съ чистой крови ихъ происошелъ неубиваемый норовственный хосенъ для далекихъ поколѣній. Кто пострадалъ за саму великую правду, за правду на цѣлый свѣтъ, той не принадлежитъ одному народови, а всему человѣчеству. Такихъ великихъ мучениковъ не много. Жертвою своею передали они заповѣдь непорочной правды будущимъ вѣкамъ, сдѣлались непогасающими свѣтилами, крѣпостью и и надеждою всѣхъ болѣющихъ праведниковъ.

Потому, що правда безконечная николи неисчерпаемая, закрывае сю завсѣгды будущность. Правда що было, правда що есть и правда що буде.

„Знаемъ про суще, а не знаемъ про будуще." Цѣкавы люди на все, то цѣкавы найбольше на тое увѣдати, що буде. Тую слабость человѣка зъ давныхъ давенъ злоупотребляютъ никоторыи, що зовутся знахарами, зрахарками, ворожбитами тай ворожками. Всякое вѣдѣнье несправджене истиною самою живою, не есть явное, а слабою здогадкою або пустымъ маяченьемъ. Такъ маячится каждому про все, а найбольше про тое, що послѣдовати должно.

Бываютъ однакожъ люди и великого розума, чистой души, що понимаютъ такъ ясно минувшу якъ и настоящу правду, що отъ свѣтла тойже провидуютъ и правду будущу. Таки люди отжежъ зовутся вѣщими або пророками. „Не той пророкъ, що приказалъ якъ змокъ, а той що прикаже на сухо." Вѣщій прорече правду на полъ,

или на цѣлый вѣкъ. Велика будущность скрывается въ непрозрачности. Що чого не посѣется, хоч не вродится. Якъ вещь зъ вещи, дѣло зъ дѣла, мысль зъ мысли, такъ правда зъ правды. Ніякій хто не знае настоящой правды, не угадае правду будущу. „Не тиды пророче, якъ кто схоче, а тогды якъ духъ вѣщій." Каждый вѣкъ, въ которому заносится на великія проявленія, має своихъ пророковъ. За старыхъ временъ, коли мало было свѣтлыхъ ученыхъ людей, пророки считалися мужами вдохновеными самымъ Богомъ. За поганьства были волхвы, а въ святомъ письмѣ читаемъ за пророковъ. „Добрый пророкъ пророче, тай отъ бѣды остереже." Ніякій чоловѣкъ, хотьбы и якій вчeный, не знае про будущность хочь въ точку, а про истину ни загалѣ. „И пророки не знають на коли тай дони." За нашихъ временъ, и науки и дѣла богато, не являются пророки такіе якъ бывало. „Теперь що рокъ, то новіи пророки." Научилися люди слѣдити за правдою, то знають и загадати правду. „Сколько за правду не пишуть, тай не говорять, а правды не видно."

Еще изъ-за поганства передовалася въ нашомъ народѣ вѣра у ворожбу. Изъ далекихъ сторонъ сбираются суевѣрны сѣльчане до ворожки, не жалѣють ни ходу ни своей працы, щобы дати обманутися хитрой людинѣ або масному баснуеви. „У ворожки правды трошки." Якъ люди людьми, такъ и по людяхъ людяне ходять; пагодится где що вгадати якой ворожцѣ то вже ей дають цѣлу вѣру. Якъ не певны люди того що завтра, такъ и ворожка піяка не вгадае: „не такъ буде, якъ ворожка шепче, а такъ буде, якъ Богъ дасть." Вороженьемъ никто себе отъ бѣды не забезпечить: „кто ворожитъ той душею наложитъ." Не одинъ, що на пусту ворожку спустився, горько обманулся: „Не пускайся Грицю на дурницю, бо дурници тебе зрадить, що й ворожка не порадить." Кто на хлѣбъ робити не хоче, того ворожба чипается: „Коли ты бабусею ворожкою стала? Тогды мой голубе, якъ хлѣба не стало?" Такъ не диво, коли ворожка не знаючи за правду, обманюе людей двозначностью: „На двое баба ворожила, або умре, або буде жива." Кто на пусту ворожбу спускается, того настигне кара Божа: „баба ворожила, тай головою наложила." Не нужно толчи сожно по ворожбитахъ: „Начнетъ бѣда ворожити."

Шукають люди правды тамъ, где ей нѣтъ. правда велика, ... день. Только пусты головы тай слѣпы очи хоть видять, не бачать. „За правдою глядаешь а правду самъ въ собѣ маешь." Головою чоловѣкъ правду понимае, а любитъ сердцемъ. Що вода для тѣ-..., якъ чиста здорова, то правда для души и сердца.

„Въ правдѣ вся крѣпость, въ правдѣ вся жизнь и слава." Мила жизнь человѣкови, мила свобода, тожь и мила должна быти и правда. „Въ правдѣ жизнь, а въ лжи погибель." Сколько то крови напроливалося на свѣтѣ дороги правды, славы поклонники лжи! Жаждитъ кто свободы, то жаждитъ правды; гнобитъ кто народъ, то гнобитъ мерзкою ложью. „Правда хоть нелюбъ, то не болитъ: где панує ложь, тамъ и жити не можь." „Слава не поляже, а росскаже, що дѣялось на свѣтѣ!.."

V.

Розумъ.

„Недай Боже щастя — дай розумъ." Розумомъ живе истинный духъ человѣка. Що иже минувше съ теперѣшнимъ, а теперѣшне съ будущимъ, то розумъ. „Не той мудрый, кто умѣе. Въ цѣломъ Божомъ свѣтѣ видимъ глубоку премудрость въ томъ, що всякое дыханіе, все движенье, найменьша вещъ имѣе свою цѣль, опредѣлену закономъ ладу. Въ томъ законѣ, въ ладѣ, въ цѣли, является найвысшій розумъ. Умомъ человѣкъ судитъ: що? якое? отъ конца до конца; розумомъ понимае: отколи? на що? до чого? на якое? Кто умный, той росбире, кто розумный, той сбере и влучитъ. Такъ розумъ доводитъ людей до мудрости, а мудрость то найвысше добро, въ которому воля и правда и все блаженство. Есть розумъ въ мысляхъ, въ бесѣдѣ и въ дѣлѣ.

„Одинъ мудрый стоитъ за десять дурныхъ." Ни богацтвомъ, ни красотою, ни великою силою, не здужае человѣкъ добитися того, що розумомъ. Если отъ розума весь ладъ, законъ и справедливость, понятно що мудры въ головахъ правлять, а дурны слухаютъ въ ногахъ. Не тѣмъ мудрый человѣкъ, що росказуе мудро, а тѣмъ що до мудрости доводитъ. Всякое помышленье, всякое дѣло, если оно безъ цѣли никто не назове мудрымъ. „По цѣли сущность, по цѣли и возрастъ."

Познати ясно и точно цѣль, живу цѣль, завсѣгды имѣти передъ очима, не покидатися ей, хотьбы яки ни были перепоны: то премудрость всего розума. „Цѣль дѣла не мѣшае." Всѣляко водится жизни въ природѣ: сила силу крѣпитъ, сила силу опровергае, перетворяе. Цѣль на позоръ, не куды на разу иде, куды пойти должно; иногдѣ ино заклонится, не выросте про не выгоду всѣлякихъ обстоятельствъ: такъ если цѣль истинна, праведна, то не пропаде николи. Ясна цѣль, — небесне свѣтло, за которымъ стопа въ стопу иде неколебимый розумъ, хотьбы якъ потемнѣло довкола. Есть цѣль, которой

нікій розумъ человѣка не въ силѣ зъявити, якъ не въ силѣ всѣх божій розумъ открыти. „Божій розумъ безконечній, а человѣческій конечній."

„Не тыкай пальцемъ въ небо, не лѣзъ туды, куды голова не влѣзе." Перва и послѣдня точка человѣческоо розуму есть тая, щобы не лесталъ поза предѣлы всякого мышленія, розличалъ возможне отъ неможливого. „Пусты муки, коли коротки руки." Якъ дѣло не зъ воздуха, а съ працы, такъ и розумна цѣль не туды, куды „на возъ на перевозъ," а туды, куды смѣркувати можна. „Хоть якъ въ гору лети, на землю нужно конечно упасти." Якъ земля людей родила, такъ и всѣ люди звязаны до землѣ, земскими средствами орудуютъ, такъ не другой якъ только земской цѣли достигаютъ. Вже самъ собою каждый человѣкъ якъ уродится, то уродится съ цѣлью, росте съ цѣлью, и жити и дѣлати на свою цѣль долженъ. Такъ цѣле житье человѣка есть само въ собѣ цѣлію, а довершити той цѣли есть святымъ его обовязкомъ.

Должность, конечность и обовязки выпливаютъ зъ розума. Тому розумный той, кто жарко стремится къ своимъ должностямъ, къ якимъ нибудь обовязкамъ, кто всякую конечность справдае и подвергается ей съ всею рѣшительностью. Дабы жити розумно, нужно здоровля: „въ здоровомъ тѣлѣ, здоровый розумъ." такъ одна съ першихъ и большихъ должностей, то должность дбати про здоровье.

„Вѣкъ не вилами перехати: „вѣкъ извѣковати не пальцемъ перемахати." Не легко, а трудно жити человѣкови на свѣтѣ, если хоче прожити вѣкъ свой розумно. Отъ сего залежитъ и здоровье и щастье. Теперѣшній свѣтъ богатый въ способы жизни, въ приняди, сбитки, захотѣнія, прибаги, а чѣмъ больше всего того, що съѣсти, або выпити можна, тѣмъ трудиньше вздержатися, помѣркуватися. „Здоровля всему голова: не просѣмъ хлѣба у Бога, а просѣмъ здоровля." Простый но спасительный розумъ является въ томъ, если человѣкъ въ пожывленю, въ напытку, въ одежи, въ домованью смотритъ завсѣгды на здоровье. Звѣры надѣлены чуйностію, не ѣдятъ и не пьютъ того, щобы ихъ умертвило, но человѣкъ на тое имѣе розумъ, щобы розмышлялъ о своимъ здоровлю. „Якъ у человѣка нѣтъ здоровля, то не стане за ключье: тогды его въ гарматы, тай стрѣляй за лату."

„Есть хлѣбъ, сбль и здорова вода, то нѣтъ голода." Здоровье человѣка залежитъ найбѣльше отъ здоровой стравы, а сама проста страва найздоровѣйша. „Не кушай изъ панска, то не заболѣешъ." Доброю стравою „нужно жывитись,а не солодитись." Отъ здорового хлѣба не выпадаютъ зубы, а на тое розумъ, щобы не хоробы надѣятись, а

красы да силы. Тверда, несколибима воля, завсѣгды тверезый розумъ зберегутъ человѣка отъ ласоты и всякого рода тѣлесныхъ розвлеченій. Еслиже неумѣренность, неблагорозуміе въ пищи, стается причиною цѣлого нещастя, тяжкихъ страданій, хоробы да немочи, то найбольше вредитъ піянство.

Найздоровѣйшій напитокъ, якій подае сама природа, то вода. „Добра вода, бо не мутитъ ума.“ Небесъ причины три части цѣлой нашой землѣ закрытыя водою. „Въ доброй водѣ, вся сила, цѣлый лѣкъ, красныя лица, долгій вѣкъ.“ Если человѣкъ мѣсто доброй, здоровой воды, запивается хмельными напоями, теряе въ первыхъ здоровлье, въ вторыхъ честь, имѣнье и всѣ силы такъ тѣла, якъ и духа. „Кто багато пье, самъ себе побье.“ Съ горѣлки и всѣхъ горячихъ напоевъ, не одна бѣда выклювалась, не одное звелося нещастье. Пращай розуме, якъ съ горѣлкою, сострѣлся: „горѣлка не дѣвка, здоровю злодѣйка.“ Уже самая наружность пяного человѣка мерзена, ужасающая понижающая его ниче всякого звѣра. „Напился такъ, що ажъ очи побаклучились: языка не поверне.“ Пяный не сдужае удержатись на ногахъ: „бачъ якъ качки заганяе, мыслѣти пише.“ Нѣтъ большой напасти, да нечести якъ отъ пяного человѣка: „пяный горьше скаженой собаки: пяному и козы въ золотѣ.“ Въ ничемъ такъ легко перебрати мѣрки якъ въ напояхъ. „Отъ двохъ, до трохъ, а отъ трехъ до пятехъ.“

„Не вино, лишъ піянство проклято.“ Розумное употребленье вина, покрѣпитъ, розвеселитъ и вылѣчитъ отъ недуги. На томѣсть престрастное піянство, не только сводитъ въ хоробу, но и дѣлаетъ нищимъ: „утопилъ свое имѣнье въ животѣ.“ Сколько то лиха отъ піянства! „Хмель до лихого людей зводитъ.“ Затопилъ кто въ горячихъ напояхъ розумъ, не въ силѣ воздержатися отъ беззаконія: „за чарку, тай за сварку.“ Бывае, що напываются на сгоду, а сходятъ на вражду: „пили кумы на тверезы умы, якъ напились, тай побились.“ Нѣтъ глупости, якой недопустилъ бы ся пьяный, бо „що у тверезого на умѣ, то у пьяного на языцѣ.“ Пьяный человѣкъ нездалый въ ніякой должности, марнуе свои силы, свой вѣкъ, вредитъ собѣ и другимъ. Нѣтъ мерзеннѣйшого порока, нѣтъ большой глупости, надъ піянство: „пьяному псы писки лижутъ.“

Человѣкъ хотьбы якій крѣпкій, всегда отъ болѣзни беречися долженъ „здоровый хоробы сподѣвайся, а хорый смерти.“ Розумъ человѣка стереже, розумъ исцѣляе: „въ розумѣ и жизнь и спасеніе.“ Чистый воздухъ, вода, здорова страва и праця пособствуютъ здоровлю. Пространная свѣтлая хата, чиста съ верха и въ серединѣ, должна быти насущимъ жилищемъ розумного. Ничего не желаетъ собѣ нашъ

селянинъ, якъ властной хорошой хаты. По роботѣ, по всѣхъ ежеденныхъ трудахъ, мило отдыхается въ своей хатѣ: „своя стрѣха, своя стѣна; въ своей хатѣ, своя правда и сила и воля.“ Весело человѣкови на души, если имѣе свои куты, свой притулокъ: „свой домъ не ворогъ, коли прійдешь, то пріймe; не поздно до своего дому о полночи.“ Навыкае человѣкъ до всего, такъ навыкне цѣлою душею до своей хаты: „въ своей хатѣ и углы помагаютъ.“ Нигде не столько удовольствія, якъ въ своей хатѣ: „хата чужая якъ свекруха лихая.“ Вольно человѣкови нарадитися въ своей хатѣ, якъ розумѣе, а въ чужой хатѣ чужій ладъ: „поставь хату съ лободы, а въ чужую не веди.“ Даже у самыхъ свояковъ не пріобрѣте такого добра, якъ у себе: „домъ брата, не своя хата!“ И спится лучше, и естьея смачнѣйше, если въ своей хатѣ: „богдай умерати, а въ свой горщокъ зазирати.“ „Богдай и песъ мылъ свою хату.“

На тое розумъ у человѣка, шобы годилъ собѣ ведля промысля ведля нужности, да не спадавъ на завтра, а на цѣлую будучность. Только глупый марнотраеатъ добро въ чимчемыхъ розвлеченіяхъ, губницѣ, роспустѣ. Розумный почитае въ должность свою „дбати, абы мати.“ Якъ свои руки, своя голова, свои очи, свои ноги милыи, такъ и все миле, чего дорабляется въ потѣ чела. „Въ своемъ добрѣ всякъ хазяинъ.“ Если есть добро яке на свѣтѣ, такъ лише въ розуму, бо „не то добро що скоро минается, а то що насъ тримается.“ Забезпечити себе на будучность, на случай великой слабости або немочи, то стремленіе розумного человѣка. „Якъ живешь такъ живешь, абы не голо, не босо, не въ голодѣ, та не въ холодѣ: нищо величатися, нищо и стыдатися.“

Якe таке майно поддержуе человѣка въ нуждѣ, пособствуе ему въ жизни: „сѣре ли, чорне, та все свое добре: хоть не красне, але властне.“ Ничимъ такъ не угодитъ собѣ, якъ своимъ: „на своемъ кони, якъ хочешь, такъ ѣдешь, абы свое, та не взяте.“ Якъ свой розумъ найлучшій совѣтникъ, такъ и свое майно найпевнѣйша помочь. „На чужій коровай, очей не порывай.“ „Чужимъ добромъ не сбагатѣешь.“ И не вмѣшатися розумному до чужого имѣнія: „не сунь носа до чужого проса.“ Кто бы не знати якъ побивался на чужому, не присвоитъ собѣ ничого такимъ заходомъ: въ чужой кошарѣ овецъ не росплодишь; на чужомъ кони далеко не поѣдешь; чужимъ воломъ не доробишся.“ Тому то великое беззаконье присвоити собѣ чуже добро: „чуже добро, чужи и слезы.“ Долженъ человѣкъ дбати про себе, про свое имѣнье, такъ долженъ почитати власность другихъ: „чужого не займай, а свого не покидай.“ „Не бери, где не положилъ; не бери чу-

жого, не бойсь ничого." Въ мѣру якъ высоко считаемъ все свое, должни мы считати и чужое: „чуже святе, свое найприсвятѣще." Первая конечность выплывающа съ здорового розума, понимати свое, доволитися своемъ: „лучше свое личко, якъ чужій ременецъ." „Лучше свое малое, чѣмъ чужое великое; лучше свое латане, чѣмъ чуже хватане." Такъ за рѣзумомъ становится и властность: розличаемъ чуже, а свое признаемъ собѣ и другимъ право властности.

Человѣкъ только на своемъ наживае добра, бо: „чуже добро ребромъ вылѣзае; кто чуже бере, того Богъ побье." Хоть бы якъ находилося чужое, нищо собѣ присвоити: „съ чужимъ на середъ села роставайся; съ чужого коня середъ дороги злѣзь." Иногдѣ знадался кто такій въ чужое, еще собѣ и прибагае: „Забрався у чужу солому, та ще и шелестить." Годится допускати проживати и другимъ, то всежь такой кождому на своемъ: „коло мене, абы не на мене." И между сродниками росчитываютъ за свое: „хоть мы собѣ брати, але нашіи кишенѣ не сестры." Долженъ кто печалитись другими, то долженъ больше свояками, чѣмъ чужими: „своя сорочка близше къ тѣлу."

Такъ розумъ спознающій що праведне, признае кождому первую должность дбати про себе: „человѣкъ собѣ не ворогъ, всякій за себе дбае; курка що гребе, то несе на себе." Бесконечна сила розума является въ розличныхъ видахъ: „каждый дѣтько въ свою дутку грае."

„Потребамъ нѣтъ конца! треба хлѣба, треба и до хлѣба." Такъ живый, человѣкъ всегда борется съ потребами. „На що купилъ? треба! на що продалъ? треба! и требови конца не буде." Въ томъ то и цѣлая тайна жизни, щобы всегда трудитися не безъ цѣли, а въ угороженье потребѣ. Съ розумными потребами нищо скрыватися и стыдатися: „где кому долѣгае, тамъ рукою сягае; що въ кого болитъ, той про тое говоритъ." Великая нужда не поцурается не со всѣмъ хорошого дѣла „хоть не для Иесуса, такъ ради хлѣба куса." Попадаются люди съ великихъ потребъ у великую нужду, но иногдѣ отъ колиски нужда якъ имается кого, то и всякій трудъ не поможе: „нужда молчати не умѣе; нужда законъ ломитъ." Спасти въ нуждѣ другъ друга, подати скорую помочь, то должность не только по любвѣ, а по самому розуму. Не было бы такъ много злодѣевъ, если на времени было бы розумное пособіе. „Научитъ нужда, якъ есть розумъ: „нужда и камень довбе." Хоть яка собою никлая вещь, въ нуждѣ спасти може иногдѣ: „и за соломину хопится, кто топится." Трудно тамъ роздобыти, где ничего придибати: „въ степу и хрущъ мясо." Розумный удоволит-

ся возможнымъ: „на безрыбью и ракъ рыба, на безлюдью и хома человѣкъ.“ Не всежь годити губѣ тымъ що смачно, а тымъ що поживне: „коли нѣтъ пшона, давайте круту варити!“

Не той розумный, що въ потребахъ ни коньца ни мѣры не знае, а той кто зважае на здоровлье, на честь и на промогу. Въ ничимъ бо не заявляется самая большая глупость, якъ въ пустыхъ недорачныхъ потребахъ: „треба, якъ болячки на лобъ, якъ бѣльма въ оцѣ!“ Розумному сама природа зъявитъ, що треба: „Треба, якъ пятой ноги собацѣ.“ Тому и не диво, если за глупыми потребами, на смѣхъ себе ставлятъ никоторіи люди: „тое му такъ потрѣбно, якъ лисому гребень, слѣпому зеркало, глухому музыка.“ Излишне все тое чого ніякъ не може оправдати розумъ: „то такъ потрѣбне, якъ дѣра въ мостѣ.“

Человѣкъ працею добра набывае, а чортъ не разъ нимъ удавится. Потребы ростутъ за великими утратами: кто потерялъ больше, не стоитъ ему бѣдкатися зъ-за малого: „коли пропалъ волъ, пропадай и батогъ; взялъ чортъ корову, най бере и теля!“ Такъ и не жаль за важкимъ пустого: „знявши голову, по волосямъ не плачутъ.“

Дурный хосенъ за дурною роботою: „заробилъ на соль до оселедця!“ Пусте и поранье, якъ не было розуму: „ходили три дни, тай выходили злидни.“ „Якъ розумъ всему дае обладъ, такъ за глупымъ побиваньемъ ничего не выскати, если концы съ концами не стѣкаются.“ Глупый той, кто не осмотрѣвшися въ средствахъ пускается въ дѣло: „пойшолъ дѣдъ на жебры, не имѣлъ въ що хлѣба класти.“

На якое нибудь дѣло вплываютъ всѣлякіи силы, заходятъ непридвиженыи обстановки. Если розумъ велитъ дбати про малое, дабы не потеряти великого, такъ нищо росчитувати съ великою точностію: „человѣкъ не посѣе не росыпавши, а собака не зъѣсть не покачавши.“ „Где борошно, тамъ и порожно.“ Не всежь удается мудрымъ людямъ въ короткомъ времени великое нажити майно: „будь мудрый, натягай маленьку латку, на великую дѣрку: курка по зерну клюе, та сита бывае.“ „Зерко до зерка, то буде мѣрка.“

Если похоть и глупость считаютъ на нынѣ, на хвилю, то розумъ смотритъ въ далекую будущность: „розумный человѣкъ за здалегодъ готуе: запасъ бѣды не чинитъ.“ Мудрый той, кто припорае добра на будущу несподѣваную нужду: „нехай лежитъ, оно ѣсти не проситъ: и здасть ся про лиху годину.“ Мудрый не имается пустого дѣла: „на що то свѣчка горитъ? за пана цапа?“

Обмѣняются люди всѣлякимъ добромъ, всѣлякою працею своихъ рукъ: на тую цѣль завели гроши. За гроши купуютъ, за гроши продаютъ. Що кровь для тѣла, то гроши для людей, переходятъ зъ рукъ

до рукъ, пособствуютъ ихъ общой жизни въ самыхъ великихъ грюмадахъ, по городамъ и селамъ. Гроши не діяволъ вымыслилъ, а розумъ, бо якъ грошми обмѣнятися легко, такъ и легко гроши сховати. Не былобы ни торгу, ни купна ни такъ различныхъ занятій, такъ безконечныхъ плодовъ штукъ, произведеній, промыслу, еслибы не гроши. Текутъ гроши по карманамъ и животворящою силою сподвигаютъ тысящи рукъ, тысящи головъ до дѣла. Дурный то, кто не умѣе считати гроши.

„Гроши не полова.“ Дбалый да мудрый человѣкъ, трудами и працею набывающій гроши, понимае ихъ стойность: „кто не береже грошей, той ихъ не стоитъ.“ Якъ на все, такъ и на гроши бываютъ люди ласыи престрастныи. Есть люди, которымъ гролъ милѣйшій всего: „за гроши продалбы и роднаго батька.“ Такая престрастная любовъ грошей, не всыпуща жажда ихъ, есть самымъ великимъ порокомъ, изъ котораго, якъ изъ великого жерела, истѣкаютъ прочіи безчисленныи пороки. Есть ли въ томъ розумъ цѣлою душею вплитися въ гроши? Не глупость ли жаловати самому собѣ, а тѣмъ больше и другимъ тамъ грошей, где ихъ замѣнити нужно въ самое конечное добро? Есть люди, що имъ золотый червонецъ отнимае и силу и волю. Въ золотыхъ сокровищахъ закопуютъ они весь свой божій розумъ: „не то скупѣютъ, а мерзенѣютъ.“ Гроши только за вещею обмѣны имѣютъ свою стойность: „всяки гроши хороши, та бережи ихъ про чорный день, та про лиху годину.“

Мудрый, якъ не щадитъ тамъ где нужно, такъ и не марнуе, бо нищо такъ легко змарнувати, якъ грошъ: „грошъ круглый роскотися.“ Кто не умѣе считати малыхъ, той не прійде до великихъ грошей: „Изъ копѣйки рубль робится; копѣйка любитъ, щобъ ею считати.“ Розумъ не въ слѣпомъ урудованью, а въ точной росчитливости: „се вже мы якъ той Нѣмецъ, що на шаечку воздухъ вѣшае.“

Статныхъ мающихъ людей, зовемъ богатыми. „Достатокъ чинитъ статокъ.“ Бывае, що богатыи люди всего имѣютъ доволѣ: „такій багатыръ, що не знае, що то нема; хиба птичого молока не мае.“ За добрымъ статкомъ ни голова трѣщитъ, ни безпокоитъ клопотъ: „коли хлѣбъ, тогды и розумъ.“ Не тяжко приходится выдавати богатому: „съ полного легко брати, хоть убывае, не такъ знати.“ Если за гроши покупити можна страву, одежу, хату, все нужное, то и не дивота, якъ у багатыхъ людей за великими гропіми и велика сила. На що богатый промагае, на тое не пятится убогому: „слабый съ дужимъ не борись, голый съ багатымъ не дружись.“ За великими статками и великій гаразъ, а до гаразду тиснутся, якъ пчела до меду: „богато-

му чортъ дѣти колише, а убогій и пяняки не найде." Богатый человѣкъ переводитъ дѣла на свое легче, чѣмъ убогій, бо „золота шпайка муръ пробивае: золото, сребро губу затыкае." Отъ грошевыхъ людей, всему дѣлу проводъ и совершенье: „Колижъ гроши кажутъ, то всѣ должни губки постулювати." Не той умѣе располагати грошми, що ихъ не имѣе, а той, у кого багато: „богатый якъ чортъ рогатый, куда ступитъ то облупитъ." Богатый промышляе на всѣ стороны; и сѣе и годуе, и гладитъ, и чеше, и привозитъ, и вывозитъ: „текутъ ему гроши струями." Такъ видимъ, що за грошми великая проможность, що розумное вспотребленье грошей приспоритъ богатство.

Якъ великая проможность богатыхъ людей познаемъ по сему, що иногдѣ и глупый человѣкъ, если богатый, у великой почести. — Нагодится часто, що спадаютъ великія богатства завѣщаньемъ, або есть они родовыи. Не всежъ за богатствомъ и мудрость: „дурень богатый, такъ и слово его въ ладъ." „Багатому дурневи мѣстце дадутъ, багатого дурня всѣ величаютъ." Бываютъ люди со всѣмъ неученыи, а богатыи: „хоть въ головѣ пусто, абы грошей густо."

Багатый той народъ, въ которому многіи люди имѣютъ гроши. Мило дивитися на красніи заможныи городы, села, на людей проживающихъ по опрятнымъ домамъ, добре одѣтыхъ, а лицемъ жажилыхъ. Кто багатый въ розумѣ, той багатый въ гропій, бо розумный ни пустого поднимается, ни на пусте ласый. Пуста и глупа тая наука, що не приспоритъ человѣкови ніякого майна, бо „на тое учити абы умѣлъ въ добру жити!" Тогды и гараздъ, якъ нѣтъ голыхъ да голодныхъ.

„Голому розбой не страшенъ." Що есть лукавого на свѣтѣ, злодѣйства, всякого рода беззаконій, то изъ бѣды, нищеты, убожества. Уже на самый поглядъ, убогій немилое дѣлае впечатлѣнье. Ни по лицу, ни по цѣлой своей наружности онъ подобается кому нибудь изъ людей свѣтлыхъ: „багатый на латы, та на дробныи слызы." „Багатый мае двѣ стодолы, въ одной макъ, а въ другой такъ." Убогій кто такій, то не имѣе ни пожиткѣнья, ни одѣнья: „голый якъ палецъ, якъ долоня, якъ кістка: „голый ажъ скрабъ ребра видно." Якъ въ достатку изъ всѣхъ сторонъ прибывае, такъ въ нищетѣ отходитъ: „были коралли, та пбѣгли далѣ, были перлы тай ся стерли." Бѣдность сгибае людей въ двое, въ трое: „богатство дме, а нещастье гне." Трудно даже выкараскатися бѣдному съ нужды: „багатого и серпъ голитъ, а бѣдного и бритва не хоче." Богатому человѣкови всюды ради: „кто имѣе гроши, той всюды хорошій, а кто бѣдный, той никому не потрѣбный." И по смерти честятъ богатыхъ: „якъ умре богатырь, то ажъ увесь міръ, а якъ умре харлакъ, только попъ та дякъ." Къ бо-

гатыхъ стѣкаются сами люди: „умеръ богатый, ходѣмо ховати; умеръ убогій, шкода дороги!“

Кто зросъ въ гаразді, въ достаткахъ, не понимае нищеты: „ багатый дявуется, якъ убогій годуется.“ Есть сила заможность въ богатствѣ, то есть вытревалость въ убожествѣ: „наши латы переходятъ пански шаты.“ Иногдѣ хоть якій богатый, всежь такой жалуется на нужду: „не той убогій, що мало мае, а той, що богато жадае.“

Розумъ не одного придержуется, допускае всѣлякое, бо свѣтъ и жизнь не на однакому, а на всѣлякому: „не всѣмъ однако дане, одному ситце, а другому решитце.“ За всѣлякими людьми и всѣлякое дѣло: „инший легко робитъ, та хорошо ходитъ, а где якій робитъ, то и потъ кровавый его обливае, а ничого не мае.“ Ведется яка у кого природа тай поведѣнка: „кто плаче, а кто скаче; половина свѣта плаче, а половина скаче.“

Розумъ человѣка живитъ, розумъ и одѣгае; „человѣка по одежи стрѣчаютъ, а по уму в[illegible]роважаютъ.“ Не скоро люди научилися одѣгати въ угодны роскошни хорошія свиты. Зачѣмъ що ходили они въ грубыхъ звѣряныхъ кожах скрываючи свое тѣло бтъ стыда и зимна. Якъ есть всѣлякіи землі всѣлякіи народы, такъ и всѣлякія одежи. По теплымъ землямъ не великой та не тяжкой нужно одежи: „яке таке одѣяло, абы въ голе не вѣяло.“ Но одежею человѣкъ не тѣлько здоровье зберегае, а цѣлу свою наружность украшае. Якъ въ розумной статной одежи розличаются оба полы мужескій отъ женьского, такъ по одежи спознати кто съ якой землѣ, съ якого народа. На кои у Нѣмци все куцо узловато, русскій человѣкъ любитъ широкія вольныя свиты. Що за пестрая всячина въ одежахъ, въ строяхъ народовъ заселяющихъ пространь землѣ, во всѣхъ пятехъ ей частяхъ! Пестрѣются цѣты по лукамъ да нивамъ, такъ розличаются люди своимъ строемъ по далекимъ землямъ, краямъ. Отъ кожанной прикаски дикого африканця до богатыхъ шолковыхъ ризъ, розличныхъ ученыхъ народовъ, що за плѣняющая всѣлякость! Где якій одежи отъ вѣковъ правѣковъ спорудуютъ на одинъ ладъ и складъ: сосѣдующіи народы позаймали другъ отъ друга, то завитку, то примѣтку, то жупанъ, то кафтанъ, то шапку, то башмаки, а вжежь такой що село, то ходакъ, що околиця, то другая красавиця. Не дивота за для того если по наружности по ихъ одежи судятъ людей, хоть „не все въ [illegible]ышной одежи и пышній розумъ.“

Все, що съ трудомъ набывается, нужно шанувати: „[illegible]ануй одежу въ дворѣ, она тебе въ людяхъ.“ Убираются люди якъ въ якой кто роботѣ: „въ будонь по старецки, а въ недѣлю по пански.“ Ни-

чимъ такъ себе и другихъ не вподобишь, якъ статною одежею: „приберы шия, дай ему имя, и зъ него буде человѣкъ.“ Уберется кто такій пышно, то и заманитъ очи всѣхъ людей на себе: „приберется, ажъ свѣтъ у весь стрепенется: якъ вберется и дѣдъ, то буде побѣдъ.“ Хороша урода человѣка, то еще красчій является намъ, если приберется розумно: „хоть поганый, та въ жупанѣ.“ Не такъ мужчины, якъ женщины уже по самой своей природѣ любятъ убиратись хорошо, та пышаются хорошою дорогою одежею: „выстроилась якъ лялечка; запышилась якъ пава.“

Якъ одежа прикрывае, такъ и скрывае много. Глупый той, кто не дбае про чисте угодне платье, чія свыта якъ димарева рубашка, помаряна да сѣмъ недѣль не прана. Плюгавостью, брудотою, не лише мерзитися, но всегда цуратись зачѣмъ не понехаются. За неопратностью повстаютъ хоробы, бо якъ чиста вода здорова, такъ и цѣле здоровье въ охайности: „людямъ чини шайность, а коло себе имѣй охайность.“ Лучше поноровится убога одежа, если чиста, чѣмъ богата, на якой отъ мази и лица не видно: „у нашихъ хозяскъ, та по сто сорочокъ, а у мене одна, тай та бѣла що дня.“ Неопрятный кто, хоть якъ приберется, хиба на смѣхъ, та на руганье: „на голову строй, а по поламъ гной.“

„Чепурненька якъ мазничка.“ Чиста одежа украситъ человѣка если чисте его тѣло, бо годѣ скрывати свиткою нехлюйства: „краснее пѣрье на видвудѣ, але самъ смердитъ.“ Запустился кто такій, трудно отмыти, отчесати: „чотырохъ свѣчокъ спалила, зачѣмъ Грицька умыла, а пятый каганецъ, такой Грицько поганецъ.“

Якъ не все у споди чисто, що свѣтится съ верху, такъ и не каждый заможный, кто убирается статно: „чоботы скрипятъ, а горшки безъ сала кипятъ.“ И бѣдному нагодится пріодѣтися: „знайте насъ що мы голы, та въ жупанѣ ходимъ.“ А вжежь такой, що не по розумѣ, то и не до лица: „пристало якъ коровѣ сѣдло.“

„Що нове, то шануй, а не покидайся старого.“ Розумному все придастся. „Добре и латане, якъ нового не стане.“ Не скоро той нового дорабляется, що старого покидается. Стара свитка не перележитъ мѣстця, а въ пригодѣ придастся, хоть не въ погоду то въ слоту.

Нужна розумному человѣкови хороша тревала догодна одежа, то пужній и здоровый поживный хлѣбъ. Всѣляко люди побываются за хлѣбомъ, иначе працюютъ на хлѣбъ по городамъ, иначе по селамъ. Одніи продаютъ, купуютъ, другіи пишутъ, розмышляютъ, а самъ больший міръ селянъ оре да сѣе, жне да молотитъ, ради хлѣба. „Хлѣбъ

усему голова; хлѣбъ святый даръ божій: карай насъ Боже нимъ до вѣка!" И не дивота! нѣтъ здоровѣйшого поживлѣня надъ хлѣбъ: „якъ хлѣбъ буде, то все буде; хлѣбъ роги, хлѣбъ и ноги." Удивлятися нужно розумови человѣка, на скôлько пособій ôнъ творитъ хлѣбъ даже тамъ, где не слѣдуе родитись ему.

Нѣтъ въ свѣтѣ красчого занятія, якъ пахарство, рольництво: „нема то ремесло, якъ лемишь, та чересло." За хлѣбомъ спомирилися люди въ громады, научилися любити родную землю, ставити опрятныи домы, хуторы, научилися хозяйства. Цѣлый рядъ хорошихъ, та честныхъ затрудненій повело за собою пахарство. Если купецъ нарабляе хитростью, обманою дабы взыскати богато, рольникъ спомѣтуючи зерно въ святу землю, ходитъ коло худобы и вразъ съ нею працуе коло хлѣба. Если много людей живе промысломъ, то сельскій хозяй щирою працею рукъ и совѣстнымъ потомъ чела. Здоровый розумъ плекалъ здоровое зерно, а отъ здорового хлѣба и силы и душа здорова. „Хозяина и Богъ любитъ." Сколько то хорошихъ свойствъ, добродѣтелей, чести въ томъ словѣ хозяй? Нигде такъ здоровый розумъ въ цѣлой своей чистотѣ не является, якъ въ добрôмъ хозяйствѣ. Человѣкъ съ цѣлою своею обычайностію, земля со всею плодоносною силою, звѣрята съ ихъ свойствами, являются намъ въ тѣсной связи сполученыи въ одну живущую цѣлость. Въ хорошомъ хозяйствѣ хорошіи, постройки хорошая худоба, огороды, сады, ланы, самы живыи цвѣтущіи свидѣтельства благорозумной працы человѣческихъ рукъ. Не отъ нынѣ люди орютъ да сѣютъ, а въ теченію вѣковъ укрѣпился опытъ, розвилася наука: годувала роля книжку, такъ стала книжка мастити ролю. Отъ дурного тай пустого хозяйства никто не сбогатѣе. Нужно хорошо поратися около землѣ, если выжидаемъ великихъ плодовъ: „где оре сошка, тамъ хлѣба трошка." Ніякій трудъ сторицею такъ не награжае человѣка, якъ земледѣльство: „укинь мене въ болото, а я тебе уберу въ золото." Добре хозяйство вымагае принадлежныхъ средствъ: „давай нивцѣ, то и нивка дасть."

Если що може нарозумити человѣка, то взорцевое хозяйство. Полагае оно и на доброй земли, на здоровой хорошой худобѣ и на добрыхъ людяхъ. „Добрый хозяинъ исбере, а поганый розгребе." Розумное хозяйство учитъ росчитливости, терпеливости, упованія. „Въ хозяйствѣ все снадобится." Такъ нищо теряти ни уймы, ни половы, ни гною, ни попелу: нигде кажда вещь не дасть такъ употребитись, якъ въ добромъ хозяйствѣ. Добрый хозяинъ имѣе на все бачне око: „що то за господарь, що не глядитъ за своимъ добромъ?" Не той теряе, кто всего дозирае, а той що за ничимъ не подивится: „где окомъ не до-

глянешь, тамъ калиткою доплатишь." Познати на самой хорошой худобѣ доброго хозяина: „хозяйске око худобу живитъ." Нищо спускатися на кого нибудь, особенно въ хозяйствѣ: „лучше одно око свое, чѣмъ чужихъ двое." Якъ за чужими очима такъ за чужими средствами не буде гаразду въ хозяйствѣ. Первое, що каждый хозяй должень памятати есть тое: „въ своемъ добру, всякъ хозяинъ." „Занятыми волами на занятыхъ загонахъ господарити трудно." Есть своя роля, свое обойстье, свой плугъ, свои волы, такъ нужній опытъ: „Привыкай до господарства зъ молоду, не будешь зналъ, на старость голоду." Кто зъ малку зросъ въ хозяйствѣ, той полюбитъ свое дѣло, та не радо оставитъ оное, хотьбы на самое короткое время: „не въ дорогу вдавайся, а въ хозяйствѣ кохайся." Замилованье въ хозяйствѣ сполучене съ великимъ ладомъ, съ неликою спрятностію. Кто нибудь загоститъ въ хату добрыхъ газдовъ зазнае радушного удовольства: „въ хатѣ, якъ у вѣночку; хлѣбъ выпеченый якъ соньце: сама сидитъ якъ квѣточка."

Головное правило въ розумномъ хозяйствѣ есть глядѣти за временемъ, бо нигде время на столько важное якъ въ сѣйбѣ, въ жнивахъ, воженью и всехъ прочихъ занятіяхъ: „ранна сѣйба хоть не вродитъ, то и съ хлѣба не сводитъ." Бываютъ всѣлякіи роки, погодливыи и слотны. Знае хозяинъ сколько посѣялъ, якъ, та на якой земли, но ніякъ знати ему сколько збере. „Якъ жито въ оборозѣ, то надѣя въ Богѣ!"

Розглянувшися въ теперѣшномъ свѣтѣ, стрѣчаемъ на шагу больше пособій въ жизни, чѣмъ за давнѣшихъ временъ. Науки приспорили людямъ много средствъ, а за тыми взмагается гаразду, если всего употребляемъ съ розумомъ. Розумъ является хоть въ якой мелкой незнакомитой рѣчи. Не въ томъ розумъ, щобы все хорошо удалося, а въ томъ, щобы все хорошо, до ладу обдумалося. Человѣческая мысль, хоть якъ хорошая сама въ собѣ, не доведе дѣла въ хосенъ, если переводится не розважно. „Лучшій розмыслъ, чѣмъ замыслъ."

Кожда вещь, кожде дѣло имѣе свои наслѣдства. Въ томъ и розумъ, абы познати и обмыслити наслѣдства, зачѣмъ роспочинаемъ дѣло: „на все вважай и на усъ собѣ мотай." Мудрый не поднимается труда если не провидитъ успѣха: „неспытавшись броду, не сунься у воду." Мудрый человѣкъ не лише на себе смотритъ, да на свои силы, а на всѣхъ прочихъ людей, якѣ они навыкли: мудрый застосуется до обычаевъ и звычаевъ: „не силою робя, та розумомъ, не сердцемъ, та обычаемъ." Только зарозумѣлый человѣкъ не зважае на людей, на ихъ обычаи, зачѣмъ выкликае великую вражду противъ себе.

Не на передъ людей, только по при люди." Мало есть избранныхъ такихъ, щобы повели за собою людей бо къ тому нужна незвычайна даровитость. Мудрый приноровится ведля конечностей: „где не можна перескочити, то треба перелѣзти." Хоть и на добро заносится, мудрый не попустится своей очереди: „не вважай на урожай, а гречку сѣй." Мудрого не обманить гаразд: „за хлѣбомъ хлѣба доставай." Одно изъ первыхъ правилъ здорового розума есть тое, щобы не иматись сжилой спорохнѣлой вещи, совсѣмъ безплодной, та скорше погубной, чѣмъ спасительной. „Не кидай живого, не шукай мертвого." Только здорова вещь, живы силы ручаютъ намъ за будущность; бо якъ старымъ возомъ никто розумный не пустится въ далекую дорогу, такъ и отъ мерлого ніякой жизни.

Есть дѣла, въ которыхъ доковуютъ много настойчивость и рѣшительность. Где опоръ великій, тамъ нужно великого напору „клинъ клиномъ выбиваютъ." Знае мудрый якъ заходити коло опасныхъ вещей: „на те коваль клищи держитъ, щобъ у руки не пекло." Прозорность, осторожность заразомъ съ розвагою, знаменуютъ мудрого: „дивись, щобъ не помылилось, та опосля не журилось." „Гляди, та не проглядись, купуй, та не прекупись." Мудрый придержуется во всѣмъ извѣстной мѣры, смотритъ якъ що на времени или нѣтъ, на всѣ сторонѣ сзирается, если хоче провести въ дѣло свою рѣчь: „напередъ не вырывайся, ззаду не оставайся, середины держися." „Добре все по мѣрѣ."

Мудрый человѣкъ не любитъ ссорится съ людьми, не творитъ пакости людямъ, если они ему самому немилы: „не заливай никому сала за шкуру; Бога не гнѣви, а чорта не дрочи." Трудно домагатися, щобы всѣ были самы добры: „И чортови треба часомъ свѣчку запалити." Никто зъ мудрыхъ не подасть противникамъ своимъ напасти „не давай самъ на себе кія." Знае онъ що зачѣмъ слѣдуе „куды игла, туды и нитка, куды ноги, туды и голова." Якъ кожде ремесло свое начинье имѣе, такъ и кожде званіе свой норовъ, свои помышленья. Трудно всѣхъ переоначувати на свое. „Межъ попами попъ, межъ дяками дякъ, межъ волками по волчи и вый."

Всѣляко водится межи людьми; якъ не все въ середу Петра, такъ не все идетъ по розуму. Куда ни поступимъ, стрѣчаемъ людскія слабости, а порою и мудрый попаде на глупость, якій такій любитъ ругатися да насмѣватись другимъ, бо глупоты не купити, а сама отъ себе нагодится. Якъ за руганьемъ никто не исправится, а противо, сердится, такъ и не милы кождому насмѣшки „не смѣй

ся надъ людьми нынѣ, бо завтра люди надъ тобою будутъ смѣятися."

Одно изъ головнѣйшихъ свойствъ мудрости, есть прозорность, выплывающа съ осторожности: „кто на кладцѣ мудро ступае, той не потапае: не присувай соломы до огню." Якъ за головою розумъ, такъ за добрымъ розмысломъ хорошое дѣло: „не лѣзь, куда голова не влѣзе." Уже сама природа справляе толкового человѣка въ якомъ нибудь дѣлѣ: „туды гладь, куды шерсть лежитъ." Якъ за скваплнвою неоглядностью не мало вреду, такъ за точностію ни собѣ, ни другому не сробится кривды: „тричи мѣряй, а разъ отрѣжь."

Понимати хорошо время, росполагати мудро временемъ, то дѣло ясного розума. Розумъ подѣлилъ время на роки, мѣсяцы, тыждни, на дни, на часы.

Якъ глупый не понимае времени, такъ у розумного кажда хвиля найде свое опредѣленье. Еслибы не было розумного помышленья, никто и не замѣтилъ бы времени.

Много то людей безъ толку, безъ мыслей живе, що не знаютъ даже на якой днинѣ, не то щобы умѣли считати дѣла за временемъ! Такъ нѣтъ времени, якъ только въ здоровомъ розумѣ человѣка. Дальшое правило мудрости есть: хоснуй изъ времени, если здоровый розумъ маешъ та время понимаешъ. „Що разъ утекло, невертается опять." Только знаемъ що „время якъ на крылахъ, такъ на силахъ." Минается, пропадае, есть и буде все съ временемъ. Инакше понимае время дѣтина, инакше человѣкъ съ розвитымъ розумомъ. Дѣтямъ, живымъ молодымъ людямъ уплывае оно не замѣтно: не могутъ они россудити великихъ ростояній времени, хотя за наукою считаютъ лѣта съ великою ловкостію. Тому то о сколько не зважаютъ на время молоди люди, о столько щадятъ нимъ старшіи, имѣючи всегда на умѣ, що „золотое время стоитъ больше всего."

„Въ добру хвилю, чекай злои." Хоть бы якъ дѣла клалися до ладу, нечаяна заскочитъ измѣна, бо въ жизни ничего постоянного, а вѣчное движеніе. Сила съ силою борется, одно встае, друге кладется. Не тогды дѣло, якъ давно перешумѣло: „Двичи лѣто не бывае; лови рыбку, якъ ловится." Измѣняются всѣ вещи по законамъ природы, а намъ тіи законы познавати и корыстати съ нихъ: „коваль клепле, поколь тепле." Глупый той, кто полагае на завтру: „не що дня можна сѣяти, сбирати." Не тогды жити, якъ смерть передъ очима: „уживай свѣта, поколь служатъ лѣта."

Пуста бесѣда человѣка, если не заявляется въ ней розумъ. Му-

дрый знае говорити тамъ, где нужно, а заховати въ глубокой тайнѣ такъ свои, якъ и чужіи намѣренія. Въ своей хатѣ всѣляко говорится, всѣляко и водится. „Хата якъ покрышка, що заговоришь, то въ хатѣ должно пропасти.“ Не всежь мудрому слѣдуе говорити, що знае про другихъ: „чи бачишь, чи не бачишь молчи!“ Не все добре наслухивати чужимъ рѣчамъ „тобѣ нехай золотомъ уши позавѣшуваны.“ Мудра цѣль не робитъ о собѣ великого оклику, а прозоряо проводится въ дѣло: „замотати, завязати, тай никому не казати.“ Уже сама порада зрадила не одного: „не займай розума у сосѣда. Мудрому не нужно багато наставленій: „знай, та гадай, мудрому досить.“

Всѣляко судятъ люди, о всѣлякихъ рѣчахъ, мало коли нагодится услышати мудрый судъ. „Кто не знае, такъ и не узнае.“ Придержати судъ свой тамъ, где не знается рѣчи точно, то правило мудрости. Напирае кто такій, готовый отказъ: „тобѣ не пытать менѣ, не казать.“

Такъ здоровый розумъ подае на всякій случай мудрому человѣкови правило. Правитъ человѣкъ себе розумомъ, то правится розумомъ съ людьми. Кто чѣмъ нибудь завѣдуе, той доконуе своихъ должностей по розуму и чистой совѣсти. Прійдется, що зъ-за должности нужно и головою наложити. Сколько то великихъ людей утратило жизнь свою по должности! Защищали они свою честь, свою родину, свое отечество. Были примѣры, що люди вѣрны своей должности, перенесли хоть якій тяжкій муки и скорше на мѣстци застигли чѣмъ уступили.“ Тымъ то сіяютъ они великимъ примѣромъ для своихъ потомковъ напоминаючи „кто дѣла своего покидаетъся, той розуму позбавляется.“

Есть богато розумныхъ людей, що ни великимъ шумомъ ни гласными дѣлами, незаявляютъ себе свѣтови. Мирно проживаютъ они лѣта свои въ кругу родины, працуютъ честно на хлѣбъ насущій, суть чеотными членами въ громадѣ, а спращавшися съ тымъ свѣтомъ оставляютъ „не лукаву, а добрую память по собѣ.“ На такихъ все полагае, бо „истынна мудрость сама въ собѣ и потѣшеніе и спасеніе.“

VI.

Родина.

Якъ широкій великій свѣтъ на земли, живутъ на немъ люди милліонами. Сполучалися они въ народы и семіи. Мужъ и жена,

отецъ и мати, братъ и сестра, то самы головны члены въ семіи. Уже и звѣрята плодятся тымъ, що живутъ парою: „усяком тварь по парѣ; ніяка пташка безъ товариша не пробуває въ лѣсѣ.“ Такій то законъ Божій, законъ природы.“ Завязати семью, оставити по собѣ добрый плодъ, то цѣль опредѣленье каждого человѣка. Родина, то святый узолъ, якимъ сполучаются люди въ общество. Уже за поганьскихъ временъ семейная жизнь была основою народного общества, а всѣ весѣльныи обряды нашіи, установилися еще за поганьства. Женитьба, вѣнчаніе, семейная жизнь, плеканье да хованье дѣтей, то ядро всего труда и попеченія.

Бываютъ люди всѣлякого духа, всѣлякой волѣ, всѣлякихъ похотей, всѣлякой уроды та природы. Кто скорый, а кто повольный, кто уродливый, а кто и съ тѣлесными пороками. Есть люди, которыхъ природа такъ годится и норовится, що кажется якась непонятная сила привлекае яхъ къ собѣ. Чѣмъ частѣйше стрѣчаются, чѣмъ долше пребываютъ изъ собою, сила тая росте, и на конецъ завладѣе со всѣмъ обома лицами. „Одно безъ другого не може ни ходити, ни жити.“ Сила тая зовется любовію. Якъ отъ крови цѣлая природа человѣка, кровь людей плодитъ, а кровь творится въ сердци, такъ и „любовь отъ сердца происходитъ, а въ голову входитъ.“ Кто кого собѣ уподобалъ, той за каждымъ случаемъ „за милою пасе окомъ.“ „Соньце въ оконце пече припѣкае, хлопецъ на дѣвошку глядитъ, погладае.“ За теплымъ сердцемъ и бистры вгадливыи очи: „куды сердце лежитъ, туды и око бѣжитъ.“ Такъ хоть бы якіи великіи перепоны, незважае любовь: „до любои небоги, нема далекои дороги.“ Залюбленый якъ оголомшеный за нищо не знае, не гадае, якъ за любку голубку: „любовь сердцу годитъ, а съ розуму зводитъ.“ Не по той любвѣ благословенство, „въ которой маленство,“ а въ той, що понимае, чего сердце бажае: „вѣрному коханю и Богъ не противникъ.“

„На мѣлованье нема силованья;“ любовь сама собою. Великая любовь кажутъ неисповѣдаема, но такой за любовь що найбольше спѣваютъ пѣсней. Влюбленному человѣкови все дыше любовію. Куда ни поступится, находитъ въ природѣ безъ числа образовъ, на которыхъ изливае любовь свою. „Влюбленный якъ зачарованый, не то видитъ, що другіи. Иногдѣ изъ великой любви даже хорують „ніе, тоскне, сердце увядае.“ Пристращаются люди любвою, то если въ пору не спамятаются, попадаютъ въ великое нещастье. За великою любовію, бывае и велика вражда, велика ненависть. Никто и не въ силѣ списати, сколько то тяжкихъ смутъ случалось за пре-

страстною любовію. Тому то и „довѣряй сердцу, а съ головою совѣтуйся."

Всякая безплодна любовь глупость, дурачество. На тое кохаются, абы побиралися. За нечистою любовію нечистый и человѣкъ. „Утѣхи на годину, а бѣды до смерти: що тѣло любитъ, тое душу губитъ."

Праведна любовь завязуе семью, на любвѣ возрастае семья съ поколѣнья въ поколѣнье. „Безъ вѣрного друга великая туга: человѣкъ и жѣнка, то една сполка." Не только плотею получаются мужъ и жена, а душею и духомъ. „Добрый пріятель за все стане." Мужъ и жена подружившися должны быти щирыми, вѣрными пріятелями до смерти. Що за велякое щастье для человѣка, если проживае съ вѣрною, доброю, честною женою! „Добрая жѣнка мужеви своему вѣнецъ, а злая конецъ."

Уже сама природа утворила большое розличіе межи человѣкомъ, а женою. Не тымъ з ниматися женѣ, чимъ занимается мужъ, бо „жѣнка не до кучмы, мужъ не подъ примѣтку." Якъ женамъ не до тяжкой роботы, такъ и не до мудрого совѣту: „у жены волосъ довгій, та умъ короткій." На томѣсть нѣтъ красчого опредѣленья для жены, якъ быти матерею.

Добрая мати, то душа цѣлой семіи. Есть она и доброю газдинею и доброю женою; газдинею, бо ей на добру всѣхъ дѣтей залежитъ; женою, бо все за головою человѣка. Знаютъ всѣ люди сколько стоитъ добрая мати: „матерь не купити, не заслужити." Якъ матери каждый одолженъ своею жизнію, у грудей матери сперва плекается, да ховается, такъ и каждый що найбольше вяжется къ матери: „Нема въ свѣтѣ цвѣту цвѣтнѣйшого надъ маковочки, немажъ и роду роднѣйшого надъ матѣночки." Никто въ свѣтѣ неспріяетъ лучше, якъ мати своей дѣтинѣ: „Нема въ свѣтѣ правды только родна мати." „Жена для совѣту, теща для привѣту, матенька родна, лучше всего свѣту." Познати, если дѣти имѣютъ родную матерь: „у кого матерь родненька, то и сорочка бѣленька; у кого матка, у того головка гладка." Весело дѣтямъ за родною матерью: „поти ягнятка скачутъ, поколь матерь бачутъ." Нычого такъ не затямитъ человѣкъ, якъ матереного слова: „кулл мине, а матерене слово не мине николи." Кажда невѣста, що доховалася хорошихъ честныхъ дѣтей, довела ихъ до доброго стану, въ великой почести межи людьми. Есть то святою должностію мужа, не лише любити, но и почитати такую жену, що есть доброю матерею дѣтямъ.

Обовязки жены доволѣ велики и трудны, если есть матерею.

Богато люди толкуютъ про доброе, розумное хованье дѣтей, пишутъ книжки, якъ дѣтей годувати, убирати, чѣмъ ихъ занимати? Такой дѣти що разъ больше ледащіютъ тамъ, где много толку, а съ дѣтьми заходятъ собѣ такъ, якъ съ ляльками въ вертепѣ, по точнымъ правиламъ. А жежъ родной матери не заступитъ ніякое письмо, ніякій толки. Пропалъ той народъ, где женщины не журятся хованьемъ дѣтей, где дѣти не понимаютъ ни отца ни матери.

Если жена не чувствуе въ собѣ достоинства матери, скорa на всѣлякіи пороки. Никто на столько хитрости и ловкости въ обманѣ не заявитъ, якъ пустая жена: „ани на селѣ, ани въ мѣстѣ не вѣрь невѣстѣ.“ Испорченая жена, потеряваши честь и совѣсть на все готова: „съ бабою и дѣдько справу програлъ.“ Таёмна природа у человѣка, то еще таинственнѣйша у жены; не скоро можна познати женщину. „не хвались жёнкою въ сѣмъ день, а въ сѣмъ лѣтъ.“

Бываютъ жены всѣлякого норову, а загально въ томъ всѣ похожи, що суть говорливы. У невѣстки що на души, то и на языцѣ. Никто не переговоритъ лопотливой женщины: „где двѣ бабы, да три жабы сберутся у мѣстѣ, не переговоритъ ихъ человѣка и двѣстѣ.“ Тому то хоть и якъ любитъ мужъ свою жену, всегда она повиноватися ему должна. Тое приказуе и само святое писаніе: „жены повинуйтеся мужамъ своимъ.“ Только тамъ и гаразду, где мужъ головою, а сердцемъ жена.

Где якіи почитаютъ женитьбу за конечность большой угодности: „нема кому ни обопрать, ни облатать, нужно женитися.“ За такимъ помышленіемъ не приспоритъ гаразду вѣнчаніе. Нѣтъ важнѣйшого дѣла въ жизни человѣка, якъ вѣнчаніе. Побираются люди, то побираются „не на рокъ, а на вѣкъ.“ Тому то и цѣлый обрядъ вѣнчанія, есть самымъ важнѣйшимъ обрядомъ. Прекрасный той обрядъ у народа нашого отъ вѣковъ правѣковъ отбывается всегда съ одинакимъ торжествомъ.

Только слѣпый та глухій, крайно бездушній, не понимае той полной глубокой науки, якую голосятъ свадебны, да весельны пѣсни. Такъ вѣра, хорошій обычай освятили женитьбу на всегда, яко праздникъ завязующойся новой семіи. Понимаютъ люди, якъ великій, святый обовязки пріймае женихъ: „не страшно женитись, а страшно журитись.

Кто разъ оженился, тому розженитися трудно: жёнка не черевикъ, изъ ноги не скинешь.“ „Заслюбитись, не дощикъ переченати.“ Первое условіе, зачѣмъ кто женится, есть имѣти доволѣ хлѣба. Безъ

хлѣба не буде, „ни обходу, ни плоду. Не приспособившися до хлѣба, женитьба не только глупостію, но даже безсовѣстнымъ дѣломъ: „милость о голодѣ несыта: нужда въ окно, а любовъ у дверѣ." Въ гараздѣ счувается и сердце: „тогды любовъ бере, якъ достатокъ е." Горестно тымъ новоженцамъ, за которыми проговорують люди: „оженися, не журися, пойде тобѣ рукою: жѣнка пойде за борщемъ, а ты за мукою."

Второе условіе, то сорозмѣрный вѣкъ: „Не кайся рано вставати, а замолоду оженити." Не тамъ овощей глядати, где не было цвѣту, не тамъ любви та сгоды, где ни силы ни здоровля. „Где мужъ старый, а жѣнка молода, тамъ рѣдко сгода." Не довольна жена за старымъ мужемъ, то и молодый мужъ не приноровится до старой бабы. „Коли молодый съ старою оженится, то такъ, якъ бы молоди неуки кони до старого воза запрягъ." Не все що старе, то и добре: „стара газдыня и старе вино за все добре, але не стара дѣвка." Такъ на вѣку полагае все, если кто дружится не весь вѣкъ.

Третое условіе есть подоба. Краса, красотою, а больше стоитъ здоровый безпорочній тѣлесный составъ, бо отъ здоровля родителей зележитъ и здоровлье дѣтей. Недужни родители, то недужни и дѣти. Съ отселѣ и бывае, що вымерають цѣлыи роды, если хороба зашепляется изъ крови, въ кровь. Не подобна у кого жена, такъ и ругаются, насмѣшкуются люди: „сусѣды сусѣдоньки, не бачили моей жѣнки? Моя жѣнка знакомита: подтыкана зъ заду свита, на ножечку налягае, ще и на плечахъ горбокъ мае." Лихо становится дѣвчинѣ, если ей докладаютъ: „за кого отдать, абы не отстать: хоть за вола, абы дома не була." „Хоть безъ зубовъ та о одному оку, абы сего року." Случится, що недорѣка прибере собѣ гарную жѣнку „соломяный парубокъ, а золоту дѣвку бере." Не мало дѣвокъ въ народѣ, а отдавала быся кожда: „що дѣвка то и отданиця." Не дивота, если скорше старый оженится, зачѣмъ стара отдасться. „Есть того цвѣту богато, всюды его полно."

Каждое важное дѣло имѣе свои перепоны, свои обстановки. Якъ часто, густо бывае, що „не все тіи побераются, котры кохаются," женятся иногдѣ на такихъ, якихъ даже не снило, не приснилося. „Поти дѣвка не отдасться, поколь не усудитъ." Такъ що найбольше вредитъ дѣлу, то обмова. Тому то укрѣпилося увѣренье, що „смерть а жена, то отъ Бога призначена."

Цѣлею всякого вѣнчанія есть потомство. Жена тогды только достигае цѣли своей, если есть матерею. „Безплодне дерево зъ раю

выкидаютъ." У безплодной женщины ни радости, ни печали. Не вяжется она ни къ мужу, ни къ хозяйству. Не чувствуе она ни того достоинства, ни того бремени, якое запрятує голову матери, ревной хозяйки. Дѣти то благословенъство Божое въ каждомъ вѣнчанію.

„Горе съ дѣтьми горе и безъ дѣтей." Всякій понимае, якъ багато стоитъ трудовъ доброе хованье дѣтей. На томъ полагае цѣлая семейная жизнь, щобъ доховатися дѣтей вывести ихъ всѣхъ на люди. Дѣтина не только плотею, но душею и духомъ залежна отъ родителей. Первыи понятія о добру и злу, всякіи начала обычайности, получае она въ родительскомъ дому. Чего надѣятися по дѣтямъ, если родители пьяницы, люди порочны, нечестныи? Есть то истыно чудо не малое, если по ледашнимъ родителямъ добрыи дѣти; бо никто такъ не задивлюется на старшихъ, якъ дѣти. Такъ отъ доброго прикладу родителей отъ ихъ розумнои науки, зависла и доля дѣтей. „Дѣти чужа корысть, а найбольше того дочки." Не собѣ въ хосенъ доховуются родители дѣтей, а для свѣта для людей. Якъ нѣтъ добрыи дѣтьми благодать Божая, такъ нѣтъ большой бѣды, якъ лихіи дѣти: „добрыи дѣти батькамъ вѣнецъ, а злыи конецъ."

„Малыи дѣти не даютъ спати, а великіи дыхати." Лучше печалитися дѣтьми, якъ доростаютъ, нижели тогды якъ выросли. „Маленьке миленьке, побольша, погорша. Дорастаютъ дѣти хорошо, если приноровлятся стыду и чести. Дѣтина имѣюща стыдъ и честь недопускается злого. „Любо и неньци, якъ дитина въ чести." И межи дѣтьми бывае большое розличіе, хоть по одномъ отцу да одиной матери: „Одного батька та не однакови."

Не такъ доньками тѣшатся якъ сынами: „якъ сынъ родится, то и углы радуются: дочки оставляютъ безъ сорочки." Дѣвчатамъ нужно большого дозору, чѣмъ хлопцямъ „до сѣмъ лѣтъ чеши, по семи лѣтахъ стережи, ще заплати кому, щобы взялъ лихо съ дому." Не на сыновъ пораются около имѣнья: „сыны принесутъ а дочки и углы рознесутъ."

Поти гаразду для дѣтей, якъ долго жіютъ родителя. Любовь дѣтей къ родителямъ своимъ, есть самымъ большимъ одолженіемъ, внушеннымъ самою природою. Дѣти должны родителямъ своимъ заявляти не только любовъ, но и честь: „шануй батька та Бога, буде тобѣ всюда дорога."

Що найблисше собѣ по роду, то братья и сестры. Не всежъ бывае любовь помежи родними, якъ не всего надѣятися по брату, або по сестрѣ: „братъ, то не батько, сестра то не мати." Годѣ дома-

гатися, если братъ, щобы во всѣмъ повиновался: „братъ мой, а розумъ у его свой.“

Послѣ братей и сестръ найблисшой родинѣ зять, шуринъ. За вѣнчаніемъ получаются двѣ семіи, своятся двѣ родины. Такъ сливаютъ, переливаются роды въ роды. Мило есть человѣкови спознати свою кровь на далекой пространи родной земли: мило есть принадлежати къ честному сгодливому роду, почитаемому отъ всѣхъ: „лучше на родинѣ костьми полягти, нежели на чужинѣ славы натягти.“ Где нѣтъ своего роду, тамъ и нѣтъ своего норову: „на чужой сторонѣ и жукъ мясо и стару бабу молодицею звутъ.“

Изъ одного дерева бывае насѣнье, а великій лѣсъ росплодятся. За великими родами и великая родная земля, великій народъ. Якъ далеко доходишь своимъ языкомъ, своимъ обычаемъ, такъ далеко твое отечество. Хотьбы якъ изъ далекихъ сторонъ, познаются свои ли, или нѣтъ? „Нашъ братъ, не нашого пера пташка.“ Не трудно найти помочи, якъ межи своими: „свой своему не ворогъ; свой своему завсѣды радъ.“ Яка така подготовка, а всежь такой отъ свого: „свой хотя не заплаче, то скривится.“ Другое дѣло межи чужими, а другое межи своими: „свои люде не Татары, не дадутъ загибати.“ Лучше страдати отъ своего, чѣмъ отъ чужого: „свое лѣпше чорта, хоть похвалитъ, то не давитъ.“

Якъ во всѣмъ человѣческіи слабости и престрастія, такъ за родомъ еще большіи. „Нема людей, якъ по нашому роду.“ Всякому свое кажется и красче и лучше, чѣмъ чужое. Правда, нѣтъ нужденнѣйшого человѣка, якъ той, що зневажае да ганьбитъ свой питомеянный родъ. „Добра птиця своего гнѣзда не каляе.“ Уже то по самой природѣ, що „каждый циганъ свои дѣти хвалятъ.“ Хоть и поганс то миле, наколи свое: „хвалится сова своими дѣтьми.“ Величаютъ люди свое, то любятъ давати догану чужому, хотябы оно и лучше: „свого ледачого не хвали, а чужого доброго не гуди.“

Есть семейная жизнь по закону, огрѣвае кровная любовь сердца всѣхъ своихъ, то нѣтъ больше пріятности и потѣхи, якъ между своими: „добре брацтво, красче богацтва.“ Нѣчимъ такъ люди не осолодятъ собѣ жизни якъ любовью: „где любовь, тамъ самъ Богъ пробывае.“ Якъ человѣкови безъ человѣка не жити, такъ и не диюта если полюбивъ другъ друга одинъ за другимъ пропадае: „Ани лопата, ани мотыка ихъ не розлучитъ.“ „То его правое око, правая рука.“ Сживутся свои люди изъ собою, то не могутъ обойтися другъ безъ друга: „мы съ тобою якъ рыба съ водою.“

Добре тому народови, у котораго семейная жизнь есть самымъ

здоровымъ ядромъ всей жизни: где человѣкъ любитъ и почитае свою жену, а жена есть вѣрною и щирою своему мужеви до самой смерти. Где родители не вырекаются своихъ дѣтей, а дѣти почитаютъ и любятъ своихъ родителей, тамъ всякимъ добродѣтелямъ мѣсто.

VII.

Громада.

„Громада великій человѣкъ.“ Зачѣмъ семія сполучалися въ общины, а тіи въ народъ, было не скоро. Одинъ человѣкъ николи не проможе на столько, що люди. Такъ изъ семій потворилися громады. За громадою и сила и правда, бо що тысящъ головъ, то не одна. „У гуртѣ то и смерть не страшна: на міру смерть красна.“ Сколько то людей не погибло гуртомъ! Бываютъ кровавыи войны, где кровь плыве потоками, падутъ люди покосомъ отъ смертяносныхъ куль, а такой неслякаются воювати, на „коли въ гуртѣ.

Уже самая конечность оборовы тай охороны сполучала людей въ большіи громады, бо що легко на одного, то не легко на всѣхъ. И напасть струсится передъ великимъ числомъ людей: „дружной чередѣ волкъ не страшный.“ Человѣкъ самъ собою, хотьбы якій толковый та заможній, не умѣе на столько, що громада: „добре рѣцѣ съ потоками! съ помочію и рѣки текутъ.“

Межи громадою, а поодинокими членами есть самая тѣснѣйшая связь: „що бабѣ, то и громадѣ, що громадѣ то и бабѣ.“ Мило участвовати въ гаразцѣ съ громадою, тожь и нужно вытревати съ вею въ бѣдѣ: „кто сталъ въ раду, то держи и бѣду.“ Кто за громадою хоснуе, тому не свободно отказуватися громадского дѣла: „сядишь въ ряду, цѣй коляду.“ Въ громадѣ спасеніе, въ громадѣ и погибель: „що у людяхъ ведется, то и намъ не минется.“ Не жаль человѣкови потерятн съ многимъ: „хоть и ошукаюся, та тамъ, где всѣ люди.“

Есть въ громадѣ ладъ, есть складъ, есть уставъ, то есть и право: „больша громада якъ панъ; що громада скаже, то и панъ не поможе.“ Въ ничемъ такъ не заявляются добродѣянія въ хорошой громадѣ, якъ въ запомозѣ: „громада одного вспоможе.“ Такъ за громадою вся проможность. Тѣсною связею получае громадская жизнь людей, бо связею забезпеченого имѣнья. Кто имѣе свою почву, свою ролю, свое хозяйство, той не покидается своей громады. Бываютъ по громадамъ прастары зажилыи роды, статніи чельныи

господари. На нихъ сеылаются громадяне съ большою честію и полнимъ довѣріемъ во всякихъ затруднительныхъ случаяхъ. Такіи зовутся людьми благородными, або и князями.

Тогды ладъ тай гараздъ въ громадѣ, если засѣдаютъ въ ней талантливыи думци, доброй, не лукавой волѣ. „Съ добрымъ думцемъ князь, высокого стола додумуется, а съ лихимъ думцею и малого стола сбудется.“ Громадское дѣло требуе всѣлякого рода занятій, чиновъ. Честь тому, кто учтиво и совѣстно служитъ громадскому дѣлу: „якій такій урядъ лучшій, чѣмъ простая служба.“

Каждый чинъ требуе якой то настойчивости, бо безъ рѣшительной волѣ не справится ніякій чиновникъ въ своемъ дѣлѣ. За чиномъ измѣняется и норовъ человѣка: „доти человѣкъ добрый, доколь его десятникомъ не поставлятъ.“ Що людей дѣлае стѣнными въ чинѣ, то врожена талантливость „куликъ на мѣстѣ соколиномъ не буде птичимъ господиномъ.“

Но сему и ладъ въ громадѣ, если за старшими послѣдуютъ молодши. старшимъ повинуются молодши: „кто старшій, той не меньшій; старшій Галичъ отъ Львова.“ Якъ отъ старѣйшины всему дѣлу начало, такъ и почитати старѣйшину всѣ должны; суперечкою николи не довели до добра: „сказалъ мудрый Сенека, стой собѣ сдалека, тай потакуй.“ Якъ не во всѣхъ головахъ однакій дотепъ, однакій толкъ, такъ не каждому рватися до совѣту, сластися въ громадѣ. Есть таки, що не понимаютъ пранды хоть якъ свѣтлой „чи може сова въ сонце дивитися?“ Добра, благорозумна громада умѣе оцѣнити заслуги своихъ жителей: „голова головѣ, а хвостъ хвостови.“ Знаютъ въ громадѣ, кому стоитъ поклопитися: „якъ масшь кланяться лаптю, то лучше поклонись чоботу.“

Безъ установы нѣтъ и громады. Только тымъ робомъ возможный ладъ межи людьми розличного норову, наружности и приличности, если за способными послѣдуютъ недорѣки мудрыхъ слухаютъ не опытны, знакомитыхъ и статныхъ, насущніи.

Не всежъ туды зрыватися человѣку безъ принадлежащого духа и силы, куда смѣливо сдвыгаются въ каждомъ отношеніи дароваты люде: „где соколы лѣтаютъ, тамъ вороны не пускаютъ; куды орлы лѣтаютъ. туды сороки не пускаютъ.“ Не вподобишь собѣ, ни мудрый глупого, ни глупый даровитого: „чешися конь съ конемъ, а волъ съ воломъ.“

Не всежъ потомки знакомитыхъ заслуженыхъ людей придержать и честь и славу и майно. Не разъ бывае, що за титлою гонятъ съ мѣтлою, а „благородни, хлѣба голодни.“ Луч е головою въ якомъ ни-

будь чину добывати куска хлѣба, нижели паношитися на пустую титлу: „Вельможній, а босы слѣды робитъ.“

Народъ поселяется громадами по селамъ и городамъ. Люди занимающіи ся торговлею, куплею, ремеслами, искуствомъ, заселяютъ городы, мѣста, мѣсточка. По великимъ городамъ стѣкается народъ не только съ окрестности, но изъ чужихъ земель.

Городская жизнь отличается самымъ кипящимъ, великимъ движеніемъ. Грошы стягаютъ людей въ городъ. „До мѣста по грошы, а на село по розумъ.“ Скорше пожывится бѣдный на селѣ, чѣмъ въ городѣ, бо въ городѣ безъ грошей, нѣтъ дѣла: „въ мѣстѣ, якъ у тѣстѣ, а безъ грошей нема чого ѣсти.“ Съ гроша живутъ по мѣстамъ люди: „съ кошика, та съ грошика.“ Кто съ голаручъ пускается въ городъ, не получитъ ничого: „безъ грошей въ городъ, самъ собѣ ворогъ.“

Не легко докупитися того, що нужно: „въ мѣстѣ добре только кому нибудь колачъ куповати, а не що друге“ Если где необходима прозорность и здоровый толкъ, то въ городѣ: „не продерешь очей, то продерешь калитку. Красуются городы пышными да величественными сданіями: „церкви да палаты и ни однисенькой хаты.“

Що найбольше по городамъ стягае народъ, то купля: „купля руки пече, а продажъ грѣе.“ Сколько то грошей, богацтва набываютъ люди за щастливою продажею! „Не штука продати, але якъ, тра знати.“ Тогды нужно продавати, якъ попытуютъ люди. Глупый той, що не умѣе спродати, глупый и той, кто не знае купити: „у базаръ два дурнѣ: одинъ дешево дае, другій дорого проситъ.“

До куплѣ нужно великого промыслу и росчетливости: „купецъ якъ стрѣлецъ; не товаръ платитъ, а часъ: година платитъ, година тратитъ.“ Не только стопности требуе продажъ, що купля: „продати и самъ продася, а купити и съ батькомъ не купишь.“ Продавати влучитъ каждый: „проси якъ найбольше, а бери що даютъ.“ Не все тое добре, що дорого спродается: „дорога рыба, та погана юшка.“

Не радо продаютъ люди тое, що добре особенно изъ худобы: „старе хвали, та съ двора гони, а молодого гуди, та въ дворъ бери.“ Кто хоче спродати дорого, а кто купити дешево, такъ и годятся не скоро. „Купити не купити, а торгувати вольно.“ Иногдѣ не такъ богато купна бывае по городамъ, якъ торгу. „Съ великого торгу, мала ярмарка.“ Якъ въ каждомъ дѣлѣ, такъ и въ торгу, много залежитъ отъ рѣшительности: „першого торгу не покидайся! за большимъ поженись, та и послѣдного рѣшись.“ Прійдется заплатилъ кто такій дорого такъ и потѣшается: „дорога только голова на вязахъ.“

Есть купцы крамарѣ по городамъ, то есть и ремесники: „кто чѣмъ орудуе, той на томъ сѣдитъ, съ того ситый и пьяный.“ Якъ великія потребы у людей, такъ и розлични ремесла. Добрый ремесникъ не только що добре робитъ, но и зарабляе добре. „Въ ремесника золотая рука: доброе ремесло и чортъ любитъ.“ Виравному мастреви не трудное ніякое дѣло: „дѣльника и дѣло боится: що вхопитъ, то сробитъ, на що гляне, такъ тобѣ и вчеше.“ Добрый мастеръ не тогды имается за роботу якъ голодный, а за хлѣба: „поколь панъ маляръ бога смалюе, то чорта зъѣсть.“

Ни купля, ни ремесло не могутъ розвинатись если нѣтъ вѣры и мѣры. Вѣра займае, вѣра производитъ всѣлякого рода сношенія, а мѣра опредѣляе все, що кому слѣдуе: „держи вѣру, держи и мѣру.“ Вѣра не имѣюща за собою ніякой подставы есть пустою, есть суевѣріемъ: „що мѣра, то и вѣра; безъ мѣры, нема вѣры.“ Росчетливый человѣкъ во всѣмъ досмотритъ мѣры, и не имс скорше вѣрити, зачѣмъ обчислится: „коли будешь мѣрнымъ, то будешь и вѣрнымъ.“ Познати мѣрного человѣка по его цѣлымъ росположенію: все онъ сдѣлае во свою пору, николи онъ не переберс ни въ стравѣ ни въ напиткахъ.

За вѣрою и мѣрою становится довѣріе, безъ котораго не былобы ни великой куплѣ, ни ремесла, ни искуства. Довѣріе, отпускае въ заемъ гроши и всякого рода вещи, нужни къ насущному дѣлу. Промыслъ, праца и робота обиває гроши, а росдѣляе ихъ межи людей довѣріе. Совѣстность, точность и честь поддержуютъ довѣріе.

На довѣрію полагаютъ всякого рода уговоры. „Уговоръ паче грошей.“ Честны совѣстны люди вяжутся уже самымъ словомъ: „не давши слова держись, а давши крѣпись.“ Особенно торговля не моглабы процвитати, если не былобы ни чести, ни точности: „добре слово стоитъ за завдатокъ.“ Величаютъ всѣхъ тихъ, що вставляются въ словѣ: „онъ панъ своєму слову, що скаже то святе.“

Человѣкъ несчитающій въ ничемъ своего слова, теряе у людей довѣрье: „лучше не обѣцяти, якъ слова не держати.“ Такъ слово честного человѣка должно быти „святе.“

„Лучше орати, чѣмъ грошй въ заемъ отпускатя.“ Ніякій доробокъ не стоитъ на столько клопоту, якъ отпусканье грошей въ заемъ. „Дай руками, а не выходишь ногами.“ Легко гроши займаютъ, а отдаютъ съ трудностію. „Круглый грошъ скоро котится;“ тому то всежъ такой людямъ грошей николи доволѣ. Въ грошевыхъ урудкахъ дознаютъ люди найбольшого заводу: „якъ позычае, то всѣ боги выкладае, а якъ отдае, то въ батька матеръ лае.“ „Довжникъ весело

бере, а смутно отдае." Мудрый бере, що захопити може: „отъ злого давця, бери и кащя."

Такая громадская жизнь по городамъ. Насупротивъ такой жизни становится мандровка, або перетяганье изъ села въ село, изъ города въ городъ. Есть люди пристрастно замилованы въ непостоянной переходящой жизни съ мѣста на мѣстце. Не принадлежачи къ никой громадѣ, становлятъ они, якъ бы живую связь въ народѣ, нагадуючи своимъ мѣстцевымъ пронехожденіемъ самы отдалены закаулки. Головна привлекающая цѣль ихъ то заробокъ. Не спрашиваютъ они куда догоднѣйше, а идутъ за шляхомъ: „мандровочка родна тѣточка, где хатка, тамъ и панямятка." Не побиваются они за имѣньемъ, а довольны насущнымъ хлѣбомъ превозносятъ скитающую бродящую жизнь, яко свободну, надъ всѣ обовязавія постоянной жизни въ громадѣ. „Только домовъ, якъ у заяця лановъ." Волокиту никто не допросится чому, за чимъ пойшолъ: въ самомъ ходу росте ему сердце: „пойшолъ зъ блеску свѣта." „Пойшолъ у свѣты; пойшолъ съ пустымъ мѣхомъ на порожны клуны; побѣгъ якъ собака за возомъ." Такъ всежь по при громадское постоялое житье, розводится буйною струею скитающа жизнь, надѣляюча своихъ приверженцевъ полною свободою хотяй во прочемъ о холодѣ да о голодѣ.

Що найбольше сполучае людей въ большіи общества, въ громады, то пріязнь миръ и сгода.

„Святый супокою Господь Богъ съ тобою!" Всякая громадская жизнь полагае на согласію, на сгодѣ. „Сгода домъ будуе, а не сгода рушнуе." Только за сгодою повязалися люди въ большіи общества, бо где много людей живе побочь себе, тамъ нужное совокупленье. Якъ на людяхъ все полагае, такъ безъ людей не дасть доконатися ни малѣйшая урудка. „Где несгода, тамъ часто шкода: лучша соломяна сгода, якъ золота звада." Миромъ люди вдомувалися, миромъ повоздвигалися роскошніи села, та богатыи городы. Дивная природа такъ у всѣхъ людей, якъ у поодинокого человѣка. Уже саміи пристрастія родятъ всякіи борбы. Но зачѣмъ до явной вражды и борбы приходитъ, есть всѣякого рода суперечки, сварки да гнѣвъ. Отъ злого слова вчинается и злое лукавое дѣло. „Слово жестокое воздвигае гнѣвъ." Гнѣвъ розъярятъ хоть якого повольного человѣка: „отъ жару и камень трѣсне." Безъ гнѣву нѣтъ и ярости: „безъ поджогя и огонь не горитъ."

Погодятся хоть бы якъ много людей помежи собою, если каждый смотритъ не за чужимъ а за своимъ дѣломъ: „не мѣшайтесь межъ чужи люди." Якъ не всѣ люди однакой даровитости, такъ не всѣ въ однакомъ чинѣ, однакомъ званію: „коля не попъ то не мякайся въ

рызы." Не всѣмъ стояти у чела, а тымъ за которыми и наука и талантливость: „коли не перогъ, то и не пирожися, коли не тямишь, то и не берися." Не всежь тамъ выкатися, на що нѣтъ здорового толку: „лучшебъ глядѣлъ свого носа, нежели чужого проса."

„Где сгода тамъ и пріязнь." Спріяютъ собѣ люди, то и любятъ другъ друга. По пріязни, по дружбѣ гараздъ, всякое мирное дѣло. „Не имѣй сто коиъ, якъ сто друговъ." Годится двое лицъ другъ другу, то сполучаются нероздѣльно: „ны съ тобою, якъ рыба съ водою." Истинна пріязнь не вяжется самымъ только хосяомъ, а доброжелательностью и вѣрностью: „у друга вода солодша вражеского меду." Не щадитъ другъ другови, если нужно подати помочь: „для милого друга и вола зъ плуга." Истинна дружба не на рокъ не на два, а на цѣлую жизнь: „ани лопата, ани мотыка ихъ не розлучитъ."

Въ жизни не легко, а трудно взыскати доброго щирого пріятеля. „Не посваривши съ кимъ першь, не имѣти пріятеля." Не той пріятель, кто въ добру только людей знае, а той, кто въ нуждѣ не сцурается: „въ пригодѣ познавай пріятеля."

Безрозумный той, кто за для якой прихтѣнки отрѣшится старой пріязни а глядае новой: „для пріятеля нового, не пускайся старого." Якъ повседейка, такъ и въ пріязни, много стоитъ вѣрность. Кто уже разъ съ кимъ звязался, долженъ быти вѣрнымъ, хотяй бы отъ нового пріятеля большій хосенъ слѣдовалъ. Не всежь одна пріязнь пригодится съ другою, бо що одному пріятелеви до ладу, тому противитись може вторый. И пріятелеви годѣ догодити съ оскорбленіемъ кого нибудь второго: „другу дружи, а другого не гнѣви." Кто якъ для людей, такъ люди для него: „дай Боже межь людьми быть въ любвѣ."

Що выкликае сварки, споры, ненависть, бойку помежи людьми, то вражда. Ворогъ той, кто напосѣдае на добро человѣка. Ворогъ не лишь никому добра не желае, но и вреднтъ где только може. Невсыпущій ворогъ потовкается злыми помышленіями днемъ и ночію: не тѣшитъ его яке таке добро противниковъ. Ворогъ напостае на имѣнье, на гараздъ, даже на жизнь самую своихъ противниковъ: „щобъ могъ, то онъ бы ножъ въ мене встромилъ, въ ложцѣ воды утопилъ бы."

Не дивно если враждуютъ чужи люди, а дивно если не спріяютъ свои своимъ: „важкій ворогъ, якъ у себе дома, та у своемъ родѣ." Болитъ человѣка, если на властномъ хлѣбу догодуется тяжкого ворога: „поти не будешь ворога имѣти, поколь его своимъ хлѣбомъ не нагодуешь." Лихо есть, если есть свой ворогъ въ народѣ, еще лйхше, если онъ въ громадѣ, а найгорьше якъ у питоменной родинѣ. Ворога ніякъ не спекатися враждою, бо „вражда вражду родитъ." Ворога, если не безоружитъ, то ослабится добромъ „ворога хлѣбомъ та солею карай: дай хлѣба а соли ворогови хоть якъ скаженному псови." Напастливого ворога не поспекается, кто неимѣе достаточной силы: „ворогу все отдай, а самъ такъ останься, абы дальше отъ лиха." Не устерегъ бы сѣ человѣкъ отъ пороговъ если бы не лучило ся що: „кто подъ кимъ яму копае, той въ ню впадае."

Враждуютъ люди съ людьми, то враждуютъ народы съ народомъ, настаютъ на погибель одни другимъ, а съ отселѣ прои-

сходитъ большая борба, которую называемъ войною. „На войну идучи по чужу голову и свою неси.“ На войнѣ господствуе смерть и погибель. Отколи построилися народы въ державахъ, есть збройная сила въ защищеніе и оборону есть солдаты воины. Бываютъ на времени великіи кровавыи войны, на якихъ численыи войска стераются якъ бы хмары. „Войско иде, якъ макъ цвите.“ За свою жизнь, отечество и свободу сражаются народы: „Народу якъ дымъ иде, хмарою идутъ люди, якъ плава плыве.“

Кровавая война рѣшае судьбу народовъ тогды, если ніякъ залагодити споры: „трудна сгода, где огонь а вода.“ „Олѣю съ водою николи не погодишь.“ Якъ страшна есть война якъ много она погибели наноситъ на людей, такъ неизбѣжима она въ отношеніяхъ помежи народами: „не помирятся, якъ два коты надъ саломъ.“ Вже такой войну, збійство людей не оправдае та не одобритъ ніякій розумъ: „нехай дурны бются, нехай розумни шалѣютъ.“ На войнѣ конечно погибати многимъ бо „куля не галушка, ей не проковтнешь.“ Двѣ рѣчи необходимы ко войнѣ: добрая зброя, и добрая рада, або начальство. „Кто не имѣе зброи, най не иде въ бои, безъ рады и войско гине.“ Мудрость сполучена съ быстрою вѣдомостью то найбольше стоитъ въ кровавой войнѣ: „коли сова съ яструбѣе, то высше сокола лѣтае.“ Горе тому кто вызывае войну только самой войны рады: „якимъ мечемъ махае, такою путью погибае.“

Кто къ войнѣ пособится, тому нужна отвага. „Где отвага, тамъ щастье: якого врага бояться!“ Отвага уготовитъ человѣка, такъ на добро, якъ и на лихо: „отвага або медъ цье, або слезы лье.“ Отвага росте съ головами, росте въ очи великой опасности: „або будемъ на Руси, або пропадемъ усѣ.“ Высшіи судьбы, а нежели всякій розумъ, всякая воля, всякіи человѣческіи усилія, розрѣшаютъ щастье въ войнѣ: „чого Богъ не дасть, того и коваль не выкуе.“

Не былобы и правильного войска, еслибы не громада. Хорошо устроенная громада, то основа жизни цѣлого народа. Есть добрый ладъ въ громадѣ, то есть и безопасность: „не бойся, та стережися.“ Сказано: „якій войтъ, якій присяжный, яки десятники така цѣла громада.“ Цураются такими людьми, если въ громадѣ ни чести ни справедливости, а розгардіяшъ та злодѣйство. Чѣмъ лучша громада, тѣмъ меньше злыхъ, бо „на громаду всѣ смотрятъ, за громадою всѣ идутъ.“ Громада должна стремитися всегда къ народному добру, за громадою слѣдуютъ поодиноки обыватели: „куды игла, туда и нитка.“